

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-572-702>

<https://elibrary.ru/VMEDHE>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NonCommercial 4.0
(CC BY-NC)

© 2024 г. А.А. Соболев, предисловие,
подготовка текста и примечания

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ ЮРИЯ ВЕРХОВСКОГО К ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Аннотация: Впервые печатаются в полном объеме прозаические и стихотворные послания Юрия Никандровича Верховского к Вячеславу Ивановичу Иванову. Восстанавливаются (в том числе на основании ранее не вводившихся в научный оборот материалов) основные вехи их дружбы, продлившейся два десятилетия — начиная со знакомства зимой 1905/1906 гг. и до последней московской встречи летом 1924 г. Сами письма примечательны не только в качестве почти идеального примера символистского эпистолярия но и как образец текстов, весьма сложных для комментирования по обилию скрытых цитат, неочевидных отсылок и туманных упоминаний малоизвестных лиц.

Ключевые слова: Юрий Верховский, Вячеслав Иванов, символистский эпистолярный, далекий друг, «мертвых дней виденья».

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — библиограф, историк литературы, Г-19, а/я, 149119019 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3820-4263>
E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: Письма и послания Юрия Верховского к Вячеславу Иванову / предисл., подгот. текста и примеч. А.А. Соболева // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 572–702.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-572-702>

© 2024. *Alexander L. Sobolev, preface,
text preparation and notes*

LETTERS AND EPISTLES OF YURI VERKHOVSKY TO VYACHESLAV IVANOV

Abstract: For the first time Yuri Verkhovsky's poetic and prosaic letters to Vyacheslav Ivanovich Ivanov are published in extenso. The author reconstructs (in particular on the basis of the materials previously absent from scientific circulation) the major milestones of their friendship, which lasted for two decades — starting from their acquaintance in the winter of 1905/1906 up to the last Moscow meeting in the summer of 1924. The letters are notable not only as an almost perfect example of symbolist correspondence but also as a sample of texts that are difficult to comment on, for the plethora of hidden quotations, implicit allusions, and vague references to lesser-known persons.

Keywords: Yuri Verkhovsky, Vyacheslav Ivanov, symbolist correspondence, distant friend, “gone days visions”.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, Bibliographer, Literary Historian, P.O. box 149, 119019 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3820-4263>

E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: “Letters and Epistles of Yuri Verkhovsky to Vyacheslav Ivanov”, preface, text preparation and notes by A.L. Sobolev. *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 572–702. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-572-702>

Череда квалифицированных исследований последнего времени перевела диалог Вячеслава Иванова с Юрием Верховским в разряд наиболее изученных эпизодов истории русского модернизма¹. Напомним основные вехи этих отношений, продлившихся без малого двадцать лет и возвращающихся наплывами памяти ти еще несколько десятилетий.

¹ См. прежде всего: [12]; то же: [13, с. 394–425; 96, с. 220–225; 8, с. 158–159; 16, с. 268–270; 14, с. 505–524; 15].

В одной из последних реплик поэтической переписки с Ивановым Верховский, болезненно чуткий к тайным знакам своей и чужой судьбы, обмолвился:

Некогда те же листы строки твои и мои
Отпечатали впервые².

Здесь подразумевался странный параллелизм их судеб: несмотря на двенадцатилетнюю разницу в возрасте, поэтический дебют двух поэтов состоялся почти одновременно в столичном «Вестнике Европы». Первопубликации их ювенилий разделяют четырнадцать месяцев: Иванов напечатал стихотворение «Две недели» в сентябрьском номере за 1898 г., а Верховский — цикл из трех стихотворений в ноябрьском за 1899-й. После этого эпизода биографии их вновь разошлись, так что встретились они лишь несколько лет спустя — вероятно, в 1906 г., в расцвете славы «Башни». Обстоятельства тщательно подготовленного и оттого триумфального вхождения Иванова в литературную жизнь хорошо описаны, с Верховским же происходило вот что.

В 1902 г. он заканчивает романо-германское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В автобиографии Верховский перечисляет несколько своих вынужденно кратких занятий первой половины 1900-х гг.: каталогизация библиотеки А.А. Куника в Азиатском музее, стажировка в отделении полиграфии Публичной библиотеки (где он, по собственному признанию, «не ужился с покойным И.М. Болдаковым») и так далее [50, с. 731]. Между тем, за пределами этого curriculum vitae остались экономические обстоятельства, оказавшие существенное влияние на дальнейшую его биографию.

Мы не знаем достоверно подробности финансового положения членов семьи Верховских, но видный из документов контраст между их заботами разителен: брат, Вадим Никандрович, занимается поисками лесничего для присмотра за двумястами

² Из стихотворения «Вячеславу Иванову» (*«Друг мой, некогда мы упредили крылатую рифмой...»*); № 31 по нашей нумерации. Далее цитаты из печатаемых нами писем приводятся без специальных сносков.

десятинами леса в наследном Щелканове³; в эти же годы Юрий Никандрович донимает декана факультета прошениями об освобождении его от платы за лекции⁴.

Далее эта финансовая пропасть будет только усугубляться. В одном из писем брата Вадима к жене, представительнице разветвленного и чрезвычайно богатого клана Рачинских, говорится: «По секрету скажу тебе, что мы имеем в виду еще такого рода комбинацию; может быть и ты согласишься, что это будет расчет. Дело в том, что, как мы с тобой говорили, если Юраша не получит места, то нам грозит полный прогар. Не будет ли нам теперь расчет обещать Юраше взять его к себе в случае, если он не получит места. По-моему, раз мы теперь убедились, что с Шурой дело иметь возможно, то для нас это будет несравненно выгоднее, чем если они будут жить отдельно, т. е. ведь, как ни как, а дать им погибнуть мы не будем в состоянии»⁵. Юраша здесь — Юрий Никандрович; Шура — его жена, Александра Павловна; возможно, неучитывая оговорка по ее поводу намекает на источник омрачивших их жизнь денежных проблем — не был ли этот брак осужден родственниками?

Место, которого они ожидали, вскоре нашлось: Юрий Никандрович был принят на должность библиотекаря в Политехнический институт. 3 сентября 1904 г. он, сообщая об этом матери, добавляет: «Можешь себе представить, как я доволен и удивлен. Я не ожидал, что это решится так скоро»⁶. Впрочем, и эта, не слишком, кажется, завидная для университетского выпускника должность, вскоре оказалась под угрозой. Дело в том, что Верховский с юности страдал редкими, но регулярными припадками эпилепсии, и это не только сделалось известным его дотошному работодателю⁷, но и вскоре привело к увольне-

³ Письмо В.Н. Верховского к А.А. Рачинской от 24 августа неизвестного (1904?) г. // РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2390. Л. 2.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. К. 3. Ед. хр. 35044. Л. 13, 17 и далее.

⁵ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 1958. Л. 18.

⁶ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2261. Л. 72.

⁷ «Сейчас узнал от своего зятя, который с г. В. был в гимназии и в университете, что В. страдает чрезвычайно редкими — не более одного в год — нерв-

нию: один из приступов случился вскоре после выхода его на службу, что вызвало пароксизм энергичной переписки среди администрации института. В результате полгода спустя директор в частном письме к его рекомендателю настоятельно советовал Верховскому оставить должность: «Верховский проявил новые доказательства своего болезненного состояния и неспособности к деятельности библиотекаря. Надеюсь, что Вы и Ваш зять были добры и советовали ему уйти, так как будет тяжело мне его удалять, несчастного человека»⁸. В мае 1905 г. он подает прошение об отставке⁹ и на лето вместе с семьей уезжает из Петербурга.

Впрочем, осенью того же года ситуация налаживается. Жена, Александра Павловна, оставив полуторагодовалого сына, идет преподавать в школу для детей рабочих при заводе Нобеля, а сам Верховский читает лекции по истории литературы на Общеобразовательных курсах: до декабрьских событий он успевает прочесть лишь одну, хотя и встреченную (что непривычно для этой аудитории) аплодисментами, следующая уже отменена из-за забастовки. Объединенный семейный бюджет (47 руб. в месяц учительницы и 3 рубля в час лектора) позволяет им снимать маленькую квартирку за 23 руб. и вести весьма скромное по столичным меркам существование¹⁰. Между тем, определенные надежды на перемены к лучшему явились из нового источника: 20 декабря

ными припадками. Они не помешали ему быть оставленным при университете и служить в Публичной Библиотеке. Они и не помешали ему быть рекомендованным Вам многими близко его знавшими профессорами Политехникума» (письмо О.Д. Хвольсона к А.Г. Гагарину от 18 сентября 1904 г., подшитое в личное дело Верховского в архиве Политехнического института: ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 53. К. 740. Л. 7–7 об.). Зять — Василий Васильевич Вахтин (1877–1917).

⁸ Письмо А.Г. Гагарина к О.Д. Хвольсону от 14 февраля неуказанного, но, несомненно, 1905 г. // Там же. Л. 12.

⁹ О чем сообщает матери: «Между тем уже с неделю тому назад (вскоре по приезде Шуры с Никитой) я сделал очень важный шаг: послал в Политехникум прошение об отставке. Я решился на это после всего, что мне говорила Шура и о твоём, и о вашем, и о своём мнении по этому вопросу» (письмо от 25 мая 1905 г. // РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2261. Л. 82).

¹⁰ Основные сведения — из ретроспективного письма А.П. Верховской к А.А. Рачинской от 24 октября 1905 г. // РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2397. Л. 8 об.

1904 г. вышел и поступил в книжные магазины изданный братьями Верховскими «Зеленый сборник стихов и прозы»¹¹.

В.Я. Брюсов, тщательно следивший за книжными новинками — ради пополнения критического отдела «Весов», а особенно накануне появления их же беллетристического отдела, — обратил на альманах специальное внимание и год спустя, явившись в Петербург, поспешил встретиться с двумя из его авторов. 16 января 1906 г. он отчитывался С.А. Полякову: «Поиски “мо-
лодых” и “новых” идут очень успешно. <...> Во-первых, нашел очень юного и очень интересного поэта Городецкого; во-вторых, нашел весь состав Зеленого Сборника, из которых Верховский и Кузмин могут быть полезны как работники в разных отношениях; в-третьих, видел очень много еще более молодых, которых просил присылать на просмотр стихи, статьи, рассказы etc. — может, что и выберется» [87, с. 109]. Занятно, что Кузмин, оставивший запись о переговорах с Брюсовым в своем дневнике, был твердо убежден, что «главной целью его было завербовать Юрашу» [74, с. 103]. Такое же впечатление может сложиться из первого, весьма настойчивого письма Брюсова к Верховскому, отправленного после возвращения его в Москву: «Мне хочется верить, что Вы не забыли нашего Петербургского разговора. Обращаюсь к Вам еще раз с просьбой и с предложением — сотрудничать в “Весах”. От Вас мы ждем не только стихов, но и прозы: статей, заметок, рецензий (одну, помнится, Вы мне определенно обещали). Не стесняйтесь, если Ваша заметка будет слишком специальной, “ученой” (напр., разбор какой-нибудь специальной книги): у нас читатель избранный, изысканный, да к тому же “притерпевшийся”»¹². Оставив на время хронологию, нужно сказать, что за несколько следующих месяцев отношение Брюсова к Верховскому без всяких очевидных внешних причин решительно переменилось и на первый же присланный материал он отвечал с холодностью почти оскорбительной¹³, но сделав-

¹¹ Нам случалось отдельно писать об этом издании.

¹² Письмо от 3 февраля 1906 г. // РНБ. Ф. 8. Ед. хр. 20. Л. 1.

¹³ «При всем нашем желании — предоставить в “Весах” широкое место новым сотрудникам, мы не можем поместить целиком Вашей статьи о книге Веселовского» и т. д. (письмо от 16 июня 1906 г. // Там же. Л. 4).

шейся впредь обыденной для их переписки. Пока же зафиксируем эмоциональный и событийный фон, на котором происходит знакомство Верховского с Ивановым.

В том же брюсовском послании к Полякову среди прочего говорится: «“Среды” Вяч. Иванова это Ноевы ковчеги, где бывает до 50–60 человек!!» [87, с. 109]. Неудивительно, что появление на них нового посетителя (а для нас почти очевидно, что знакомство состоялось именно там) прошло незамеченным. Впервые имя Верховского появляется в письме-отчете Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 8 февраля 1906 г.: «Читали еще молодые: Верховский, Фридман <так!> Пяст» [1, с. 166]. Далее сведения о его визитах идут сплошным потоком: 13 февраля Иванов сообщает Брюсову: «Среды продолжаютс^я. <...>. Юрий Верховский приходит» [4, с. 335]; 3 апреля Зиновьева-Аннибал пишет Замятниной: «Пришел Верховский, милейший поэт и привязавшийся к нам еще совсем молодой, хотя очень бородастый человек. Читал свои терцины — поэму. Вячеслав мастерски раскритиковал, и Верх<овский>, хотя и огорченный, но все же был доволен и обогащен. Академия пила чай» [1, с. 179] — и так далее, поскольку все эти источники принадлежат к числу общеизвестных¹⁴, нет специальной нужды длить нашу хронику.

¹⁴ За одним исключением: в недатированном письме, относящемся к октябрю 1906 г., А.Н. Верховская писала своей тете А.А. Рачинской: «Вчера было собрание у Юрки. Были Брюсов, Вячеслав Иванов, Болотный попик, т. е. Блок <sic> и т. д. Лидюша и Оля тоже были, а я как-то не пошла. Были Кузмин и Ауслендер, котор<ые> раньше заходили ко мне. Между прочим сообщи тете Соне, что Андрей Белый пел у Иванова, мне говорил Кузмин, свои стихи на мотив “чижик, чижик, где ты был”. Начинается так:

Жили-были я да он
После наших похорон...

Как хочешь, Бугаев больше всех по твоей специальности. А Юрий наш больше пошел в ход, будет печататься в “Факелах”, кроме того на днях были напечатаны его переводы из Ришпена и Верлена в “Огнях”, новый еженедельный журнал, и еще будет напечатан в “Беседе” Ясинского. В ноябрьской книжке “Весов” будет 8 или 10 его стихотворений и когда он получит деньги, он хочет поехать в Москву к Скорпиону» (РГАЛИ. Ф. 417. Оп. 1. Ед. хр. 2396. Л. 178. Лидюша — Лидия Никандровна Верховская. Оля — Ольга Никандровна Кара-

Принципиально другое: старомодный моногамный и цисгендерный провинциал Верховский был очевидным образом чужд прямой раскрепощенности интимного башенного круга (отчасти конституированного кружком «гафизитов»). В дневнике Кузмина, интенсивно пробирающегося к самому центру «башенной» жизни, рассыпаны насмешки над приземленностью бывшего сотоварища по «Зеленому сборнику»: «Вчера, когда мы шли от Каратыгиных с Юрашей, я упрекал его, что он не предприимчив, не *fantaisiste*, что он, напр<имер>, не согласится сейчас идти пешком на Острова, смотреть, как взойдет солнце, сидеть на траве, как сомовские “поэты”, и читать стихи, не поедет на лодке, не пойдет в трактир. Он тарачил глаза и говорил, что он согласен идти в “Зол<отой> якорь”, только он ни вина, ни чая не пьет. Конечно, я не пошел» [74, с. 152]; «Юраша жаловался, что ему опротивело самому быть таким стариком, не пить, не авантюрировать и т. д. У него было очень бледное, опухшее и помятое лицо и нехорошие блуждающие глаза, я думаю, что у него или недавно был, или скоро будет припадок. Вчера он был весь вечер, и обед, и часть дня у Ивановых. Вечером, часу в 10-м, заходил ко мне, но швейцар догадался сказать, что меня нет дома» [74, с. 157].

По дальнейшим записям видна двусмысленность положения Верховского на «Башне»: «К Ивановым пришел Юраша, которого насилу удалось спровадить» [74, с. 253]; «Мы с Сережей прошли в комнату Городецкого ждать, покуда не удалят Лемана и пришедших Чулкову и Верховского (опять несчастный Юраша!)» [74, с. 263] и т. д. При этом, конечно, сводить роль Верховского там к комической позиции нежеланного гостя было бы большой ошибкой: тщательно описанные Кузминым оргиастические сюжеты башенного быта оставались лишь одним из его измерений. Но за прошедший 1906 г. их взаимные роли утвердились уже навсегда: Верховский пополняет список ивановских учеников, поэтических апостолов, и обречен во всю дальнейшую жизнь ловить знаки его благосклонности.

тыгина. Тетя Соня — Софья Николаевна Рачинская. Неточно цитируется стихотворение Белого «Хулиганская песенка». Первый номер журнала «Огни» вышел в октябре 1906 г.).

Первый из которых не медлит явиться: в начальных числах января 1907 г. Верховский со второй попытки отправляется в Москву (он должен был ехать еще 21 декабря 1906 г., но, засидевшись на «Башне» в разговорах, опоздал на поезд). С собой он везет *рекомендательное письмо* от Иванова к Брюсову, и тон, и содержание которого по-своему замечательны:

Едет в Москву Юрий Верховский — показать тебе свой составленный сборник. При составлении его он пользовался моими советами. Желаю ему доброго успеха в «Скорпионе». Ясно вижу в этой будущей книге индивидуальность поэта, ибо он, конечно, поэт и имеет индивидуальность. «Тени ночные» правильнее, быть может, было бы назвать «Полутенями». Как *poète des répnombres*, он играет на полутонах и ассонансах. Здесь и преимущественная заслуга его в области техники. Притом, несомненно, истинный лирик. Много поисков, много и обретений; значительное разнообразие, — но настоящее мастерство еще далеко не везде, и почти везде какая-то вялость и (подчас приятная!) бледность, зато истинная, хоть и несколько флегматическая лирика. И если бы нужно было составить томик его *carmina selecta*, это был бы превосходный томик. Но чтобы раскрыться ему в его многообразии и как он того заслуживает, необходимо, по-моему, дать не менее полсотни его лирических вещей и, кроме того, его подражания, среди которых есть и перлы, как «Романсы о Вилламедьяне». Представить его так — по силам «Скорпиону» и задача необходимая с точки зрения историка литературы [85, с. 495]¹⁵.

История публикация этого сборника растянется на два года — и из-за загруженности «Скорпиона», а отчасти — и из-за того свойства автора, которое Иванов позже определит как «знаменитая мешкотность моего сердечного друга Юрия Верховского»¹⁶: в частности, когда уже набранная книга будет ждать авторского пригляда за корректурами, Верховский перестанет отвечать на

¹⁵ Один из вещественных знаков глубины участия Иванова в работе над дебютным сборником Верховского — его рукописное оглавление, отложившееся в Ивановском архиве (РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 39–40).

¹⁶ Из письма Иванова к М.А. Цявловскому от 24 мая 1925 г. Цит. по: [24, с. 801].

письма Брюсова, заставив последнего справляться о его судьбе. Между тем, через несколько недель после возвращения их Москвы, Верховский заболел инфлюэнцей, осложнившейся воспалением легких, и возвестил об этом стихотворением (№ 2 в нижеследующей подборке). Характерно, что Иванов, традиционно туго отзывавшийся на прозаические послания (что неудивительно при гомерическом объеме его входящей почты), на перевод их диалога в новый регистр отреагировал почти мгновенно. 20 марта он читает полученное стихотворение на «Башне» в присутствии М.А. Кузмина, К.А. Сомова, А.А. Блока, Н.А. Бердяева, С.В. Троцкого и неизвестного нам англичанина [74, с. 336], и тем же днем в рукописи датировано его ответное «Выздоровление» («Верховский! Знал ли я, что ты...»). Почти одновременно этот обмен стихотворениями получает силу и значение художественного жеста: к автографу ивановского стихотворения свои пожелания выздоровления дописывают Городецкий и Зиновьева-Аннибал (стихотворные) и А.М. Ремизов (прозаическое), и этот листок отсылается больному поэту¹⁷.

Так начинается их поэтический диалог, и культурные коды, которыми они обмениваются в первых же репликах, весьма значительны. Верховский, филолог по образованию и роду занятий, предъявляет, вопреки своей специальности (он был учеником А.Н. Веселовского и специализировался на романской литературе), верительные грамоты от пушкинского времени: не только упоминание Языкова, легендарного виртуоза дружеских посланий, но и отчетливо маркированные рифмы «злата/булата». И здесь же он мягко подсказывает адресату ожидаемые от него мифологические парадигмы: «златорунный» и «Фебом взысканный» очевидным образом намекают на область филологии, по праву образования и личной склонности подвластную Иванову. Таким образом, словесное *petit-jeux* обрастает избыточными смыслами. Адресат, для которого они были куда более очевидны, нежели для нас, легко подхватывает предложенную игру, и отвечает ворохом ответных паролей, не только принимая свое

¹⁷ РГБ. Ф. 109. К. 2. Ед. хр. 51.

представительство за древний Рим (ибо лирический герой стихотворения идет вослед Музам, которые «пришли будить» Верховского «по тающим снегам»), но и напоминая еще об одной общей духовной прародине — европейском Средневековье («Как оный набожный жонглер» и т. д.). С этого момента их переписка существует в двух измерениях — поэтическом и прозаическом, — причем почти без корреляции формы и содержания: как в рифмованных строках могут сообщаться сугубо практические сведения, так и, напротив, проза может быть использована для изложения возвышенных чувств.

* * *

П.Н. Лукницкий записывал уже во второй половине 1920-х гг. со слов Ахматовой: «Николай Степанович говорил постоянно о Вяч. Иванове — его любимая тема такого разговора была — о том, что Вячеслав покровительствует бездарной молодежи — Верховскому, Бородаевскому и другим; что он хочет себе подчинить всех, что это невыносимо и мучительно» [81, с. 23]¹⁸. Действительно, внешняя канва их взаимоотношений с первого года знакомства представляет собой список благодеяний старшего поэта по отношению к младшему. В 1908 г. Иванов принимает деятельное участие в издании дебютной книги Верховского под маркой «Скорпиона»: доходит до того, что он сам объявляет автору о том, что книга поступает в производство¹⁹. В 1909 г., получив от М.О. Гершензона приглашение в только что организованный журнал «Критическое обозрение», Иванов в качестве первого вклада предлагает рецензии на сборники П.С. Соловьевой и Верховского, так что заказчик (в будущем — верный и вни-

¹⁸ Возможно, эта реплика — след долгого послевкусия от дискуссии 1909 г.: «Вяч. цукал Гум. за Юрашу и пр.» [75, с. 175].

¹⁹ «Сегодня только что Вячеслав Иванович сообщил мне, что “Скорпион” берет мой сборник стихов. Я очень счастлив, т. к. это — исполнение давнишнего моего желания» и т. д. (письмо Верховского к Брюсову от 11 апреля 1908 г. // РГБ. Ф. 386. К. 80. Ед. хр. З. А. 22).

мательный друг последнего) вынужден через посредницу деликатно его отговаривать:

«Гершензон не получил моей открытки, а потому никак не мог ответить на мой вопрос. Он страшно рад, если Вы напишете рецензию на “Плакун-Трава” Соловьевой, но относительно Ю. Верховского есть следующее соображение: журналу неудобно помещать отзыв или статью о малом поэте, когда не разобраны или не раскритикованы многие книги “больших” поэтов. В таком именно положении находится “Критическое обозрение” относительно В. Брюсова. Поэтому Гершензон говорит, что Вы оказали бы истинное благодеяние, если бы захотели дать отзыв о стихах “Все напевы” или “Пути и перепутья”. С отзывом же о Верховском он склонен думать, что им следует подождать именно в виду того, что нет еще отзывов о более видных книгах»²⁰.

В том же 1909 г. подчиненное положение Юрия Никандровича затвердевает еще больше: он начинает посещать занятия организованной Ивановым поэтической академии, и на правах первого ученика (вместе с будущей Черубиной де Габриак) энергично участвует в дискуссиях и даже удостоивается чести прочесть собственную лекцию [5, с. 90–91; 19, с. 342]. В том же году Иванов, получив приглашение к участию в «Аполлоне», передает туда одновременно с собственными стихами Верховского и, дождавшись подтверждения от секретаря редакции²¹, удовлетворенно записывает в дневнике: «Секретарь Маковского пишет, что “Аполлон” благодарит за доставленное (значит, я устроил стихи Верховского туда?) и что больной просит заехать к нему» [68, т. II, с. 801].

²⁰ Письмо Ал.Н. Чеботаревской к Вяч. Иванову от 29 апреля 1909 г. // РГБ. Ф. 109. К. 36. Ед. хр. 20. Л. 33–34.

²¹ «Милостивый Государь Вячеслав Иванович. С.К. Маковский поручил мне написать Вам, что ему очень жаль, что болезнь лишила его удовольствия видеть Вас, но он все же очень просит Вас заехать к нему на этих днях пораньше, до 2–3 часов, и тогда он сможет поговорить с Вами. Он очень благодарит Вас за стихи Ваши и Юр. Верховского, а также за книгу Бородаевского, которые, конечно, с радостью будут использованы “Аполлоном”. С совершенным уважением Евгений Зноско-Боровский, секретарь редакции» (письмо Е.А. Зноско-Боровского к Иванову от 4 сентября 1909 г. // Ф. 109. К. 24. Ед. хр. 66. Л. 1).

Весной 1910 г. Верховский, давно отказавшийся от петербургской квартиры, переселяется на «Башню»²². На последующие недели падает интенсивная работа над вторым его стихотворным сборником — «Идиллии и элегии», — который выходит в свет в июне 1910 г. под маркой «башенного» издательства «Оры». Из-за того, что автор и издатель не только находятся в одном городе, но и живут в одной квартире, процесс работы над книгой вовсе не документирован — за единственным исключением: в нашем собрании хранится корректурный экземпляр сборника с обильными пометками Иванова. Хотя они и носят исключительно технический характер, замечательна глубина ивановского вовлечения в технологический процесс: он не только добавляет в список продукции издательства новые позиции, но и, например, убирает знаки пагинации на страницах с рекламой или делает пометку против издательской марки работы М.В. Добужинского «оттиснуть отчетливее».

Жизнь Верховского на «Башне» продлилась до 1 июля, в этот день Кузмин записывал в дневнике: «Уезжал Юраша, все у него не ладилось. Наконец отбыл, окровавив себе руки чемоданом, в белой рубашечке, как беби» [75, с. 221]. Пробыв две недели в Бобровке (о которой см. прим. 2 к п. 7), он вернулся в Петербург, но поселился уже не у Иванова, а у музыкального критика В.Г. Каратыгина, с которым состоял в родстве и дружбе, впрочем, на «Башне», где продолжал квартировать Кузмин, оставался навсегда.

Следующее же благодеяние Иванова если и не оказалось роковым, то, по крайней мере, повлияло на жизнь Верховского самым радикальным образом. В январе 1911 г. руководство Тифлиссских высших женских курсов предприняло попытку пригласить Иванова возглавить кафедру классической филологии, обещая ему чрезвычайно льготные условия: три тысячи годового жалования, более чем пятимесячный (в общей сложности) отпуск и прочие блага. Письмо с их перечислением заканчивается пассажем:

²² 15 мая 1910 г. Кузмин, на «Башне» квартирующий, записывает в дневнике: «Переехал к нам Юраша» [75, с. 209].

Я собираюсь написать и многоуважаемому Юрию Никандровичу аналогичную просьбу. А Вы не забыли свое обещание убедить его принять мое предложение? Я на Вас как на каменную гору надеюсь. Бог мой, но где же тот добрый гений, который Вас самих убедит, что нужно, нужно ехать в Тифлис? Приезжайте, Вячеслав Иванович, у нас солнце, солнце и розы, и работа!

Мой глубочайший привет Юрию Никандровичу, самому симпатичному человеку, которого видел когда-либо²³.

Нет сомнений, что само это приглашение Верховского не только состоялось лишь благодаря произошедшему на «Башне» его знакомству с тифлисской делегацией, но и было подпитано ивановскими аттестациями. В результате Иванов приглашение отклонил, а Верховский, остававшийся до сего дня без постоянной работы, вынужден был его принять и 19 сентября 1911 г. отбыл к месту будущей службы.

Следующие четыре года он провел в Тифлисе (хотя и регулярно, и надолго выезжая не только в обе столицы, но и в родственные имения центральной России). Вопреки паническим реляциям, составляющим основное содержание его писем этого времени, тифлисские годы оказались результативны и в поэтическом, и в филологическом смысле. На них же падает и работа над одним из немногих в его наследии программных текстов — небольшим, но принципиальным манифестом «О символизме Баратынского». Он представляет собой отклик на статью Иванова «Мысли о символизме», напечатанную в первом номере свеже созданного журнала «Труды и дни» (впервые ее текст был прочитан в качестве лекции 18 февраля 1912 г. в заседании «Общества ревнителей художественного слова»). В ивановской острополюемической статье (подробный анализ смысла и контекста которой увел бы нас слишком в сторону) декларируются среди прочего два равно чувствительные для Верховского тезиса: отсутствие у русского символизма преемственности по отношению к французскому

²³ Письмо С.А. Согомонова к Вяч. Иванову от 28 января 1911 г. // РГБ. Ф. 109. К. 34. Ед. хр. 52. Л. 1–2 об. Весь сюжет рассмотрен нами здесь: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/176009.html>

декадентству и появление у современного символизма оптики, способной различить дополнительный смысл классического текста, бывший скрытым от самого автора: «Мы можем, например, символически воспринимать слова Лермонтова: “Из-под таинственной, холодной полумаски звучал мне голос твой...” — хотя, по всей вероятности, для автора этих стихов приведенные слова были равны себе по логическому объему и содержанию, и он имел в виду лишь встречу на маскараде...»²⁴.

Верховский в своей реплике полемизирует лишь с последним тезисом, причем не называя его прямо. Напротив, он, собрав автометаописательные признаки идеального символиста из первой части ивановской статьи, подбирает к ним цитаты из Баратынского с такой убедительностью, что становится очевидным полное соответствие самосознания поэта пушкинского времени с продекларированными Ивановым отличительными чертами современника-провидца:

Вот отрывочные примеры того, как Боратынский понимал и в отдельных чертах практически создавал поэзию как искусство символическое. Еще такие черты.

Будить в слушателе ощущения непередаваемые. Почти все лучшие стихи Боратынского таковы.

Вызывать чувство связи вещей, эмпирически разделенных. Простейшие примеры: «Рифма» и «На посев леса».

Слова — эхо иных звуков. Особенно чувствуется, например, в пьесах: «А.А. Воейковой» — «Своенравное прозвание...» — «Звезда» — «Буря» — «Она» — «Как много ты в немного дней...» — «Небо Италии» — «Недоносок» — «Рифма» — «Молитва» и др.

Творить малое великим: наглядные примеры — совсем противоположному: «Филида» — «Что за звуки мимоходом».

Эластичность образа, его внутренняя жизнеспособность.

Актуальная свобода. — Всё это есть в поэзии Боратынского, — не потому ли, что он, как художник — и певец, и живописец — пластик, и — тайновидец, правящий волею того, кто отдается ему?

²⁴ Труды и дни. 1912. № 1. С. 7–8.

Смысл этой декларации Верховского, конечно, отнюдь не в том, чтобы вступить за любимого поэта, которому ретроспективно было отказано в художественной проницательности, а в принципиально иных взглядах на собственную литературную генеалогию. Все возражение Верховского, уместившееся на нескольких страницах, исписанных убористым почерком, было послано Иванову как частное письмо — и ответ его тоже был своего рода художественным жестом. Адресат вычеркнул дату, место и обращение («Тифлис. 29.III.912. Вячеслав дорогой! Слушай»), вымарал последнюю фразу «Не отзовешься ли на это, милый?», надписал сверху: «Юрий Верховский. О символизме Баратынского. Письмо к Вячеславу Иванову по поводу его “Мыслей о Символизме” (“Труды и Дни”, № 1, стр. 4 сл.)»²⁵ — и отправил его в редакцию того же журнала, где оно и было напечатано.

Возможно, у этого диалога ожидалось публичное продолжение — по крайней мере, еще год спустя редактор «Трудов и дней» уговаривал своего приятеля: «<...> прошу Вас очень напомнить Верховскому, что он обещал две статьи (о Вяч. Иванове и о poetae minores). Мы обе напечатать»²⁶. Как и большинство планов Верховского, этот не воплотился.

Неудача постигла и другое его начинание, тоже отчасти связанное с Ивановым. В архиве последнего сохранился весьма трудноразборчивый (и недатированный) черновик рекомендации:

Ю.Н. Верховский

Позволю себе горячо рекомендовать

Ищет [участ] сотрудничества в изд<ании> Пушкина.

1. Поэт — книга издана в Скорпионе — тщательность — [и традиция] и знаток форм

Дельвиг, Языков, Барат<ынский>

2) Филолог-романист, ученик Веселовс<кого> [участник]
[издатель] сотрудник в изд<ании> соч<инений> Веселовского

²⁵ Рукопись сохранилась в архиве издательства «Мусагет» (РГБ. Ф. 190. К. 48. Ед. хр. 14).

²⁶ Письмо Н.П. Киселева к Б.А. Садовскому от 17 сентября 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 6.

3) Посылается Академией наук для исследов<ания> им архивов Баратынского, Языкова, Дельвига и пр <?> о чем печатал в Академии

4) Лично знаю что очень точно и строго изучал пушкинские формы, напр. наблюдения о белом стихе

<на обороте>

Просьба относ<ительно> издан<ия> Баратынского²⁷.

Почти наверняка этот набросок относится к началу работы над первым томом полного собрания сочинений Баратынского, выходящего под маркой «Академической библиотеки русских писателей». Верховский принялся за порученное ему дело, но, по обыкновению, нарушил срок сдачи рукописи, так что редактирование было передано другому завсегдатаю «Башни», М.А. Гофману [89, с. 206–207].

Хроника последующих лет фиксирует десятки встреч, заочных диалогов, совместных выступлений и взаимных дедикаций Вяч. Иванова и Ю. Верховского. В декабре 1911 г. Верховский возвращается в Петербург и регулярно бывает на «Башне». 18 января 1912 г. оба они выступают на заседании в Обществе ревнителей художественного слова: Верховский читал новые стихи и доклад «О мастерстве и импровизации»; Иванов, председательствующий на собрании, участвовал в полемике²⁸. Летом 1912 г. Верховского на «Башне» (тем временем покинутой хозяевами) застаёт М.О. Гершензон: «К 10-ти пришли Верховский, Скалдин и еще какой-то Троцкий. Меня позвали к чаю, Верх<овский> очень мила; я закусил, болтали, потом Верх<овский> долго читал свои новые стихи, есть очень хорошие»²⁹. Осенью ненадолго назна-

²⁷ РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 35. Л. 1.

²⁸ См.: Русская художественная летопись. 1912. № 3. С. 40–41. Ср. реплику родственницы одновременно с сообщением об отъезде Верховского в Тифлис: «Все праздники Юру фестиновали его друзья и баловали ужасно. Он вообще в этом смысле счастливый человек — у нас очень много людей, котор<ые> его очень любят и с ним возятся и носятся» (письмо А.Н. Верховской к А.А. Рачинской от 18 января 1912 г. // РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2395. Л. 119 об.).

²⁹ Письмо М.О. Гершензона к жене от 28 июня 1912 г. [56, с. 374].

ченная башенной домоправительницей Л.А. Недоброво рапортовала домоправительнице истинной, тем временем присоединившейся к Ивановым в Европе: «Юрий Никандрович все точно тот же, так же способен все пропустить и забыть, занят по горло, а дело с места не двигается; я его нежно люблю и страшно балую всячески, но вот уж самого пустячного дела ему не поручила!»³⁰.

В 1915 г. они видятся в Москве. В феврале на поэтическом вечере у Жуковских Иванов расхваливает стихи Верховского («Вячеслав по обыкновению ломался, говорил двусмысленные слова и фразы, больше всех хвалил Верховского, называя его *maître impréscable*»³¹) к неудовольствию присутствовавшей там же юной М.И. Цветаевой. В драматические майские дни, когда в Москве идут немецкие погромы, Верховский приезжает в ивановскую квартиру на Зубовском, принося последние вести³². В декабре того же года он в присутствии Иванова читает лекцию в «Обществе свободной эстетики»³³.

Последовавшее расставание (Верховский в 1918 г. уехал в Пермь³⁴, Иванов в 1920-м — в Баку) готово было прерваться еще одним ивановским благодеянием: в 1922 г. по его настоянию Верховский был избран профессором бакинского университета, но приезд его не состоялся [10, с. 329, 336]. 5 августа 1923 г. Иванов мягко пенял ему: «Скорблю о том, что ты разрушил все надежды совместного, хотя б и временно, житья на Юге, общей работы в нашем тебе родном, так и по своему происхождению из Тифлиссских Высших курсов, университете, — и все потому, что мы не могли выслать вперед путевые деньги, которые ты мог, думается,

³⁰ Письмо Л.А. Недоброво к М.М. Замятниной от 14 сентября 1912 г. // РГБ. Ф. 109. К. 31. Ед. хр. 53. Л. 2 об.

³¹ Письмо Е.О. Волошиной к М.А. Волошину. Цит. по: [18, с. 372].

³² См. в дневнике Л.В. Ивановой: «Часов в 12 пришел Верховский и объявил, что погромы принимают очень большой размер и что кажется убиты 2 каких-то фабрикантов (по другой версии Эйнем и Альберт), тела которых брошены в Москву-реку» (запись от 28 мая 1915 г. // РГБ. Ф. 109. К. 45. Ед. хр. 10. Л. 6).

³³ Повестка на доклад 15 декабря 1915 г. «Типы творчества и Пушкинская пора» отложена в архиве Иванова (РГБ. Ф. 109. К. 51. Ед. хр. 4. Л. 59).

³⁴ Где, в частности, напечатал апологетическую рецензию на «Младенчество» [103, с. 69–70].

срочно занять... Но судьба сильнее нас, а мне все же приходится оттого страдать: ты бы душевно разбудил меня» [73, с. 359–360]. В последний раз виделись они в Москве, в августе 1924 г.³⁵, накануне отъезда Иванова в Италию: возможно, это произошло в квартире Л.И. Лебедевой, в альбоме которой оба они оставили в этот месяц свои записи³⁶.

Дальнейший их затухающий диалог остался только на бумаге. В январе 1925 г., за несколько недель до смерти, Гершензон, сообщая Иванову последние московские новости, пишет, в частности (может быть, не без расчета на деятельную помощь бывшему другу): «По возвращенной, лежавшей на столе книге я узнал, что был Юрий Никандрович, сидел с М<арией> Б<орисовной>; в пепельнице лежали окурки готовых папирос. Он курит, всегда трубку, и в ней — очень скверный табак. Из окурков я умозаключил, что он днем получил наконец долгожданные деньги в Госиздате и кутит; ну, думаю, о нем можно не заботиться, он при деньгах. На другой день пошел я к одному хорошему человеку выпросить денег для одной нуждающейся писательницы, и получил 3 червонца, и решил, значит, все отдать ей, а Верховскому ничего. А вечером пришел опять Ю<рий> Н<икандрович>, я ему рассказал свое умозаключение, он и говорит: “ах, не так; папиросы я покупаю в двух случаях: когда заведется лишний рубль, — и когда нет даже рубля, — потому что пакет трубочно-

³⁵ Не к этому ли году относится письмо неизвестного к Иванову, явно представляющее собой след заботы об оставляемом друге: «Вчера не удалось побывать у Вас, зашел сегодня, да и не застал Вас. Я говорил с Г.Г. Шпетом о Верховском. Он очень охотно берется переговорить с Челпановым или дать письмо к нему. Если нужно телефонируйте ко мне и я все устрою» (РГБ. Ф. 109. К. 29. Ед. хр. 99. Л. 1).

³⁶ Но не одновременно: Иванов 12 августа 1924 г., Верховский два дня спустя (РГБ. Ф. 371. К. 9. Ед. хр. 19. Л. 8, 10). Ср., впрочем, в воспоминаниях о квартире А.И. Ходасевич: «В этом доме также бывали и Юрий Верховский, навещавший Чулкова и его сестер (Любовь Ивановна жила отдельно, на Кропоткинской, 32, со своим болезненным и рано умершим сыном), и даже Вячеслав Иванов, который навестил своих старых друзей по Петербургу — Чулкова и Верховского, проезжая в 1924 году со своим сыном Дмитрием через Москву по дороге из Баку в Европу» [58, с. 389].

го табаку стоит 80 коп., — когда их нет, я покупаю пачку папирос за 25 коп.” — Я устыдился своей недогадливости; на всякого мудреца довольно простоты. И тут я ему дал прочитать Ваше письмо» [57, с. 90]. (В эти же дни Гершензон, с трудом раздобыв пять рублей, купил Верховскому две наволочки, два полотенца и два носовых платка, чтобы можно было отдать в стирку имевшиеся у того в единственном экземпляре).

Еще четыре года спустя в Москве силами друзей готовится празднование тридцатилетнего юбилея литературной деятельности Верховского; среди прочего, приглашение к участию было отправлено и Иванову³⁷. В результате его мысленно готовившееся подношение запоздало; накануне он жаловался сыну: «14-го празднуют в Москве, в Акад<емии> Художественных Наук, 30-летие литературной деятельности моего милого Юрия Верховского, о чем я официально извещен, но поздно, так что теперь уже не успею послать ему оду, для прочтения на его юбилее, и придется просто отправить телеграмму — думаю, по латыни! А то как же еще выразить торжественность?»³⁸. Несмотря на это, на вечере должны были прозвучать ивановские строки: за четыре дня до торжества Л. Горнунг писал С.В. Шервинскому: «Нельзя ли Вас просить, поскольку Вы будете на юбилее, прочесть что-ниб. из стихов Верховского по Вашему выбору и желанию или стихотворение из *Cor Ardens*’а (кажется) посвященное Ю.Н., что очень желательно, т. к. вообще будут читаться стихи посвященные Ю.Н. (Качалов читает стих<отворени>е Блока, посв<ященное> Ю.Н.), актеров же или декламаторов со стороны решено не приглашать»³⁹. Телеграмма из Рима действительно была отправлена, получена и оглашена, но вот была ли она по латыни (и что подумала об этом телеграфистка ближайшего к ГАХН почтового отделения) — нам неизвестно.

³⁷ Материалы подготовки к юбилею: РГБ. Ф. 697. К. 3. Ед. хр. 37. Сведения об отправке Иванову извещения заказным письмом — там же. Л. 34.

³⁸ Письмо Д.В. Иванову от 9 ноября 1929 г. [65, с. 596]. Ср. в письме Иванова к О.А. Шор от 18 ноября 1929 г.: «Юрию Верховскому послан был в юбилейный день по телеграфу “братский привет”» [88, с. 389].

³⁹ Письмо от 10 ноября 1929 г. // РГАЛИ. Ф. 1364. К. 4. Ед. хр. 282. Л. 5–6.

В трех архивохранилищах сохранилось изрядное количество посланий Верховского к Вячеславу Иванову; ответных же писем известно всего три: одно черновое, недатированное, написанное между 11 и 26 ноября 1914 г., и два беловых от 25 ноября 1918 г. и от 5 августа 1923 г. Все эти материалы принадлежат к числу хорошо известных и разошедшихся в цитатах по десяткам статей; более того, основной набор стихотворных посланий был напечатан А.В. Лавровым еще в 2003 г. [12]. Несмотря на это, полная комментированная публикация корпуса представляется делом небесполезным. Ради связности материала мы не разделяли его на стихотворную и прозаическую часть, а также не изымали уже обнародованные тексты. Комментарии предшественников нами с благодарностью учтены. Общеизвестные имена и понятия не поясняются. Неоценимую помощь оказали нам Г.В. Обатнин, Н.Н. Соболева и А.Б. Шишкин, прочитавшие работу в рукописи.

1

2 августа 1906. Гришнево Духовищинского уезда
Смоленской губ.

Гришнево. 2.VIII.06.

Вот Вам, сердечно уважаемый Вячеслав Иванович, сонет, посвященный Байрону, которого теперь читаю. Он должен быть доволен этим отзывом на его стансы и «Абидосскую Невесту» — удачным или нет: это — слава. Но довольны ли им Вы? Вероятно, нет, как я переводами Байрона. Исключаю немногие действительно художественные, в числе коих Ваши и некоторые из старых¹. Об этом можно много поговорить. Но Чайльд-Гарольда, например, прямо трудно читать. Скажите: какова схема подлинной Спенсеровской строфы? Переводчики Гарольда передают ее различно².

Но лучше скажите два слова о себе и о Лидии Димитриевне, которой прошу Вас передать мой искренний привет. Я Вас часто вспоминаю с теплым чувством. Как идет печатание Ваших книг? Скоро ли они выйдут?³ Что Вы пишете? Что написали? Ответьте же хоть на один из моих вопросов, пришлите несколько Ваших строф. Они мне необходимы. А то я бескрыл как Икар:

nudos quatit ille lacertos

Remigioque carens non ullas percipit auras⁴.

Я перевожу Овидия, т. е. отделяваю старые свои переводы⁵.
До стихов и до свидания.

Вам душой преданный Юрий Верховский.

Мой адрес: Смоленской губернии гор. Духовщина, с. Гришнево.

Мечту мою они пленяют вместе —
Абид и Сест; прильнуло море к ним,
Лазоревым лобзанием своим
Их разделив как бы из тайной мести.

В Абиде кто тоскует по невесте?
Леандр один. А может быть — Селим

В ночной прохладе грезами палим?
Но вот блеснул огонь на башне в Сесте!

Кто факел тот зажег над морем бурным?
Зулейка? Геро? Он огнем пурпурным
Зовет пловца на тайный пир сердец.

Кто там плывет на пламя нежных оргий?
То не Леандр, а бурный тот Георгий —
В объятьях волн отважнейший пловец⁶.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 1–2.

¹ К этому моменту были опубликованы сделанные Ивановым переводы семи стихотворений Байрона [36, т. 1, с. 406, 408, 411, 413, 414, 420] и поэмы «Остров, или Христиан и его товарищи» [36, т. 3, с. 170–192].

² Спенсерова строфа состоит из девяти строк, из которых восемь написаны пятистопным ямбом, а последняя шестистопным с рифмовкой ababbcbss. Байроновское «Паломничество Чайльд Гарольда» — наиболее известное написанное ею произведение. Емкий очерк истории русских переводов поэмы содержится в примечаниях П.О. Морозова и С.А. Венгерова к изданию: [36, т. 1, с. 582–594]. Здесь приводятся и характеризуются переводы Пушкина, Батюшкова, И. Козлова, Н. Маркевича, В. Щастного, В. Чижова, В. Любича-Романовича, И. Гогниева, К. Павловой, Лермонтова, А. Бржеского, Н. Берга и многих других; впрочем, Верховский мог знать о состоянии вопроса из собственных источников. В самом этом издании, где помещены переводы С. Ильина, П. Козлова, В. Лихачева и О. Чюминой, выдержана строфика оригинала.

³ Вероятно, Верховский подразумевает вышедший в 1907 г. альманах «Цветник Ор. Кошница первая» и, может быть, уже задуманный сборник Иванова «Cor Ardens» хотя, конечно, он мог быть посвящен и в более дальние замыслы.

⁴ Из «Метаморфоз» Овидия (книга 8-я), в пер. С.В. Шервинского: «...голыми машет руками / Юноша, крыльев лишен, не может захватывать воздух».

⁵ Переводы Верховского из Овидия («Дедал и Икар. Отрывок из Метаморфоз») были напечатаны: [79, с. 95–96].

⁶ Вошло в книгу: [48, с. 52]. В основе стихотворения — смешение нескольких сюжетов, очевидное для адресата, но не без труда распознаваемое нами. Абид (Абидос) и Сест (Сестос) — два древнегреческих города на разных берегах Геллеспонта. Таким образом, первый слой образов — миф о Геро (жрице Афродиты, жившей в Сесте) и Леандре (ее возлюбленном, переплывавшем пролив в направлении зажженного Геро огня). Второй, сплетенный с первым, миф — сюжет «Абидосской невесты» Байрона (отсюда Зулейка и Селим), действие которой также происходит на берегу Геллеспонта. Георгий же — сам Байрон, переплывший Геллеспонт и оставивший об этом поэтическое воспоминание.

2

18 марта 1907. Санкт-Петербург

СПб. 18.III.07.

Порою дружеских посланий
Я увлекаюсь так давно, —
И, видно, нынче суждено
Хоть одному из тех желаний,
Какими сердце так полно,
Когда молчать обречено
Без наслаждений и страданий, —
Осуществиться наконец.
Быть может, новый мой венец
Меня не только не прославит,
А лишь покаяться заставит —
Как знать? Царица иль раба,
Всегда со смертными лукавит
Их своенравная судьба, —
Но все же рвением объята
Моя душа — мое перо:
Почтить стихом поэта-брата
(Что так убийственно старо).
Душа созвучьями богата,
Что легче ветра, ярче злата,

Нежней волны, острей булата, —
А это ль — правда — не добро?
И так пишу. Так он, Языков,
Так он, Тригорского певец,
Будил для дружественных кликов
Ватагу дрогнувших сердец —
И разгорался взор невольно
Приветом радости застольной.
Теперь не то. Уж нет забав
На дне содвинутых стаканов.
Ты, златорунный Вячеслав,
Ты, Фебом взысканный Иванов,
Скажи: мы видим ли в вине,
Как деда, целый мир — на дне?
Пусть — нет. Но почему ж порою
Не возвратиться к старине?
На старый лад я лиру строю,
И вот — забытою игрою
Она ласкает сердце мне.

И вспоминается невольно
Та благодатная пора,
Когда привольно и раздольно
Мои летели вечера,
Когда я был здоров и весел
Среди житейских тяжких дел —
И бодро на тебя глядел;
Теперь же грустный мой удел —
Облокотясь на ручки кресел
Сидеть — и чахнуть одному.
Ты, верно, спросишь — почему?
Да потому — на удивленье —
Что, не спросясь, меня сгребло
В охалку лёгких воспаление —
И дома крепко заперло
Всем ожиданиям назло.

Судьбу кляня, я две недели
Валялся, кашляя, в постели,
Хрипел, сопел, свистел, пыхтел —
И все-таки остался цел.
И вот уж страхи отлетели.
Какие ж страхи-то? Не те ли,
Что говорят о грозном «там»
И так же радостны мечтам,
Как завывание мятели?
Нет, главный страх мой был не тот.
Я думал: долго ли, Создатель,
Один пробудет твой мечтатель?
Проходит день, как целый год,
За ним еще, еще — и вот
К тебе Забвение — предатель,
Никем не слышимо, вползет
И руку ласково лизнет,
И в очи глянет. Вот приятель
Тебя забыл; за ним другой —
Сомкнулась Лета над тобой.
А вспомнят — скажут: «Верно, в Нарве,
А то б давно пришел сюда»¹.
А вокруг меня витают larvae²
И глухо каркает беда;
А я сижу себе на месте —
Петух промокший на насесте.
И сострадателен, и мил,
Какой же одинокий гений
Больного келью посетил?
Красноречивейший Евгений
Васильевич Аничков³ (тих,
Он уместился в тесный стих!) —
Отрада слуха, радость взора.
Но видит Бог — не для укора
О нем рассказываю я:
Такого суетного вздора,

Ей-ей, чужда душа моя.
Быть может, только для меня
Тянулось долго время это,
Зияя, грозное, как Лета.
Я думал вовсе не о том.
Я полон тихого желанья
(Смотри, для верности, о нем
Начало этого посланья):
Хотя в мечте с тобой вдвоем
У тихой лампы очутиться,
Поговорить о том, о сем,
Душевым хладом и огнем,
Мечтами, рифмами делиться.
И потому, мой друг, прости,
Что, повалившись на пути,
Я так бессвязно разболтался
И помешал тебе идти.
Но если я не замешался
Не вовремя, — тогда, как друг,
Ты, верно, уж найдешь досуг
Меня спасти от скуки адской, —
Не очутившись на Посадской⁴
(Чему я был бы очень рад),
А хоть черкнувши наугад
Две-три строки о чем случится.
Тогда рука твоя — как знать? —
Быть может, тоже расшалится,
Захочет рифмы набросать?
Вот это будет благодать!

Одно из дружеских желаний
Захочешь ты осуществить —
И век классических посланий,
Во имя дружбы, обновить!
Начни, певец! Мое начало
Неверным звуком прозвучало:

То — не посланье, то — письмо,
Оно сложилось так само.
А ты, как лес, многоязычен, —
Начни же новую весну,
Задень уснувшую струну —
Ты будешь истинно классичен;
Коль долго петь охоты нет —
Блеснет отточенный сонет.
(Сонета я не забываю,
Его с тобой я вместе чту;
Тебя недаром зазываю:
Один-другой тебе прочту).
Скорей же сделай оба дела:
И лишний раз себя прославь
(Кому же слава надоела?),
И друга верного избавь
От власти демонов и фурий:
Болезни, бешенства пера,
Тоски, мечты et cetera.
Придет ли новая пора?
Дождусь ли?

«Многострунный» Юрий.

P. S. Вношу в post-scriptum пышный звон октавы
Для Лидии Димитриевны я.
(Четырехстопный ямб не даст мне славы).
Но ей известна преданность моя.
Теперь она здорова? А когда вы
Обрадуете книгою меня?
Я помню, как в последней корректуре
Дивился я пленительному Журе⁵.
P. P. S. К четырехстопным звукам ямба
Вернуться я спешу опять:
Чуть-чуть не позабыл (caramba!)
На всякий случай я сказать,
Что перебрался я хворать
В квартиру брата⁶. Вместе с братом

Живу я в номере девятом;
Дом тот же, но этаж — второй, —
Конечно, ниже, чем шестой.

Ю.В.

ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 279. Л. 1–4 (ксерокопия в Римском архиве Иванова). Напечатано: [13, с. 407–410].

20 марта 1907 г., два дня спустя, в ответ с «Башни» пришло коллективное послание, состоящее из стихотворения Иванова «Верховский! Знал ли я, что ты...» (позже под заглавием «Выздоровление» вошло в кн.: [69, т. 1, с. 148–149]) и трех приписок:

Хотел писать — и воли нет!
За зрелой речью лепет детский!
Тебя приветствую, поэт!
Мне имя только

Городецкий

Кавалергарды — издатели мои — уехали на воды и все надежды пропали. Ничего не поделаешь. И поздравляю Вас с оживлением
Ремизов

Верховский, милый, поправляйтесь!
О вас гадаю в свой опал.
Стихом моим не соблазняйтесь
Зиновиева-Аннибал <sic>.

(РГБ. Ф. 109. К. 2. Ед. хр. 51).

¹ Ср. упоминание частых поездок в Нарву в письме № 9. Эта сторона биографии Верховского нам неизвестна; ср., впрочем, запись в дневнике М.А. Кузмина от 16 октября 1906 г.: «<...> Юрий Ник. в Нарве <...>» [74, с. 242]. В 1907 г. его жена писала Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «Когда я на днях вернулась из Нарвы, Юра передал мне Вашу книгу, которую я прочла с большим наслаждением. Я хотела побывать у Вас, чтобы по-

благодарить за подарок, но, к сожалению, узнала, что Вы больны. Надеюсь, что болезнь Ваша несерьезна и мы еще с Вами увидимся до Вашего отъезда» (письмо от 26 мая 1907 г. // РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 49. Л. 1).

² Ларвы — злые духи; вероятно, их упоминание — дань «башенной» мифологии (в стихах и прозе Иванова они нередки); ср. в воспоминаниях другого завсегдатая: «Тот же Городецкий в прелестном рисунке столовой на “Башне” изобразил повсюду домашних ларв; на цепи лампы, как-то зацепившись сбоку, торча нелепо ножкой, ручкой, висела головка Кузмина в стиле ларвы. Это было очень остро схвачено» [97, с. 62].

³ Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) — критик и историк литературы. Об их совместных с Верховским работах см. прим. 18 к п. 14.

⁴ Адрес Верховского: Петроградская сторона, Малая Посадская, д. 19.

⁵ Журя — птенец журавля, герой одноименного рассказа Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, вошедшего в ее книгу «Трагический зверинец» [63, с. 23–26]. Корректуры книги читались весной 1907 г., ср. в письме Зиновьевой-Аннибал к В.К. Шварсалон от 14 апреля: «Кроме того написала два рассказа и все время веду корректуры Зверинца. Либо на Страстной либо в начале Мая выйдет все» (РГБ. Ф. 109. К. 24. Ед. хр. 25. Л. 24). Присылки с «Башни» именно этой книги и ждал Верховский.

⁶ Брат — Вадим Никандрович Верховский (1873–1947) — химик-технолог, преподаватель.

3

20 июня 1907. Осташков Тверской губ.

Осташков. 20.VI.07.

УСТАЛОСТЬ.

Каркают вороны,
Мне сулят урон.
Рвусь в иные страны,
Прочь от новых ран.

Дождался рассвета,
Да не мил привет;
Ночь в туман повита —
Слаще дух живит.

Трудно сердцу стало,
Дух во мне устал,
Истомилось тело,
Вздых прошелестел.

И не нудят раны
Жаждать теплых стран,
Не страшны уроны,
Не слышать ворон¹.

Вот осташковское настроение мое, дорогой Вячеслав Иванович². Впрочем, пишу и сонеты. Привет мой Лидии Димитриевне, Марии Михайловне³ и Вам. Пришлите мне Ваших две строки, рифмованных или белых.

Ваш Юрий Верховский.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 3.

Открытка. Адресована в СПб, переслана в Любавичи.

П.ш.: Бологое (20.6.07), СПб (23.6.07), Любавичи (25.6.07).

¹ Вошло в книгу: [48, с. 21].

² Верховский проводил лето 1907 г. в г. Осташкове Тверской губернии в доме Н.Н. Давиденкова (см. прим. 11 к п. 5). Письмо к В.Я. Брюсову, отправленное неделей раньше (14 июля 1907 г.), Верховский начинал: «Вот из какой глуши говорю с Вами, уважаемый Валерий Яковлевич» (ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 77. Л. 1).

³ Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и М.М. Замятниной.

4

5 ноября 1907. Санкт-Петербург

5.XI.07.

Пишу к Вам, дорогой, милый Вячеслав Иванович, потому что не могу говорить с Вами. Мне только хочется сказать Вам сегодня,

в день, посвященный воспоминанию о Лидии Дмитриевне, что я думаю о Вашей печали и люблю Вас нежно¹. — Михаил Алексеевич говорил мне вчера, что Вы на несколько дней уезжаете в Москву². Желаю Вам хороших впечатлений и мира душевного.

Очень буду ждать Вашего возвращения и возможности с Вами увидеться. А пока мысленно дружески Вас целую и жму Вашу руку.

Ваш Юрий Верховский.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 4–5.

¹ Л.Д. Зиновьева-Аннибал скончалась 17 октября 1907 г. Почему Верховский счел 5 ноября днем, обращенным к памяти о ней, мы не знаем. В архиве Иванова сохранилось некрологическое стихотворение Верховского, ей посвященное («Крылом прозрачным Серафима...»); включено в сборник: [49, с. 222].

² Кузмин не отметил в дневнике встречи с Верховским, но наверняка видел его у В.Г. Каратыгина (см. запись от 4 ноября: «<...> поехал к Каратыгиным разбирать новые сборники фр. песень <sic>» [74, с. 421]). В Москву Иванов собирался еще до смерти жены среди прочего для урегулирования дел с журналом «Золотое руно». В результате он отправился туда вместе с В.К. Шварсалон (см.: [2, с. 52–53]). Точные даты поездки нам неизвестны: заведомо он был там 20 ноября (в этот день была назначена аудиенция Б.К. Пронину, который тогда же прислал покаянное письмо: «Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович, бесконечно извиняюсь и жалею, что не мог воспользоваться назначенным Вами часом, когда Вы могли принять меня... Очень хотел рассказать Вам об устроенной мной “Мастерской для Интимного Театра”, хотел просить у Вас ряда советов, содействия — сочувствия, по крайней мере, если мой план может заинтересовать Вас» (РГБ. 109. К. 33. Ед. хр. 25. Л. 1)). В тот же день, 20 ноября, М.А. Гофман рапортовал М.М. Замятиной: «Глубокоуважаемая и дорогая Мария Михайловна, я в Москве и видел В.И. и В. К. В. И. бодрей. Они собираются ехать в субботу (приблизительно), но я думаю, что раньше вторника не приедут в Петербург» (РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 63. Л. 1)).

5

4-5 августа 1908. Осташков Тверской губ.

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ.

...К тому же Вяземский велит жить осторожно:
Он у меня свои стихи безбожно
На время выпросив, на вечность удержал;
Прислать их обещал,
Но все не присылает;
Когда ж придет,
Об этом знает тот,
Кто будущее знает.

Жуковский¹.

Хочу отныне жить похвально, осторожно.
Надеждой льщу себя, что это мне возможно.
К тому ж немолчно так рассудок мне велит —
И я стремлюсь принять благопристойный вид
И поучительный. Я помню стих прекрасный:
Полезен обществу сатирик беспристрастный^{1, 2}.
Но быть сатириком хочу я лишь слегка
И мысль моя — ей-ей — гордыни далека.
Итак, мой милый друг, начав мое посланье,
Я не боюсь родить в душе твоей желанье,
Чтоб только поскорей задохся и затих
Мой дидактический... (Какой? Не помню) ... стих^{II, 3}.
Но грустно мне одно — что голос тиховейный
Моей владычицы, богини чудодейной
Ловлю лишь издали и, выйдя на балкон,
В тумане не могу увидеть Геликон.
А был недавно я в тени зеленых кущей
Под обаянием природы всемогущей.
Однако и теперь — хоть городской кокет —
Стоит передо мной на столике букет

¹ Боратынский (прим. Ю. Верховского).

^{II} См. в Сочинениях А.С. Пушкина? (прим. Ю. Верховского).

И, чувства страстные вздымая и покоя,
Струится медленно душистый дух левкоя.
Смотри: тот — пурпурный, тот — бел как алебастр,
А рядом — бледные головки грустных астр
И скромной резеды потупленные взоры,
И свежей зелени неясные узоры.
«Доволен малым будь, хоть и букет твой мал!
Кто ж виноват, что ты скучаешь и устал?» —
Так внятно говорит мне голос Аониды,
На давнем поприще таки выдавшей виды.
Быть может, в сентябре тебе я разверну
Рассказ про милую мечты моей страну,
Куда теперь стремлюсь «сверх силы и сверх меры»^{III, 4} —
Страну поэзии, и Волги, и холеры⁵.
Вслед Боратынскому хочу лететь в Казань⁶.
О сердце бедное, не бейся, перестань:
Хочу надеяться, что буду жив в Казани,
Хоть там, ведь, кажется, едят грибы с глазами^{IV}.
Затем, Бог милостив, увижу и Тамбов⁷;
А там — через Москву — под сень родных богов.
Ведь только надобно мне позабыть халатность,
Любить умеренность и верить в аккуратность.
На первый случай я, приличие любя,
Свой, хоть не белый, стих крахмалю для тебя.
Но, прежде чем моей медлительной судьбою
Я буду вновь сведен, почтенный друг, с тобою, —
Уж ты меня приветь, уж ты меня потешь
И в лености своей пробей для друга брешь
С мизинец шириной, не более! С мизинец! —
И сядь, и напиши, и мне пришли гостинец.
Вот лист! А вот — перо! Чернила! Сядь же, сядь —
И я до осени не буду поминать,
Что у тебя в столе твое ко мне посланье.

^{III} Из сонета М. Кузмина (*прим. Ю. Верховского*).

^{IV} Изречение относится, быть может, к Рязани (*прим. Ю. Верховского*).

О, верю, что мое исполнишь ты желанье.
Не все ж мой тусклый дождь — и серый, и косой;
Ты оживишь меня твоих стихов росой,
Пахнет на мой цветник блистательная живость:
Недаром же пою сегодня справедливость.
Ведь не один пустой надутый эгоизм
Внушил моим стихам — как видишь — дидактизм;
Не ради же него о шестистопном ямбе
Я вспоминал теперь, гуляючи по дамбе^v:
И я тебя хочу направить (не забудь!)
На поучительный, похвальный, скромный путь.
Достойно оцени благое ты хотенье
И над посланием нелегкое кряхтенье.
Сейчас договорю и больше — ни гу-гу!
А после — мне ли быть перед тобой в долгу?
И под твоим пером не всё ль к твоим услугам?
Будь только другом мне — и я ль не буду другом?
Речь олимпийская — божественный гексаметр,
И «Тристий» сладостных разымчивый пентаметр⁸,
И гимна музыка, элегии иль оды, —
Все то, чему века дивилися народы;
Терцины важные, классический сонет,
Октавы нежные, вертлявый триолет,
И рондо милое, и прелесть — вилланелла⁹ —
Все, что тебе пока еще не надоело —
Сестина, и *rondel*, и *lai*, и *virelai*¹⁰ —
Что только ни поет, ни нежит на земле —
Вплоть до новейшего любого верлибризма —
Подъятое волной безбрежного лиризма,
Все это, все, все, все — лишь не захочешь, ах! —
Не будет для тебя звучать в моих стихах.

Юрий Верховский

Осташков, ночь на 5.VIII.08

^v Дамба, ведущая к Житному монастырю в г. Осташкове, известная красотой местоположения (*прим. Ю. Верховского*).

НВ. Николаевской ж.д. станция Осташков, квартира инженера Н.Н. Давиденкова¹¹. Все направленное по указанному адресу будет доставлено автору даже в случае его выезда из Осташкова.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 6–7 об. Напечатано: [13, с. 411–414].

Конверт. П.ш.: Осташков (13.8.08); Судак (16.8.08).

¹ Из стихотворения В.А. Жуковского «Prelude» («На этой почте все в стихах...»).

² Из стихотворения Е.А. Баратынского «Г<неди>чу» («Враг суетных утех и враг утех позорных...»).

³ «Мой дидактический благоразумный стих» — из стихотворения Пушкина «Я был свидетелем златой твоей весны...».

⁴ Из стихотворения М.А. Кузмина «От горести не видел я галеры...», входящего в цикл «Тринадцать сонетов».

⁵ В 1907 и 1908 гг. в Поволжье была эпидемия холеры; в 1908 г. первый случай был зафиксирован 7 июля в Царицыне среди судовых грузчиков; 18 июля она добралась до Астрахани, а 24 июля до Нижнего Новгорода. Благодаря своевременно принятым мерам, эпидемию быстро удалось локализовать (см.: [100]).

⁶ 23 июля 1908 г. жена Верховского А.П. Верховская писала А.А. Рачинской: «Юра скоро собирается в Казань и я не теряю надежды, что он Вам напишет» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2397. Л. 15). Вскоре после отправления этого письма Верховский действительно предпринял обширное путешествие с целью сбора архивных материалов, среди прочего — в Казань к А.Н. Боратынскому, к нему же в имение Шушары под Казанью, к З.Е. Геркен в имение Юматово, к С.С. Чичериной в Тамбовскую губернию, в Симбирск к наследникам Н.М. Языкова и др. Предварительные итоги этой поездки (оказавшейся ключевой для его дальнейшей научной биографии) Верховский подвел в работе: [47, с. 1202–1210].

⁷ Тамбовскую часть путешествия Верховский планировал чуть ли не раньше, чем казанскую. Еще в 1903 г. по итогам разговора со своей родственницей (тещей брата) он записал в дневнике: «С Анной Ал. <Рачинской> беседовали сегодня много о Баратынском, о вдове Дельвига, о его дочери, которая, оказывается, живет и сейчас в своем имении Тамбовской (кажется) губернии. А.А. думает, что если бы у Рачинских

были какие-нибудь рукописи Баратынского, которые можно издать, то они были бы напечатаны в Татевском сборнике. Но писем етс. — есть много. Говорил о возможности достать. И о Дельвиге и о Соболевском. Отправившись в Татев, увидеть и прочсть безусловно многое было бы можно. Сын Баратынского, — Лев, который его издавал — часто, по ее словам, бывает в Москве, многое, конечно, мог бы рассказать, но говорят, что он не вполне нормален» (запись от 11 декабря 1903 г. // РГБ. Ф. 697. К. 3. Ед. хр. 38. Л. 23 об. — 24). О тамбовской части путешествия он также писал в указанной статье: [47, с. 1207–1209].

⁸ Tristia — «Скорбные песни» Овидия, написанные элегическим дистихом (первая строка — гекзаметр, вторая — пентаметр).

⁹ Экзотическая стихотворная форма с трехстрочной строфой. Русской поэзии она известна преимущественно по переводам Леконт де Лиля.

¹⁰ Сестина — стихотворение из шести строф, каждая из которых включает по шесть стихов, при этом первая строка строфы повторяет последнюю предыдущей. Рондель — тринадцатистрочная форма со сложной рифмовкой. Ле и виреле — старофранцузские стихотворные формы. В ивановском наследии есть и сестина и рондели.

¹¹ Николай Николаевич Давиденков (1879–1962) — в будущем советский академик, а на тот момент — выпускник Института инженеров путей сообщения и скромный сотрудник службы железнодорожных путей. Приятель юности Верховского; ср. в письме последнего к родителям от 14 августа 1905 г.: «<...> я думаю с какой-нибудь литературной работой уехать из Пб-га в Тверь к Коле Давиденкову, где и проживу с ним вдвоем некоторое время. М. б. я там что-нибудь сделаю и во всяком случае продолжу свой продолжительный отдых; мне будет спокойно и не будет скучно» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2261. Л. 86 об. — 87). Он — адресат поэмы Верховского «Созвездие». См. о нем: [72, с. 369–374]. В своих мемуарах он писал: «Из школьных товарищей, которые оставили некоторый след в истории, я вспоминаю своего близкого друга, с которым много лет сидел на одной парте, — поэта Юрия Верховского. В молодости он перенес воспаление мозга и это вредно отразилось на его памяти. Учение давалось ему с трудом, и учителя часто над ним издевались, тем более, что нездоровая полнота придавала ему несколько комический вид. После неожиданной смерти отца семья его, с которой мы поддерживали дружеские отношения, переехала в С.-Петербург, где Верховский и окончил сначала Ларинскую гимназию, а затем (доказав лишний раз, что усвоению любимых предметов не мешает и слабая память) — историко-филологический факультет по романо-германскому отделению. Впоследствии он сделал

себе имя работами, посвященными поэту Баратынскому, а также собственными неплохими стихотворениями» [58, с. 35].

6

**10 августа 1909? Ст. Охват Осташковского уезда
Тверской губ.**

Охват.

Ау! Дорогой Вячеслав Иванович, прочтите мой сонет:

Сроднился дух мой с дружественной...,
Где отдыхают шепчущие...
С ночным огнем иль с факелом... —
В отрадный плен влекусь мечтой...

На высоте спокойней и...
Я слушаю таинственные...:
Там, в дальней тьме — предательские...;
Здесь не боюсь судьбы нелепых...

По звездам я стремлюсь в моих...
С сияньем кормчих звезд царит ли...?
Владеет Эрос духом..., —

И радугу я вижу в ярких...,
И без границ желанная...,
И внятен рай пылающего...¹

Отвечайте же мне — на те же рифмы.

Я на днях видел во сне Вас и Марью Михайловну. От Вас жду стихов, а от Марьи Михайловны — прозаической расписки в получении моего письма и стишков². Хотел бы, чтобы сон был в руку. Стансы, конечно, слабы; но идиллию, говоря откровенно, я ценю. — Неужели они не дошли? Я послал заказным письмом — в начале июня³.

Мне здесь живется не то чтобы плохо, однако не так чтобы и очень хорошо. Работаю над Боратынским и Дельвигом, немного пишу⁴. Хотелось бы больше и крупнее, хоть некогда <sic>. Жду от Вас обещанной темы.

До свидания. Очень хочу Вас увидеть. И услышать — пока хоть на письме.

Привет Башне.

Жена⁵ очень кланяется.

Ваш Юрий Верховский.

PS. Сегодня опять видел Вас во сне.

Адрес:

Бологое — Полоцкая ветвь Николаевской ж.д., ст. Охват⁶.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 8–9.

Конверт. П.ш.: Бологое (11.8.09); СПб (12.8.09).

Датируется по почтовому штемпелю.

Фрагмент письма (включая сонет) впервые напечатан: [76, с. 519–520].

¹ 12 августа 1909 г. Иванов записал в дневнике: «От Юрия Верховского сонет без рифм, кот<орый> я прочел без труда, а Кузмин долго с трудом склеивал. Вечером написал ему ответ, кот<орый> хотелось бы поместить в “Пристрастия”» [70, т. II, с. 788–789]. Ответный сонет Иванова — «Sonetto di risposta» («Осенены сторожевою Башней...»); эпиграфом к нему взяты первый катрен сонета Верховского и первые строки упомянутого сонета М.А. Кузмина («Ау, мой друг! Припомни вместе с “башней”...») [69, т. I, с. 150]; сонет Кузмина: [77, с. 141]; посвящен Верховскому. Подробнее об этом см.: [23, с. 247–250] (см. там же остроумное предположение, что ключом к сонету Верховского мог быть проект обложки книги Иванова «По звездам» работы М. Добужинского). Рифмы, которыми они оперировали: башней — оры — Авроры — всегдашней — бесстрашной — хоры — своры — шашней — напевах — мрачность — иноверца — гневах — прозрачность — сердца. В исходном сонете Верховского прозрачно зашифрованы названия книг Иванова: «По звездам», «Кормчие звезды», «Эрос», «Прозрачность» и «Cor Ardens» («Пылающее сердце») — домашнего ивановского издательства («Оры»), но может быть и альманаха «Факелы».

² Среди сохранившихся писем Верховского к М.М. Замятиной посланий 1909 г. нет.

³ Этого письма мы не знаем. Если стихи были посланы без сопровождения записки, они могли быть, по архивному обычаю, изъяты из эпистолярного корпуса и присоединены к другим стихам Верховского, скопившимся в ивановском архиве (РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23). Среди последних безусловно опознаваемых стансов и идиллии нет.

⁴ И Баратынский, и Дельвиг — центральные герои историко-литературных штудий Верховского. Главный их практический результат — книги [46] и [45].

⁵ Александра Павловна Верховская (урожд. Макарова; 1877 или 1878 — после 1958). Окончила женские педагогические курсы. Памятна дневниковая запись А.А. Блока от 30 октября 1911 г.: «После обеда пришла Александра Павловна Верховская, которая послезавтра едет в Тифлис. Очаровательная, старинная, нежная красота, женственность, материнство, тонкий, легкий ум в каждом слове и нежное лукавство» [41, т. 7, с. 79]. Установление дат ее жизни представляется не слишком простой задачей. В современном профильном справочнике о ней сказано: «Верховская Александра Павловна (1877 или 1878–1942) — педагог, библиотекарь. До 1922 г. занималась преподавательской деятельностью. В БАН работала с 1924 по 1937 гг. в разных должностях, с 1 апреля 1933 г. библиотекарь при кабинете методологии. Участник расширенного заседания Ученого совета БАН 22 февраля 1933 г. по вопросу о реальных каталогах» [71, с. 186]. Год рождения, вероятно, взят из ее личного дела в архиве Академии наук (Ф. 158. Оп. 7. Ед. хр. 47; нам оно осталось недоступным). При этом год смерти, кажется, извлечен из справочника «Книга памяти. Блокада», где идет речь о другой Александре Павловне Верховской, 1890 г. р. Безусловно, в 1958 г. она здравствовала: в моем собрании хранится ее письмо к А.В. Звенигородскому от 13 декабря 1958 г. Среди прочего там говорится: «Что же касается меня, то т. к. я 1877 г. рождения, то уже не пользуюсь транспортом, а выхожу только до угла в магазин. Иду с палкой, куплю что-нибудь и обратно. Делаю каждое утро гимнастику для ног и ползаю понемножку» (расхождение сведений о годе ее рождения остается пока нерешаемым).

⁶ Несколькими неделями раньше Верховский писал Ф. Сологубу: «У нас тут вместо Вашего плохого моря хорошее озеро, и хотя, конечно, в общем хуже, чем у Вас, и так же холодно, а в Петербург все-таки не тянет. Здесь и работается лучше. Только последнее время я что-то лениюсь, а то занимался современниками Пушкина. Продолжаю обрабатывать материалы, привезенные прошлым летом. Гуляю больше по ве-

черам, на закате, когда озеро очень хорошо. Печально только, что здесь железнодорожная станция — и не настоящая деревенская жизнь, которую и я, и жена очень любим. Наши планы довольно неопределенны. М<ожет> б<ыть>, сравнительно скоро вернемся в Петербург» (письмо из Охвата от 30 июля 1909 г. [90, с. 126]).

7

5 июня 1911. Меженинка Бельского уезда Смоленской губ.

Меженинка. 5.VI.911.

Исполняя поручение твое, дорогой Вячеслав, я, только здесь осмотревшись, начал расспрашивать о даче или комнатах для тебя¹. Очень жаль, но ничего пока не выходит. В усадьбе устроиться нельзя. Поблизости подходящего помещения тоже нет. Ближе к станции железной дороги — точно так же. Остается надежда вот такая: на днях будет здесь Анна Алексеевна (Рачинская), и я порасспрошу, нет ли чего возле Бобровки². Хоть ты мне этого и не поручал, но как не помечтать: м. б. и устрою тебя моим соседом; в крайнем случае — между Бобровкой и Меженинкой.

Когда ты мог бы приехать — т. е. когда вернетесь вы с Волги?³ И до какого времени располагаете пробыть в деревне, т. е. — буду надеяться — в моем соседстве? Все это нужно бы мне знать.

Хорошо бы очутиться с Вами на Волге, но и здесь не худо. Просто и зелено. Сирень еще цветет. Шел дождь и холодно, но сегодня отличный день. Вечером как-то и в дождь пел соловей.

Общество мое здесь (кроме моих⁴) Софья Николаевна — хозяйка — умная и чудесная старуха⁵; да две ее племянницы: одна глупа необычайно, другая — полуумна <sic>; да юный немец гувернер, да юнейший его питомец⁶. Вот все пока. — Вечера проводим с С.Н. — преимущественно в чтении. Я прочел вслух твои статьи, принятые с большим интересом и сочувствием: в один раз — о Достоевском, в другой — о Толстом⁷. Еще раз жалел, что нет со мной *Cor Ardens*⁸. Работать как следует пока не начинал. Привет мой сердечнейший Марии Михайловне, Вере Констан-

тиновне, Александре Николаевне, Сергею Константиновичу — и Кузмину, если он еще не уехал⁹.

До свидания, а пока, надеюсь, — до письма.

Твой Юрий Верховский.

PS. Здесь на почту далеко не каждый день посылают, поэтому не удивляйся, ежели довольно поздно получишь это мое письмо.

Адрес:

Московско-Виндаво-Рыбинской ж.д. Ст. Мостовая, с. Знаменское.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 10–11 об.

Конверт. П.ш.: Мостовая Смол. (7.6.11); СПб (8.6.11).

¹ Меженинка Бельского уезда Смоленской губернии — одно из наследных имений семейства Рачинских, с которым Верховский состоял в родстве (его брат, Вадим Никандрович, был женат на Александре Николаевне Рачинской). Подробностей о поручении Иванова, касающегося подыскания дачи, мы не знаем. Более того, еще 30 мая 1911 г. в предстоящих планах семейства смоленская дача не упоминалась вовсе, см. в письме Замятниной к Л.В. Ивановой от этого дня: «Мы с нашим отъездом все еще разное подумываем. Вячеслав с Верой, почти наверное очень <так> на днях и скоро поедут по Волге недели две, три, а я или буду подыскивать для нас, т. е. Вяч., Веры и меня подходящую дачу, может быть, около Боровичей, Евгений Васильевич мне вчера говорил, что там можно найти. Если же Вячеслав и Вера решат, что будут все лето странствовать по России, то я одна поеду в Лугано к Иолшиным. Завтра я иду узнавать, когда отходят пароходы из Рыбинска по Волге, и сообразно с этим они тотчас же на этой же неделе и поедут, а там дальше видно будет. Вячеслав очень заскучал, что ты уехала <к Аничковым под Боровичи> на все лето, а потому ему и захотелось не ехать за границу а поселиться где-нибудь так, чтобы можно было видеться с тобой или брать тебя на часть лета хотя бы временно» (РГБ. Ф. 109. К. 19. Ед. хр. 52. Л. 2–3 об.).

² Анна Алексеевна Рачинская (1855–1916) — совладелица имения Бобровка (Ржевский уезд Тверской губернии), сестра философа Г.А. Рачинского; гостеприимная знакомая многих писателей. Ср. в поздних устных мемуарах Верховского: «Верховский об имении “Бобровка”, принад-

лежавшем сестре Гр. Алексеев. Рачинского. Это вроде Коктебеля. Там постоянно жили писатели, гости приглашали своих гостей. — Приезжали кто хотел. В Бобровке Ремизов написал “Крестов<ые> Братья” <так>, Кузмин — “Александрийские песни”, Белый — “Серебряного голубя”» [22, т. 2, с. 317]. Между Меженинкой и Бобровкой около 20 километров.

³ О планах волжской поездки см. прим. 1 к этому же письму. В действительности она не состоялась, так что Иванов, В.К. Шварсалон и Замятнина в 20-х числах переехали в курортные Силламяги (дер. Каннука, дача Михеля Орго). 16 июля 1911 г. Замятнина писала неизвестной («Лене»): «Должно быть Вера в своем письме уже объяснила причину того: всякие болезни каждого члена нашей семьи: Лидии делали ту же операцию, что Вам в прошлом году, у Веры острое малокровие и сёон <?>, а у меня глубокий бронхит от кот<орого> я с ног валилась от слабости. Теперь здесь вот уже три недели, к<о>т<орые> мы все отходили, причем в силу того что только последняя неделя теплая — то я только с неделей как чувствую себя хорошо, а то все что-нибудь было не слава Богу» (РГБ. Ф. 109. К. 20. Ед. хр. 15. Л. 1–1 об.)

⁴ Жена (о которой выше) и двое детей — Никита и Поликсена. Возможно, с ними же жило семейство брата.

⁵ Софья Николаевна Рачинская — двоюродная сестра Г.А. Рачинского и А.А. Рачинской; собирательница народных песен; основательница школы для крестьянских детей.

⁶ Этим лиц опознать мы не можем. Племянницы — вероятно, дети сестры С.Н. Рачинской Екатерины Николаевны Юргенсон и ее мужа Ивана Ивановича Юргенсона. В очерке С.А. Рачинского «Школьный поход в Нилову пустынь» упоминаются «милые хозяйки Меженинки, С.Н., ее сестра и племянницы» [91, с. 40].

⁷ Статьи «Достоевский и роман-трагедия» — начала печататься в мае 1911 г. (Русская мысль. 1911. № 5. С. 46–61 (2-я паг.), июньский номер с окончанием мог еще до Смоленской губернии не добраться) — и «А. Толстой и культура» (Логос. Кн. 1. М., 1911. С. 167–178). Может быть, под влиянием этих чтений С.Н. Рачинская подписалась на журнал «Труды и дни» (сделавшись его подписчиком за № 68).

⁸ Книга стихов Иванова. К моменту написания этого письма успел выйти только первый том (см. прим. 7 к п. 14).

⁹ М.М. Замятнина, В.К. Шварсалон, Александра Николаевна Чеботаревская, Сергей Константинович Шварсалон (1887–1941), М.А. Кузмин. Последний в эти дни еще оставался в Петербурге.

8

6 июля 1911. Меженинка Бельского уезда Смоленской губ.

Моск.-Винд.-Рыбинск. ж.д., ст. Мостовая, с. Знаменское.

6.VII.911.

Я долго не писал тебе дорогой Вячеслав, потому что ничего не мог сообщить тебе хорошего. Под Бобровкой мне также не удалось, несмотря на желание очень большое, ничего для тебя найти. Если бы нашел, то, конечно, написал бы уже давно. На первое мое письмо я, признаться, ждал отклика; дождусь, м. б., на второе? Надеюсь, оно так или иначе найдет тебя. Где ты, как и что? Очень хочу это знать, т. к. в июле же думаю быть в Петербурге и хотел бы тебя там застать вернувшимся с Волги¹. О себе написал бы что-нибудь, да нечего. Привет мой Вере Константиновне и всем твоим сердечный. Мария Михайловна, верно, за границей?² До свидания — м. б., в июле же?

Твой Юрий Верховский.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 12.

Открытка. Послана в СПб, переслана в Силламяги.

П.ш.: Нрзб, СПб (8.7.11), Силламяги (10.7.11).

¹ О несостоявшемся путешествии на Волгу см. прим. 1 и 3 к п. 7.

² Предполагалось, что, когда Иванов и В.К. Шварсалон уедут на Волгу, Замятина отправится в Лугано, где жили ее близкие друзья Митрофан Павлович и Екатерина Павловна Иолшины. Но ситуация переменялась, и все они осели на даче в Силламягах.

9

11 августа 1911. Санкт-Петербург

СПб. 11.VIII.911.

В Меженинке получил я открытку твою, дорогой Вячеслав, и вскоре же уехал оттуда, но здесь, в Петербурге, уже не застал твоего письма; оно вернулось только сегодня из Бобровки, куда Славочка переправил его¹. Я очень хочу побывать у тебя, спасибо тебе за зов, — и надеюсь выкроить на это теперь же дня два-три; впрочем, тогда извещу своим чередом².

В Петербург я попал поздно — живу здесь недели полторы — и сделав здесь необходимые дела, хочу съездить опять в деревню на несколько дней, чтобы хоть немножко освежиться перед дальней дорогой³ и еще затем, чтобы исполнить неперменное желание С.Н. Рачинской⁴. Чувствую себя здесь неважно, устал и устаю еще больше. В Меженинке и Бобровке (где я был два раза) лето было прекрасное, хотя и ничем особым не замечательное. Как Вы чувствуете себя — ты и твои — в Эстляндии, которая отчасти мне знакома после частых поездок в Нарву?⁵ — Были ли ты и Вера Константиновна на Волге, тоже отчасти мне знакомой и гораздо более милой, чем Нарва?⁶ — Как жаль, что после этой Вашей поездки не удалось видеть Вас в родной губернии Смоленской. Мои к тому попытки были несчастливы, так что благодарности большой не заслуживают, но — само собой — я очень и очень огорчен их неудачностью. Здесь я видел только Ремизовых (да мельком Аничкова)⁷. Ал. Мих. — только бы не сглазить — показался мне очень подбодрившимся и поправившимся после путешествия.

Вере Константиновне и всем твоим шлю сердечный привет, Марии Михайловне пишу особо.

Твой Юрий Верховский.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 13–14 об.

Конверт (лежит отсоединившись, но в той же единице хранения). П.ш.: СПб (15.8.11); Силламяги (15.8.11).

¹ Славочка — композитор и музыковед Вячеслав Гаврилович Каратыгин (1875–1925), приятель и родственник Верховского (муж его сестры).

² В этот же день Верховский писал М.М. Замятниной: «Я очень благодарен Вам, глубокоуважаемая Мария Михайловна, за приглашение погостить у Вас и надеюсь им с благодарностью воспользоваться в ближайшем будущем. Я теперь, кажется, буду сравнительно менее занят до двадцатого.

То немного, что найдется рассказать о моем лете, буду у Вас рассказывать. А из писем Вашего и Вячеслава я не узнал того, что мне очень интересно: были ли Вы за границей? Был ли он на Волге? Лидия, как я слышал, теперь уже с Вами. Знаю это из разговора с Анной Митрофановой <Аничковой>: я ее не видал, но беседовал с нею по телефону. Она была в Петербурге несколько дней или несколько часов. В Петербурге ли или в лагере проводит лето Сергей Константинович <Шварсалон>?

Летний Петербург наводит на меня уныние и тоску. Добром поминую только Таврический сад и башню.

Сегодня должен был побывать на даче на Крестовском острове. И тот оказался мне почти хорош по сравнению с городом. Кажется, ничего, кроме таких тусклых lamentаций и сказать здесь не умею.

Кончаю письмо, чтобы приняться за одну из висящих надо мною работ. Только что окончил вчерне составление бесконечного списка книг для библиотеки Тифлиских курсов, с которыми летом подписал формальное условие — о чем, впрочем, тогда же, кажется, писал Вячеславу» (РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 50. Л. 2–3 об.).

³ Верховский летом подписал контракт с Тифлискими женскими курсами и готовился к началу семестра отбыть в Тифлис.

⁴ О С.Н. Рачинской см. прим. 5 к п. 7. В чем заключалось ее желание, мы не знаем.

⁵ См. прим. 1 и 3 к п. 7.

⁶ Здесь, вероятно, имеется в виду исключительно успешная историко-литературная экспедиция 1908 г. (см. прим. 6 к п. 5).

⁷ А.М. и С.П. Ремизовы приехали после заграничного путешествия. Е.В. Аничков вернулся в Санкт-Петербург из наследного имения близ г. Боровичи Новгородской губернии.

10

29 августа 1911. Бобровка Ржевского уезда Тверской губ.

Бобровка, ночь на 29.VIII.911.

Дорогой Вячеслав

Я был совершенно завален в Петербурге спешными делами и практическими хлопотами, а в то же время преследуем мелкими досадными неудачами: тех, кого нужно было видеть по делам, — не заставлял в городе; те, кто сами назначали мне сроки, — сами же их откладывали, заставляя себя ждать; там где я рассчитывал получить деньги, я получал только обещания — и т. д., и т. д.; да, пожалуй, главное: работа, которую думал кончить в 1–2 дня, отняла у меня недели две или больше. Одним словом — злая судьба удерживала меня в Петербурге и не пускала ни к своим, ни к тебе. Теперь я (впрочем, далеко дела не уладив) приехал на несколько дней в Меженинку и на несколько часов в Бобровку: сегодня под-вечер — здесь, завтра к вечеру снова в Меженинке. И здесь, и там мне побывать было необходимо, между прочим по дельным, т. е. деловым соображениям. Уеду в Петербург (как определенно предполагаю) 1-го числа — вместе со своими; значит 2-го буду там. 10-го же думаю выехать в Тифлис. Но вот что важно: до 10-го вернешься ли ты в П-бург или нет?¹ Нет — так я непременно буду у тебя, приеду хоть на день, хоть на несколько часов: нельзя нам не увидеться. Если же вернешься, то уж увидимся в Петербурге, хотя мне будет грустно и обидно, что так и не удалось посетить тебя. — Очень тебя прошу — ответь мне по возможности скорее. Адрес — до 1-го: Моск<овско>-Винд<авско>-Рыб<инская> ж<елезная> д<орога>, ст. Мостовая, с. Знаменское; после 1-го: СПб., П<етроградская> с<торона>, Александровский пр., д. 3, кв. 15 (Каратыгиным).

Мой горячий привет всем твоим. Твой Юрий Верховский.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 15 об. — 16.

Закрытка. П.ш.: Оленино (30.8.11), Силламяги (1.9.11).

¹ Иванов пробыл в Силламягах до второй половины сентября (ср. в письме С.П. Каблукова к нему от 27 сентября 1911 г.: «Сейчас узнал от З.Н. Мережковской, что Вы уже вернулись» (РГБ. Ф. 109. К. 26. Ед. хр. 66. Л. 11)).

11

4 сентября 1911. Санкт-Петербург

СПб., ночь на 4.IX.911.

Дорогой Вячеслав

Пишу, еще не придя в себя. Сегодня, т. е. 3-го, я возвратился из Меженинки — на один день опоздал из-за плачевного случая: в четверг мы уже собрались уезжать — и, садясь в тарантас, Шура¹ оступилась и — не сломала, но надломила себе ногу. Тут же был доктор — и на другой день мы с величайшими затруднениями выехали, а сегодня приехали в Пбг. — Не говоря обо всем этом самом по себе, я и опоздал, и совершенно не знаю, как устрою свои дела. Шура — лежит у своей матери и пролежит с месяц, дети — с ней; я — у брата². Все осложняется страшно — и приготовления к отъезду, и все мои практические дела, и приведение в порядок всех моих работ. Я в отчаянии. — Сегодня же, приехав, узнаю, что вчера Мария Михайловна была в Пбге и искала меня с тем, чтобы вести к тебе³. Неужели до 10-го ты не будешь в Пбге?! Нам нельзя не увидеться. Я сделаю все, чтобы к тебе приехать. Но сейчас ничего не соображу. Устал и растерялся в конце. Как? Когда? Что? — ничего не знаю. На днях, наладившись, постараюсь написать тебе. Твоим привет. Юрий Верховский.

Пет. стор., М. Посадская, 19, кв. 9, тлф. 121-08.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 17

Открытка. Силламяги (3.9.11), СПб (4.9.11)

¹ Жена, А.П. Верховская.

² О брате см. прим. 6 к п. 2. Мать Верховской — Анна Дмитриевна Макарова; ей принадлежал дом по адресу: Большой проспект Васильевского острова, д. 25. Живущий по тому же адресу Павел Яковлевич (вероятно, ее отец) домовладельцем в адресных книгах не значится.

³ Замятнина заведомо была в Петербурге 31 августа — в этот день она рапортовала Иванову в Силламяги о положении дел на «Башне» (РГБ. Ф. 109. К. 19. Ед. хр. 18. Л. 31 об.).

12

8 сентября 1911. Санкт-Петербург

СПб., ночь на 8.IX.911.

Дорогой Вячеслав

Получил ли ты письмо мое о Шуриной сломанной ноге и пр.? — Обстоятельства мои приблизительно в прежнем положении, мне очень трудно выйти из всех моих затруднений. Ближайшее следствие этого — невозможность выехать в Тифлис 10-го, к<а>к я предполагал. Дня на два — и даже не больше ли? — мне придется отложить отъезд, о чем я предупреждаю письмом Согомонова¹. Другое следствие — то, что мне, кажется, и думать нельзя о поездке к тебе. Надеюсь только на то, что — как я слышал — ты к 10-му вернешься в Пбг. Оправдай же мою надежду — и приезжай. Нам нельзя не увидаться, и увидаться в Пбге было бы так хорошо. — Поклон мой твоим всем.

Твой Юрий Верховский.

Я живу у брата: П.С., М. Посадская, 19, кв. 9, тлф. 121-08.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 18.

Открытка. СПб (9.9.11); Силламяги (10.9.11).

¹ Сурен Авакович Согомонов — выпускник физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (вып. 1904 г.), тифлисский промышленник; лицо, близко стоявшее к Тифлисским высшим женским курсам. В частности, именно он приглашал Иванова и Верхов-

ского занять там преподавательское место (предложение, отвергнутое первым и принятое вторым). Подробнее см. вступительную заметку.

13

8 ноября 1911. Тифлис

Вячеславу

При посылке моего первого тифлисского стихотворения¹.

Я помню шумную разлуку,
Мелькнувшую виденьем сна;
Но если только сон был в руку, —
Тяжка не будет мне она, —
Иль так тяжка: я верю — други
Меня вспомнят на досуге

Я чаю — без напоминанья
Они и голос подадут:
В стране — хоть вольного — изгнанья
Удел певца немного крут, —
Известно. Песней же делиться
Привык с тобой — как с птицей птица:
Вот почему — и рифме строгой
Наперекор — как захочу
Тебе на лире круторогой,
Как захочу, — и забренчу.
Мой первый бред внемли тифлисский, —
И спой в ответ, певец Тиисский!²

Юрий Верховский

Тифлис. 12.X.911.

Когда печальное прости
Пределу милому скажу я —

И обречен один брести,
Не правда ль: до полупути
О том я думаю, тоскуя, —

Что там, за мной — и без меня
Живет у пристани знакомой;
Что, вновь и вновь к себе маня,
Как свет вечернего огня,
Мне веет мирною истомой?

Вперед! — счастливы говорят —
Смотри: ты минул полдороги;
Вот светлых гор воздушный ряд —
И облачных унылых гряд
Ряды не близки и не строги.

О да, гляжу невольно я
В простор судьбы моей грядущей;
На перевале бытия
Меняется и мысль моя
Под переменчивую кущей.

И вот уж я — у новых врат;
Вступаю в чуждое жилище,
Быть может — полное отрад...
Но я грустить и плакать <рад>
По милом старом пепелище!

Тифлис, ночь на 2.X.911.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 19–20 об. Напечатано: [13, с. 414–415].

Конверт: П.ш. Тифлис (8.11.11), СПб (13.11.11).

Датируем по почтовому штемпелю.

¹ Наиболее подробный источник сведений о первых месяцах тифлисской жизни Верховского — пересказ его писем к семье брата, содержащийся в посланиях жены последнего, А.Н. Верховской, к своей тете. Приведем на выборку несколько отрывков:

16 октября 1911 г. «От Юры были открытки, но ни одного подробного письма не было, видимо он доволен. К нему очень мило все и радушно отнеслись, курсы ему понравились, нашлись дамы, котор<ые> его уже несколько опекают, — жены завед<ующего> курсами и еще кого-то. Даже квартиру ему собираются искать. Но сам Юра ничего не пишет о вопросах практических — ни нам, ни Шуру. Лекции Юры все назначены от 5–7 ч. вечера, только один раз в неделю прак<ические> занятия с 10 ч. утра. Я у Шуры была, она очень растолстела, подробно рассказала, где и что у нее болит. Собирается ехать в конце октября. Говорит, что Юра без них скучает, я думаю, когда нагрянут, от них еще больше заскучает. Я по крайней мере была вполне удовлетворена визитом в 1 час. Ох, ох, ох!!!».

23 октября 1911 г. «От Юрия были письма, он очень доволен, видимо, у него все клеится. Лекции удачны, слушательниц много. Пишет, что ему сулят выгодные частные уроки и лекции рублей по 10 в час. А Шура еще не спешит ехать. Недавно встретила ее в Гостином с Никитой и громадным картоном — только что купила себе шляпу. Мы ее застали в магазине, где она мерила себе ботинки».

29 октября 1911 г. «Шура (Юрина) еще не уехала. Мы с бабушкой на нее сердимся: Юре заказали 4 ящика для книг, каждый с 2 полками так что поставив их друг на друга устраивается шкаф. 2 ящика отравили с его книгами, один остался у Оли <О.Н. Каратыгиной> с его книгами, а один должна была отправить Шура, наложив своими вещами. Все об этом говорили, и бабушка, когда была у нее, тоже просила ее прислать за ящиком. Представь, отправила все свои вещи и теперь ящик остался. Возмутительно, как она не думает о Юриных удобствах. Мы так радовались, что у Юры теперь не будут книги лежать по всем стульям, как раньше, и нарочно бабушка заказала эти полки. Это очень удобно, книги расставляются, ящики завинчиваются, крышки покрываются и едут, как в шкапу. Такая эта Шура чучела <sic>! Ужасно. Какую это она прислугу у Михая Васильевича сманивала в Тифлис, тоже не очень хороший поступок. Юра пишет в общем очень утешительно — лекции ладятся. Сулят ему выгодные уроки и лекции по 10 р. в час. Но, конечно, я думаю, еще сразу ему много набирать не следует».

31 октября 1911 г. «Завтра в 9 ч. вечера Шура с детьми уезжает в Тифлис. Юрий нанял квартиру в 5 комнат за 55 р. в месяц и ждет их. Сейчас у нас Никита и Поликсена, пришли прощаться с нашими детьми. Шура тоже придет сегодня попрощаться».

29 ноября 1911 г. «Пишет ли Юра тете Соне? Мы недавно получили от него письмо после долгого молчания. Как только приехала туда Шура, Юра сейчас же начал стонать, что плохи денежные дела, между тем пока не ехала Шура, у него уже прикопилось около 500 р. жалованья. Юре перед отъездом бабушка сделала целое приданое, ей отъезд Юры стоил 400 р., а Шуру тоже отправляла Мме Макарова, все ей и детям сшили, и дорогу всю оплатила она же. Но Шура как-то удивительно не умеет устраиваться» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2395. Лл. 84, 88, 91 об. – 92, 94 об., 110–110 об.).

² Певец Тиисский — Анакреонт, который был родом из ионийского Тииса (или Теоса); этой устойчивой формулой его называют Державин и Пушкин. Почему Верховский (помимо отсылки к общим культурным воспоминаниям) называет так Иванова, мы не знаем.

14 14 марта 1912. Тифлис

14.III.1912
Тифлис

Ах, Вера Константиновна, ведь это...
Ведь это — я, опять, все тот же — я
Тревожу Вас докучными стихами,
Хотя и белыми на этот раз,
Но оттого жужжащими не тише,
Чем рифмой оперенные. Что делать,
Ведь сами Вы меня избаловали,
Открыв гостеприимно свой альбом
Не только для сонетов изощренных,
Но и для бредней в целых две страницы¹.
Так если станет и на этот раз
Терпения, чтоб выслушать меня, —

Прочтите же... Ах, не без задней мысли
Пишу я к Вам, — затем и так болтлив
Сегодня я, и с самого начала
Уже проговорился. Как же быть
И как поправить дело? А никак:
Уж буду как ни в чем и ни бывало
Многоглаголение продолжать.
Поверите ль что право не с веселья
Так запоешь. Вы мне простите прозу
И белизну бесцветного стиха;
Хандра — лиха, хандра владеет мною,
И правит круто не одну неделю,
Проклятая смеется надо мною,
И вся моя утеха только в том,
Что вспоминаю о друзьях далёких
И думаю: ах, как они далёко,
И воздыхаю: как далеко я!
И валится из рук невольно дело,
Хоть даже то, какое сам любил.
Хотелось бы узнать мне, что на башне
Поделывается теперь. Я слышал
(Княжнин² писал мне) — возвратилась Марья
Михайловна из-за границы³. Как
Она довольна старою Женовой
И путешествием? Я перед нею
Кругом в долгу⁴. И все же напишу
О красоте и прелести Тифлиса.
(Пусть я хандрю, ведь он же ни при чем?)
Но только не сейчас. Я все надеюсь
Исправиться, наладиться. Давно,
Давно надеюсь я. Что Вячеслав?
И здоров, и бодр? Не пишет ли стихов
По старой памяти. А если нет,
Так пусть с меня возьмет пример благой
(Ему привык его я подавать):
Не знаю сам я, как и для чего,

А написал стишков я вереницу.
Как спится иногда с тоски невольно,
Так я порой дремлю — и вижу сны;
А уж без снов пропал бы и совсем.
И все же больше собственных творений
(Хоть об одном из них и будет речь)
Люблю читать чужие. Только здесь
Живу без новых книг и без журналов.
Хотя меня считает «Аполлон»
Сотрудником, но вот уж скоро год
Журнала мне не высылают⁵. Верно
Кузмин забыл благое обещанье
Редакции напомнить адрес мой.
А сам Кузмин что пишет? Оперетку
Или поэму? Может быть роман?
Верней — рецензии. Но Бог ему
Судьею в этом⁶. Как бы хорошо
Вдруг новые стихи прочесть.

Cor Ardens

Уж верно вышли в свет, но до меня
Еще не доходили⁷. Если так,
То, право, попеняйте Вячеславу:
Грешно забыть приятеля в беде,
А я в беде, конечно же! Меня
Он вспомнил ли на празднике Бальмонта?⁸
Мне очень грустно было не слышать
Речей его⁹ и Блока¹⁰. Телеграмму
Тенденциозную мою читали ль?¹¹
Заметили ль другие из Тифлиса:
Кружка «Икар»¹², курсисток¹³? Очень жаль,
Что я не слышал Брюсова¹⁴. А правда ль
(Я здесь читал) — столица Русской Мысли
Отныне не Москва, а Петербург?¹⁵
Ваганьковский пустеет переулок
И дом Куманина¹⁶? А что же Брюсов?
Переселяется ли тоже к нам?

Ах, впрочем — к Вам! Уж я не петербуржец.
И не тифлисец — потому, что здесь
Грущу, хандрю, тоскую, изнываю
И ничего не делаю.

Зачем же

Мне Вас об этом нужно извещать?
Не знаю, право. Что же до вопросов,
Которыми обильно так мое
Послание в своей печальной прозе, —
Так о друзьях приятно говорить,
И поневоле спрашивать начнешь,
Когда они молчат, как сговорились
(Один Ивойлов¹⁷ написал два слова)
И если ничего о них не знаешь,
Иль очень мало. (Знаю, например,
Что завтра, кажется, меня Аничков
Зарезать собирается¹⁸)^{VI}. Простите ж
Вы мне мои расспросы. Я на них
Не жду ответов. Ими же увлекся
Отчасти я из хитрости невинной,
Отчасти же из трусости. И если
Вы дочитаете письмо мое
(Я чувствую, для этого терпенье
Не малое потребно), так придется
Увидеть Вам, к чему я все клоню.
Ну уж еще один вопрос. А там —
Куда ни шло — скажу, перекрестясь,
О чем просить хочу я Вас. Скажите
(Хоть и не скажете, но все-равно —
Уж буду продолжать как начал): с Вами
Бородаевский, или уж уехал?¹⁹
Последнее мне кажется вернее,
Но может быть для торжества Бальмонта

^{VI} К счастью, кажется, это клевета: сейчас получил я корректуру (*прим. Ю.Н. Верховского*).

Он захотел остаться или вновь
Приехал в Петербург. А если нет,
Давно ль уехал и стихов у Вас
Не написал ли новых-бесподобных
Как те, что он при мне читал? Меня же
Он, очевидно, вовсе позабыл:
Хотел прислать мне дельное письмо
К своей знакомой милой — Петерсон²⁰,
Одной из самых важных дам Тифлиса,
Чтоб я с ней познакомился. Она
(Как помнит он) прекрасна, просвещенна,
Но я еще не мог того увидеть.

Что делать! От нее — вернусь к себе
И Вам признаюсь, для чего так много
И скучного, и лишнего пишу.
Я все хочу просить Вас — одолжение
Великое мне сделать. Дело в том
Что в милый Ваш альбом перед отъездом
Я написал еще одни стихи²¹.
Черновика стихов не сохранилось,
И вместо них теперь в моей тетради
Остался белый лист. Его заполнить
Мне очень бы хотелось. Я скучаю
Без этих стансов, хоть едва и помню
Несовершенные, но дорогие
Созвучия. Когда бы для меня
Переписали Вы своей рукою
То что писал когда-то я для Вас, —
Я был бы счастлив. Если ж мне не будет
Удачи в этой просьбе — может быть,
Сергея Константиныча²² могу
Просить об одолжение, от меня ли
Вы Лидию²³ попросите о том же, —
В обиде я на Вас тогда не буду,
А им скажу спасибо. Мой привет

Им передать прошу Вас. Но теперь
Я более, чем просьбою своей,
Смущен размером моего посланья
(И не размером белого стиха,
Хотя его читать, пожалуй, трудно,
А тем, что здесь чуть-чуть не сто стихов)^{VII}, —
И потому спешу его окончить.
Не знаю только, буду ли спешить
Его отправить: будет мне казаться,
Что уж не в меру тяжек мой пакет.
Но будь что будет. Только попрошу
Вас в заключение: о, не сердитесь
На многословье Вашего поэта!

Юрий Верховский

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед хр. 52. Л. 1–2 об.

¹ Альбома В.К. Шварсалон мы не знаем. Возможно, на его исчезновение или гибель написано стихотворение Верховского, отложившееся в ивановском архиве: «Как милой Башни сердцу жаль, / Так жаль и старого альбома. / Все в нем так близко, так знакомо. / И смех, и самая печаль» и т. д. (<https://lucas-v-leyden.livejournal.com/134977.html>).

² Княжнин (наст. фам.: Ивойлов) Владимир Николаевич (1883–1942) — поэт, библиограф, литературный критик.

³ Уехав на несколько месяцев с деликатной миссией (готовить летнюю поездку Ивановых в Европу), Замятнина вернулась в первой половине дня 26 февраля, в воскресенье [75, с. 337]; ср.: «Вчера в седьмом часу поехал я к Вяч. Ив. Встретили — он и М.М. — родственно: он бритый, что ему чрезвычайно идет, М.М. только утром вернулась из Рима и Женева» (письмо М.О. Гершензона к М.Б. Гершензон 27 февраля 1912 г. [56, с. 356]).

⁴ Верховскому не раз приходилось вызывать к отзывчивости Замятниной, прося ее отправить книги (11 марта 1917 г.), похлопотать о вакансии в университете Шанявского (письмо А. Верховской к ней от

^{VII} Увы, это уже — стих 156-й! (прим. Ю.Н. Верховского).

6 апреля 1915 г. // РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 48), расплатиться с молочной (без даты) и многое другое, но о каком благодеянии идет речь в этот раз — неизвестно.

⁵ В отличие от многих других журналов, в «Аполлоне» до какого-то момента не было принято из номера в номер перечислять всех сотрудников, но в случаях, когда список прилагался к объявлению о подписке (напр.: 1910. № 7. С. [52]), Верховский упомянут среди авторов, чьи произведения имеются в портфеле редакции.

⁶ Ср. схожее беспокойство, исходящее из другой области обширного круга общения Кузмина: «М.А. писал очень мало, но теперь, кажется, наступает время “ренессанса”» (недатированное (1912) письмо Е. Нагродской В.Г. Сысоеву // ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 568. Л. 1–2 об.).

⁷ Два тома, составляющие центральный сборник стихов Вяч. Иванова (Cor Ardens. М.: Скорпион, 1911–1912. Ч. 1–2.) были изданы не одновременно. Первая часть вышла во вторую неделю мая 1911 г. (Книжная летопись. 1911. № 19. С. 7); вторая часть — в последнюю неделю апреля 1912-го (Книжная летопись. 1912. № 18. С. 10). Именно вторую часть и подразумевает Верховский.

⁸ План отпраздновать 25-летие литературной деятельности К.Д. Бальмонта возник в первые месяцы 1912 г. 18 февраля С. Маковский писал Брюсову: «<...> Может быть, до Вас уже дошел слух о том, что литературный Петербург собирается чествовать Бальмонта по случаю двадцатипятилетия его литературной деятельности. Форма чествования — торжественное заседание нео-филологического общества с речами, адресами, приветствиями и другими “юбилейными” атрибутами. Характер же предполагается — самый широкий, с представителями, по возможности, от всех лагерей, даже от... “Русского богатства”. Идея этой всеобщности принадлежит Вячеславу Иванову, но в конце концов все участники (Зелинский, Батюшков, Аничков, Блок, гр. Толстой, редакция “Аполлона”) согласились с тем, что “Бальмонту” прошла достаточная давность для объединения всех на его имени... Только сегодня выяснился день: 11 марта, днем, в зале земского собрания, на Кабинетной» [42, кн. 3, с. 395]; ср в ретроспективной заметке В.А. Чудовского: «Еще при возникновении первых к тому намерений, в среде лиц и литературных групп (Вяч.И. Иванов, гр. А.Н. Толстой, редакция “Аполлона”), которым принадлежал почин, чествование это наметилось не как боевое выступление определенного культурного стана, но, наоборот, как общелитературный праздник» (Русская художественная летопись. 1912. № 7. С. 104 (подп. Litotes)). В ответном письме 25 фев-

раля Брюсов изъявлял желание приехать, но сомневался в осуществимости своего желания (пересказ письма: [42, кн. 3, с. 395]; подробности о Брюсове см. в прим. 14 к этому же письму).

Как сообщал свидетель из круга «Аполлона»: «<...> образовалось совещание, в котором, кроме комитета общества, приняли ближайшее участие: Вяч. Иванов, Фед. Сологуб, гр. Ал.Н. Толстой, Е.В. Аничков, С.М. Ростовцева, Ф.Д. Батюшков, Сергей Маковский, В.А. Чудовский» (Русская художественная летопись. 1912. № 7. С. 104). Сохранилась часть переписки по этому поводу (в частности, письмо Ф. Батюшкова Вяч. Иванову от 24 февраля с подробным конспектом предстоящего праздника // РГБ. Ф. 109. К. 12. Ед. хр. 13).

Праздник состоялся, как и было задумано, 11 марта в 2 часа дня в здании С.-Петербургской губернской управы (Кабинетская, 18). «Зал был полон. Преобладала учащаяся молодежь» [35, с. 337–338]; «Зал с трудом вмещал собравшихся (около 1000 человек)» [60, с. 3–4]; «Зал <...> был переполнен молодежью, по преимуществу женской, и в большинстве сторонников <так> модернистской поэзии, если судить по аплодисментам, сопровождавшим чтение телеграмм Брюсова, Белого, Грифа, Блока и др.» [25, с. 4]. Торжества открылись вступительной речью Ф. Брауна (председателя Неофилологического об-ва, под эгидой которого проходило все мероприятие), потом Ф. Батюшков прочел доклад «О поэзии Бальмонта» (стихотворные цитаты к месту исполнял артист Н. Ходотов), затем Аничков произнес речь «Бальмонт и английская поэзия», Д.К. Петров рассказал о переводах Бальмонта с испанского, потом был перерыв. Во второй части Н.К. Тхоржевская и Н.Н. Ходотов читали стихи юбиляра, потом Вяч. Иванов «произнес весьма длинную, но горячо принятую аудиторией речь о лиризме Бальмонта. Затем следовал ряд приветствий юбиляру со всех концов России, со стороны обществ, кружков и редакций газет и журналов» (сведения о ходе заседания объединены из хроникальных заметок, перечисленных в: [38, с. 100–101, 382]; см. также дневниковую запись Ф. Фидлера от 12 марта с перечислением нескольких присутствующих: [99, с. 577–578]). Речь Иванова была охарактеризована газетами как «блестевшая тончайшими нюансами и особенностями поэтического стиля этого поэта» [80, с. 3] и «чеканная» [25, с. 4].

⁹ Вяч. Иванов работал над юбилейными текстами в первые дни марта: «Вячеслав написал речь и фельетон о Бальмонте» (запись в дневнике Кузмина 8 марта 1912 г.): [75, с. 340]. Статья Иванова «К.Д. Бальмонт» опубликована непосредственно в день праздника (Речь. 1912. № 69. 11 марта); текст выступления под названием «Лиризм Бальмон-

та» был опубликован в «Аполлоне» (1912. № 3/4. С. 36–42) и одновременно в издании: [62, вып. VII, с. 45–54].

¹⁰ Предполагавшееся выступление Блока («Бальмонт и польская душа») анонсировалось еще 5 марта [34, с. 5; 32, с. 3–4], но не состоялось — «по нездоровью», как сообщалось в официальном отчете [62, вып. VII, с. 60] и журнальной хронике (Русская художественная летопись. 1912. № 7. С. 104). Обертон нездоровья проясняет запись в дневнике Блока: «<...> 11 марта в заседании “старичков”, чествующих Бальмонта, где упоминается мое имя, не буду участвовать: нездоров все еще; не нужно никому; противно профессорье; устраивается “по приглашению” и т. д., т. е. — ни для кого, для никого» [41, т. 7, с. 131].

¹¹ Телеграмма, отправленная Верховским, была прочитана; в списке поздравителей он значится за № 52 [62, вып. VII, с. 59]. Текст не разыскан.

¹² Икар — тифлисский литературно-художественный кружок; примерный состав его подлежит реконструкции по подписям под двумя посланиями Вяч. Иванову: с благодарностью за присланные книги («В нашем кружке “Икар” — праздник! Ваши книги и надписи на них сказали нам, что кормчие звезды в наших спорах знают о нашем скромном деле, знают и сочувствуют» (январь 1911 г. // РГБ. Ф. 109. К. 28. Ед. хр. 9) и с юбилейным поздравлением (РГБ. Ф. 109. К. 28. Ед. хр. 8). Одна из отправленных книг — «По звездам» с автографом «Милому заочно “Икару” в лице многоуважаемого Сурена Аваковича Согомонова. Пб. 18 января 1911. Вяч. Иванов» — находится в моем собрании. О своем участии в «Икаре» Верховский говорит в автобиографии 1926 г. [50, с. 736]. Ср. в напутственном стихотворении Н.В. Недоброво «Ю.Н. Верховскому»: «Твое профессорство не кара, / Но воля видящей судьбы. / Ей доверяйся без борьбы / Вей лавры, где плели дубы, / И будь Дедалом для “Икара”» [83, с. 114]. Телеграмма из Тифлиса, вероятно, подписанная «Икаром», упоминается в одном из газетных отчетов: [25, с. 4].

¹³ За № 37 в списке приветствий значится: «Группа слушательниц Тифлиских Высших Женских Курсов — Бебурова, Березовская, Хоментовская, Тваладзе, Джамполадова, Горниг, Вачнадзе, Хахутова, Калинина, Фиргуф, Даниленко, Белланже, Савицкая, Линштедт, Чичинадзе, Гогиашвили, Митькевич, Авалова, Мириманова, Дикова, Бакладзе, Сохадзе» [62, вып. VII, с. 58].

¹⁴ Иванов, будучи членом юбилейного комитета, особо приглашал Брюсова принять участие в празднике: «Позволь мне убедительно просить тебя приехать на здешнее чествование Бальмонта (разумею торжественное заседание “Неофилологического общества” 11 марта). Мне

лично твое присутствие было бы крайне желательно и дорого, потому что, затеяв дело, я естественно желаю, чтобы его осуществление было на высоте замысла, а твое отсутствие создаст незаменяемый, всеми остро ощущаемый пробел. Весь наш комитет придает чрезвычайное значение твоему участию» (письмо 6 марта 1912 г. [85, с. 535]). Брюсов отвечал 8 марта: «Мне всей душой хотелось бы присутствовать на “празднике Бальмонта”. Но окончательно это для меня невозможно. Десятки разнообразнейших дел и работ не позволяют мне выехать из Москвы — это первое. Второе то, что простое мое “присутствие” не будет иметь значения. Приготовить какую-нибудь дельную, нужную слушателям речь я не мог. Выступать же с пустыми, приветственными словами — я не хочу. В конце концов мне приходится удовлетвориться присланной телеграммой» (там же). Бальмонт ревниво следил (между прочим — из Новой Зеландии) за подготовкой своего юбилея и, ознакомившись с анонсом (Речь. 1912. № 63. 3 марта; был обещан доклад «Творчество Бальмонта»), писал: «Прочел в “Речи” программу “Чествования Бальмонта” и порадовался, увидев твое имя» (письмо Брюсову 2 мая (н. ст.) 1912 г. [86, с. 232]). На юбилее была прочитана приветственная телеграмма Брюсова: [62, вып. VII, с. 59].

Несмотря на отсутствие Блока и Брюсова, юбиляр остался доволен. 20 января 1913 г. он писал Ф. Батюшкову: «Вернувшись, наконец, из кругосветного своего плавания, приношу Вам сердечную благодарность за высоко-радостные минуты, которые подарили мне Вы, Нео-Филологическое Общество, и другие мои друзья и мне сочувствующие. Будьте добры передать мою искреннюю признательность проф. Брауну, Аничкову, Д.К. Петрову, Арабажину, — также, если Вы видаетесь, Вячеславу Иванову и Сологубу» (РНБ. Ф. 51. Ед. хр. 3. Л. 9). Впрочем, в рифмованной форме он отозвался о прошедшем юбилее не без скепсиса: «Неужели четверть века / Что-нибудь / Для такого человека, / Пред которым дальний путь! / О, неправда! Это шутка. / Разве я работник? Нет! / Я лишь сердцем, вне рассудка, / Жил — как птица, как поэт, / Я по снегу первопутка / Разбросал, смеясь, свой след» [37, с. 386] (указано Г.В. Обатнинным).

¹⁵ 8 марта 1912 г. Брюсов, возглавлявший с сентября 1910 г. по ноябрь 1912-го литературно-критический отдел журнала «Русская мысль», писал Иванову: «Предполагается, что с осени “Русская мысль” переселится в Петербург. Тогда я буду частым гостем “Окна в Европу”, как пишут на своих изданиях наши футуристы <...>» [85, с. 535]. Редакция была переведена в августе 1912 г., но сам Брюсов остался в Москве. Подробности: [44, с. 55].

¹⁶ В Ваганьковском (ныне Староваганьковском) переулке располагалось здание редакции «Русской мысли»; дом не сохранился, на месте, где он был — книгохранилище РГБ. В самом журнале адрес редакции и конторы обозначался: Воздвиженка, Ваганьковский пер., д. 3; в адресных книгах: Ваганьковский, д. Куманина. Тлф. 12–16» [54, 3-я паг., стлб. 494].

¹⁷ Т. е. Княжнин, о котором было сказано выше.

¹⁸ О какой корректуре идет речь — не вполне ясно. Аничков в эти годы занимался сам и распределял заказы на редактирование собраний сочинений русских писателей для издательства «Деятель» (в частности, сам он готовил Добролюбова, Брюсову предлагал Пушкина, Городецкому — Никитина, Блоку — Лермонтова и т. д.); основная часть задуманных собраний не вышла. Может быть, с этим связано мимолетное упоминание в письме Аничкова к Иванову от 21 ноября 1911 г.: «Целую неделю думал, как тебе ответить на записку об участии Кузмина в издании русских писателей. Сейчас беседуем об этом с Верховским» (РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 36. Л. 20). В одном из рекламных проспектов «Деятеля» упоминалась, среди прочих планов, антология «Поэты пушкинской поры» под редакцией Верховского («1 том в изящном переплете. 1 р. 75 к.»): непагинированный лист, приложенный к книге: Полное собрание сочинений Н.А. Добролюбова под редакцией Е.В. Аничкова. Т. 6. СПб., Б. г. (анонсированная антология вышла только в 1919 г. под маркой издательства Сабашниковых). Другая их (документированная еще слабее) совместная работа — над исполинским собранием сочинений А.Н. Веселовского: вышли тома 1–6, 8 и 16 (СПб., Пг., Л.; 1908–1938). Еще об одной порции связанных с Аничковым корректур говорилось в письме А.Н. Верховской к А.А. Рачинской от 2 сентября 1912 г.: «Прежде всего передайте Юрке, что Оля ему ничего посылать не будет, т. к. найти того, что он просит, невозможно. Она когда пришла пришла прямо в ужас от того беспорядка, в котор<ом> он оставил свои бумаги. Вся детская была завалена, лежали бумаги и нужные записки под столом, на полу, под стульями. Оля возмущалась и бранилась, т. к. оставив в таком виде все, нельзя же быть спокойным, что прислуга не выбросит чего-нибудь очень нужного и необходимого. Главное знал же он, что дети должны будут приехав сразу занять эту комнату, и хоть бы сколько-нибудь прибрал бы свои вещи. Требуется по телеграфу папку, и все папки пустые, одна только занята чем-то старым, не имеющим отношения к требуемому. Оля еще до нашего приезда звонила к Недоброву и с помощью его указаний все-таки ничего не нашла. Она говорит, что пусть Юра лучше приезжает, т. к. ему прислали еще но-

вые корректуры и Аничков его спрашивал» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2395. Л. 151 об. – 152).

¹⁹ Поэт Валериан Валерианович Бородаевский (1874–1923) в начале марта еще был в Петербурге: 2-го числа М.О. Гершензон и Ал.Н. Чеботаревская встретили его на «Башне»: «Тут пришли — Кузмин, у них живущий, и интересный поэт Бородаевский, пили чай, читали свои новые стихи, и я их безжалостно разбирал вслух, от этого завязался спор у меня с Вяч., до того дошло, что он мне, как летом, начал говорить грубости» (письмо М.О. Гершензона к М.Б. Гершензон 2–3 марта 1912 г. [56, с. 368]. Последние сведения о нем в этот приезд — запись в дневнике Кузмина 5 марта: «Был у Бородаевского <...>» [75, с. 339]. Вероятно, он уехал около 10-го числа; по крайней мере, 16 марта он уже писал Вяч. Иванову из Курской губернии, предлагая Вере Шварсалон приехать к ним погостить [6, с. 524]; о его хозяйственных заботах весны–лета 1912 г. см.: [3, с. 28–29].

²⁰ Имеется в виду Анастасия Павловна Петерсон (ок. 1868–1944) — председательница тифлисского благотворительного общества и тифлисского «Теннис-клуба» [95, с. 261], жена директора Канцелярии Наместника Е.И.В. на Кавказе, Гофмейстера Высочайшего Двора, Действительного Статского Советника Николая Леонидовича Петерсона, «фактического правителя Кавказа» [92, с. 130]; автор ошибается с ее отчеством.

²¹ Об альбоме см. прим. 1 к этому же письму. Какой текст имеет в виду Верховский, нам неизвестно.

²² С.К. Шварсалон.

²³ Лидия Вячеславовна Иванова (1896–1985) — дочь Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал.

15

29 марта 1912. Тифлис

Тифлис. 29.III.912

Вячеслав дорогой!

Слушай:

L'Amor che move il sole e l'altre stelle¹.

L'Amor — сила движущая, вдохновительная, певучая, ею движутся:

Il sole — сила творящая, дающая свет, и цвет, и образ, живописующая; и —

L'altre stelle — силою, дающей свет, засвеченные — силы, дающие познание и правящие волей живущего.

И как Любвию движется Солнце, так Солнцем воспламеняются — как и оно движимые любовью — Другие звезды.

Одна из этих звезд — звезда Поэта.

Луч ее — слова его.

Если он поэт символический, то луч его звезды — слово его — преломляясь в призме чужой души, оставаясь лучом-словом, — горит и радугой завета.

Когда поэт, как бы закрыв глаза, весь отдается певучей силе, он одного ждет от своих творений: *dulcia sunt*² — и тогда слово его — песня и молитва.

Когда поэт, как бы не слыша — не слушая, широко раскрывает глаза свету, и цветам, и образам, служит, живописуя, силе творящей, он желает от своего творения, чтобы оно было *ut pictura*, — и тогда слово его — образ и заклинание.

Когда поэт, и видя, и слыша («Раскрылись вещие зеницы»³ — «Слух, раскрываясь, растет, как полуночный цветок»⁴) проникается силою, дающею познание, он жаждет своими творениями высказать в полноте тайну, им познаваемую, — и тогда слово его звучит песней и сияет образом, но хочет только — быть словом; оно — и молитва, и заклинание, но прежде всего — исповедание.

Если поэт — символический, то песней его другой воспоет свои молитвы, его образами выразит свои заклинания; его словами выскажет свое исповедание: тройное очарование.

Итак, соответственно трем основным силам — три стихии творчества; несомненно — три и несомненно — органически-различные.

Цель символизма — *κάθαρσις*, освобождение души. Не его ли, как личность самоцельная, достиг вполне Гёте, он, перед загробною жизнью, по слову Боратынского —

здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзвуках сполна
Всё дальнее долу отдавший?⁵

Не о таком ли освобождении своем свидетельствует Боратынский? —

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бушующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая,
И мир отдаст причастнице своей.

Здесь — вера в актуальное могущество искусства (болящий дух врачует, искупит заблужденье, укротит страсть) и вера — для себя, а рядом — для другого. Ср. пьесы: «Благословен святое возвестивший»; «На посев леса» (конец); «О мысль, тебе удел цветка». Для Боратынского поэзия сама по себе есть согласное излияние души. Она может быть излита и при помощи певучей силы: песнопенье; ср.: «...голос мой незвонок» («Мой дар убог...»); ср.: «Бывало, отрок, звонким кликом...»; «Когда твой голос, о поэт, смерть в высших звуках остановит» (о Лермонтове). Может быть излита душа и при помощи силы творящей, живописующей:

Глубокий взор вперив на камень,
Художник нимфу в нем прозрел

Неторопливый, постепенный
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.
(«Скульптор»)

Но для него, для Боратынского поэт по преимуществу художник слова; силами, данными ему, прежде всего силами мысли познающий — тяжело и трудно — тайну и о ней рассказывающий:

Всё мысль да мысль! Художник бедный слова,
О жрец ее!..

Он готов завидовать художникам — кумиротворцам и — певцам:

Резец, орган! Кисть! Счастлив, кто влеком
К ним, чувственным, за грань их не ступая.

Для поэта слова перед мыслью — «как пред нагим мечом» — «бледнеет жизнь земная». — И одна «забота земная» остается для него — «сына фантазии», для него — «привычного гостя на пире неосязаемых властей». Но этой заботе дает «исполинский вид» только мечта поэта:

Коснися облака нетрепетной рукою —
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.
(«Толпе тревожный день приветен...»)

Как врата эти откроются для поэта? Поэт-пророк и «не в людском шуму» —

В немотствующей пустыне
Обретает свет высок.
(«Бокал»)

Но пророк должен идти к людям («Символизм имеет дело с человеком») — и Боратынский жаждет «слушателя»:

Я дни извел, стучась к людским сердцам.
(«На посев леса»)

Однако в действительной жизни он не находит, а только может себе представить и ярко изобразить среду, воспринимающую художества с тою же силой, с какою поэт его творит. Это было,

Когда на играх Олимпийских,
На стогнах греческих недавних городов
Он пел, питомец муз.
(«Рифма»)

Теперь же певец — «сам судия и подсудимый». Однако — истинная поэзия для него действенна:

Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей.

Разрешает ее — «Гармонии таинственная власть».

А вот как Боратынский понимал гармонию и как к ней восходил: вот на человека —

Одни других мятежней, своенравней
Видения бегут со всех сторон:
Как будто бы своей отчизне давней,
Стихийному смятенью отдан он.
(NB — «древний хаос» Тютчева)
(«Последняя смерть»)

Нам надобны и страсти, и мечты,
В них бытия условие и пища.
(«Череп»)

И веселью, и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле.

(«Наслаждайтесь...»)

Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.

(«Благословен святое возвестивший...»)

Страстей порывы утихают;
Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законы вечной красоты.
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел
И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.

(«В дни безграничных увлечений...»)

См. еще о гармонии: «В глуши лесов...» — «Звезда» — «А.А. Воейковой» — «Она» — «Лазурные очи» — «На смерть Гёте» — «Весна» — «Ахилл» — «Еще как патриарх» — «Молитва».

Власть гармонии — таинственна:

Ты назови своей звездой,
Что с думою глядит
И взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

(«Звезда»)

Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

(«Она»)

Письма и послания Юрия Верховского к Вячеславу Иванову

И при тебе душа полна
Священной тишиной.
(«А.А. Воейковой»)

И на строгий Твой рай
Силы сердцу подай.
(«Молитва»)

Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье —

действенное значение поэзии.

И если бы Боратынский верил в душу, всецело его душе отвечающую по способности и силе восприятия его творений, то не только о своей душе сказал бы он:

И чистоту поэзия святая,
И мир отдаст причастнице своей⁶.

Но — эта чистота и этот мир для другой души, если они — следствия истинного символического искусства, лежат уже вне его, т. к. символизм искусства лежит вне эстетических категорий. И певец, поскольку он выражает не личное, не свое, а — «старец нищий и слепой» — беседует с музою всенародной —

Безымянной, роковою, —

поскольку он... не поэт:

Ты избранник, не художник! —

говорит ему Боратынский:

Попеченья гений твой
Да отложит в здешнем мире:

Там, быть может, в горнем клире
Звучен будет голос твой.
(«Что за звуки мимоходом...»)

(Как, однако, построить эстетику символического искусства, если символизм лежит вне эстетических категорий?)

Вот отрывочные примеры того, как Боратынский понимал и в отдельных чертах практически создавал поэзию как искусство символическое. Еще такие черты.

Будить в слушателе ощущения непередаваемые. Почти все лучшие стихи Боратынского таковы.

Вызывать чувство связи вещей, эмпирически разделенных. Простейшие примеры: «Рифма» и «На посев леса».

Слова — эхо иных звуков. Особенно чувствуется, напр<имер>, в пьесах: «А.А. Воейковой» — «Своенравное прозвание...» — «Звезда» — «Буря» — «Она» — «Как много ты в немного дней...» — «Небо Италии» — «Недоносок» — «Рифма» — «Молитва» и др.

Творить малое великим: наглядные примеры — совсем разному: «Филида» — «Что за звуки мимоходом».

Эластичность образа, его внутренняя жизнеспособность.

Актуальная свобода. — Всё это есть в поэзии Боратынского, — не потому ли, что он, как художник — и певец, и живописец — пластик, и — тайновидец, правящий волею того, кто отдается ему?

Боратынский — поэт противочувствий, художник разлада, для него душа человеческая — «недоносок», витающий —

крылатый вздох
Меж землей и небесами;

«чуждый земного края», но и — слабо слышащий «арф небесных отголосок». Мы слышали от Боратынского, что для него «отчизна давняя» человека — «стихийное смятение», тютчев-

ский «древний хаос», «родимый». И как у Тютчева — сердце его бьется «на пороге как бы двойного бытия».

Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться —
(«Дельвигу»)

удел наш, людской. Но мы, художники —

Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.
(«Благословен святое возвестивший...»)

Сияние — тьма.

Мысль — чувственное («Всё мысль...»).

Надежда и волнение — безнадежность и покой («Две доли»).

Истина — О юных днях слепое сожаленье («Истина»).

Державный Рим — Призрак обвинитель («Рим»).

Мир явный — мир мечты («Фея»).

Света шум — Тишина кладбища («Череп»).

Взоры друзей — Светлый взор звезды («Звезда»).

Природы чин — Буря хляби морской.

Медленная отравка бытия — Зов к давно желанной брани
(«Буря»).

В живой радости — Тоска («Когда взойдет...»).

Эмпирей — Хаос («Последняя смерть»).

Мечта необъятная — Таинственная тоска («Она»).

Поэтическая мечта — Посторонняя суета («Чудный град»).

Небесные мечты — Откровенья преисподней («Бокал»).

Легкокрылые грезы, дети волшебной тьмы — видения дня
(«Толпе тревожный день приветен...»).

(NB. Недаром вообще антитеза — любимый ход мысли, любимый прием Боратынского).

Художник разлада, поэт противочувствий находит согласие и строй в редкие моменты воспоминаний («Воспоминания», «Деревня», «Запустение»), спокойной любви («Она», «Лазурные очи»,

«Своенравное прозвание», «Когда, дитя...»), веры («Звезда», отрывок из поэмы «Вера и Неверие», «Имя», «Мой Элизий», «Мадонна», «Ахилл», «Молитва»), близости к природе («Деревня», «Водопад», «На смерть Гёте», «Весна, весна!»). — Пьесы пластические («Наяда», «Алкивиад», «Ропот», «Мудрец», «Еще как патриарх...»), свидетельствуя нам обретения художника, косвенно (особенно для Боратынского) говорят нам и о достигнутой гармонии души человека.

Но наиболее полной, наиболее ощутимой и прочной гармонией, наиболее полным жизненным примирением, наиболее стройным разрешением душевных противочувствий и умственного разлада — является творчество, художество не в себе самом (как утешение, отвлечение, услаждение), а как живая жизнь, часть жизни остальной, лежащая, как и она, вне критериев эстетических. Прежде всего такова роль искусства (и самого процесса творчества: NB пьеса «Скульптор») для души самого художника как человека:

Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей.

...И в звучных, глубоких отзвуках сполна
Всё дольное долу отдавший
К предвечному легкой душой возлетит.
(«На смерть Гёте»)

О сын фантазии!

Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною.
(«Толпе тревожный день...»)

Ср. «Здравствуй, отрок сладкогласный...» — «Скульптор» — «Бокал» — «Последний поэт».

Даже дети поэзии таинственных скорбей сумрачны, но могучие («На посев леса»).

Благой результат прозрения художника в жизнь через совершенное и совершённое искусство — таков:

И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.
(«В дни безграничных увлечений...»)

Мысль о жизненном, житейском благе, какое приносит истинное высокое искусство не художнику — человеку, постигшему его божественность, разительно высказана в поэме «Мадонна». И как для проявления действенной силы художества нужен ему не-художник воспринимающий, близок он или далек, на это указывает Боратынский в названной выше пьесе «Рифма». Также ср. выше:

Я дни извел, стучась к людским сердцам.

Об этом слушателе-потомке говорит он еще:

Как знать? Душа моя
Окажется с душой его в сношеньи.
(«Мой дар убог...»)

Ср. еще: «О мысль, тебе удел цветка...».

Как к явному следствию этих прозрений самосознание приходит

к равнодушию высокому — поэта («В глуши лесов...»)
к любви высокой — человека («Кн. Вяземскому» — посвящение «Сумерок»).

Таково то «необщее выражение», какое мы видим на лице Музы Боратынского. Оно говорит нам, что

1) Боратынский — поэт символический;

2) Он сам признавал себя таковым.

Не отзовешься ли на это, милый?

Твой Юрий Верховский

РГБ. Ф. 190. К. 48. Ед. хр. 14. Л. 2–6. Иванов, получив и прочитав письмо, надписал своей рукой заголовок и передал его для публикации в московский журнал «Труды и дни». В.Ф. Ахрамович, состоявший тогда секретарем редакции, рапортовал Иванову в письме от 22 мая 1912 г.: «Статья Ваша, Ю. Верховского и Эрберга (Искусство — вожатый) в наборе, как только получу из типографии, не замедлю выслать» (РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 64. Л. 1). Оно было напечатано (без первых и последних фраз и с незначительными изменениями) в качестве отдельной статьи с заглавием «О символизме Баратынского» и с подзаголовком «Письмо к Вячеславу Иванову по поводу его “Мыслей о символизме” (“Труды и дни” № 1)». Перепечатано по рукописи: [50, с. 716–727].

¹ «Любовь, что движет солнце и светила» (пер. М.А. Лозинского) — цитата из «Божественной комедии» («Рай», XXXIII). С разбора этой цитаты начинается статья Иванова «Мысли о символизме».

² Из “*Ars poetica*” Горация; часть фразы “*non satis est pulchra esse poemata: dulcia suntu*” («Мало стихам красоты — пускай в них будет услада»; пер. М.А. Гаспарова). Цитату приводит Иванов в «Мыслях о символизме».

³ Из «Пророка» Пушкина (с ошибкой памяти: «открылись» вместо «отверзлись»).

⁴ Из стихотворения Фета «Жду я, тревогой объят...».

⁵ Из стихотворения Баратынского «На смерть Гете» («Предстала, и старец великий смежил...»).

⁶ Из стихотворения Баратынского «Болящий дух врачует песнопенье...».

16

3–4 апреля 1912. Тифлис

Спасибо, милый Вячеслав, тебе
За дружбу, за стихи¹; сказал бы даже —
За прозу, если бы ее нашел
В твоём посланье. Связанный цезурой,

Быть может — по рукам и по ногам,
Сияющие крылья развернул
Твой белый стих привольно и широко —
И, заносясь порой за облака,
Все помнит шепот, шепчущий о тайне
Земли родимой. Мой же стих — пускай
По-прежнему развязан, безцезурен,
Но и — бескрыл в ему любезной прозе;
И может быть утешен разве тем,
Что как-то раз обмолвился Жуковский,
Сказав: святая проза². Да и то —
Пусть о невинности моей ты пишешь, —
А я куда не свят³.

Так лучше к делу
Я обращусь, хоть нынче не за делом
Пишу, а для того скорее, чтобы
Тебе на твой рассказ, кипящий жизнью,
Живою жизнью, — отвечать мечтами
Бессильными — расслабленной души.
Ей-ей хандра моя не шутка. С нею
Бороться трудно — и труднее вдвое,
Когда охоты нет к борьбе. А я
Теряю иногда охоту даже
К какой бы ни было охоте. Право,
Уж лучше и не говорить. Не легче
И оттого, что иногда мечтать
Начнешь с тоски о том, о сем: как славно,
Как хорошо бы сделать то и то,
И пятое-десятое; а вот —
Когда я это кончу, о, тогда...
И прочее в таком же роде. Это
Ведь хуже многого, не так ли? Впрочем,
Одна мечта, которой я с тобой
Задумал нынче поделиться — правда
Она того достойна, чтоб увлечь,
И, может быть, не так бесплодна как

Привык я здесь считать не только грезы,
Но и действительность. (Не знаю все же,
Что нам действительней: они ль, она ли?)
Но лучше бросить этот смутный лепет
И перейти к рассказу — вновь о смутном,
О грезе, о мечте моей. Однако,
Она яснее многого во мне.
И так проста, что стало мне неловко
За длинное вступление... Да что же!
Я делаю его еще длинней.
Ну, слушай.

На стене у нас в столовой
Для нашего Никиты⁴ и его
Товарища — висит большая карта
Европы. И Никита очень любит
Названья стран, морей и городов
На ней читать и вслед за тем — водить
Внимательно от точки к точке пальцем
И — «путешествовать». Так вот и я
К неимоверным странствиям таким
Невольно пристрастился. Но меня
Ни океан Великий не манит,
Ни полюс, ни экватор. Две страны
Мечтаньями моими овладели
С давнишних пор. Их очертанья ныне
Всего милей мне тешат взор. Те страны —
Италия и Греция. Ты знаешь.
Италия — волшебница далеко,
Но царственная Греция близка.
Мне эта мысль покою не дает.
Из Петербурга шутка ли пробраться? —
И не мечтал. А здесь — рукой подать.
Проехал ночь — в Батуме; или — в Поты
Покинул землю — через Понт Эвксинский
Тебя несет стальной Левиафан.
Вдоль знойных берегов малоазийских

Вот — Трапезунд, Синоп и — Византия.
Четыре дня — и ты в стране богов⁵.
Ну, не четыре, может быть — и пять,
Что за беда?

О, дивная земля!
Анакреона и Перикла! Слава
Тебе в народах и в веках. Но я ли
Исчислю, я ли восхваляю твои
Пределы, где желал бы преклониться
Перед твоей святынею. Вожатый
Мне, как слепцу, необходим. Его
Не ищет сердце, только — ждет. Вожатый
И друг, и спутник — пилигрим в отчизне,
И строгий жрец, и резвый тирсофор⁶ —
Ты, Вячеслав! И вот — моя мечта —
Роскошная! Ведь ты же не забыл
Обета дружбы — посетить меня
На холмах Грузии печальной⁷.

Милый!
Когда ж, когда? Скорей, скорей, скорей!
Приди со мной торжествовать весну,
Увядающую мне душу обновить
И в тайну посвятить ее: ты будешь
Со мною здесь, так будем мы — и там,
В стране богов, в твоей отчизне давней.
Пусть осень пышная душе мила
Но ждать ее томительно. Труднее
Покинуть север, если впереди —
И близкий труд, и зимние заботы;
Весной же беззаботнее, вольнее
Слететь с гнезда — и мужественной грудью
Разрезать воздух. Так ли, милый друг?
А сверх того — теперь я прямо болен;
Ты — исцеление мне принесешь.
Вот такова мечта моя.

Но чую:

Уже насмешкою подстерегает
Судьба мою улыбку: эх ты, странник
По островам Фантазии! А деньги?
Да, деньги, деньги где? Ты без билета,
Без паспорта, «задаром серебром»⁸
Собрался ехать? — Лепечи в ответ:
Но, ведь, не дорого... Мне говорили —
Одну-другую сотню припасти —
И съездить, и пожить недели две
Вполне возможно. — Где же эти сотни? —
Ну, как-нибудь, откудова-нибудь,
Ведь, может быть, удастся... (Между тем
Должаю по десятке...) Все же, все же
Моя мечта не так, не так бесплодна,
Как вся действительность, которой здесь
Живу! В нее готов душой поверить, —
Душой, быть может, не вполне ослабшей, —
Поверить должен. Может, не сейчас, —
Ну, погодя. И буду ждать, все ждать
Небесной манны. Друг, меня поддержишь
Ты в этой грезе — и пока себя
В действительности дашь ты мне увидеть.
И, подкрепленный, буду я стремиться
К возвышенной и светлой цели, буду
Над нею голову себе ломать,
«Изыскивая средства»... Обещай же,
Что ты исполнишь обещанье — и
Ко мне приедешь.

Я ж к моим стихам,
Столь прозаическим, хочу прибавить,
Быть может, поэтическую — прозу⁹.
Вернее, к ней прибавлены стихи:
Она готова раньше. Вот трактат,
По коему ты можешь рассудить,
Не сбился ли совсем я с панталыку;
Быть может, так: уж я не разберу.

Мне не хотелось врозь тебе послать
Два этих бреда. Может быть, один
Другим теперь немножко уврачеван —
По принципу, что создал Ганеман:
*Similia similibus curantur*¹⁰.
А я и душу слабую отвел,
И мыслью слабой поработал. Так!
Спасибо же тебе и «Мусагету».
Я, получив «Труды и дни» не раз
Прочел тебя. Статья мне драгоценна:
Раскрыла многое, поскольку нынче
И мыслить я, и чувствовать способен¹¹.
Суди же сам. Поклон мой милой Башне.
Я Вере Константиновне прошу
Привет мой радостный и благодарный
Сказать и за письмо, и за стихи¹², —
И Марии Михайловне; пред ней
Должник я неоплатный, но — как знать? —
Не безнадежный¹³. А тебя целую
И обнимаю мысленно — с надеждой.

Юрий

Тифлис, ночь 3–4.IV.912.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 21–22 об. Напечатано: [13, с. 416–420].

Конверт. П.ш.: Тифлис (5.4.12); СПб (10.4.12).

¹ Стихотворение Иванова «Послание на Кавказ» («Ты белый стих в обычай ввел отныне...»), позже напечатанное: [66, с. 104–108].

² В оригинале — «Теперь прости, поэзия; милости просим, святая проза» (из письма Жуковского к Д.П. Северину от 11(23) – 13(25) июня 1849 г. [61, т. 6, с. 658]. Верховский, вероятно, знал эту фразу из книги своего учителя А.Н. Веселовского [51, с. 382].

³ Из стихотворения Иванова «Послание на Кавказ»: «Но с Музами играть благоговейно / Мне надлежит; тебе вольней пристало, / Затем что ты невиннее меня».

⁴ Сын, Н.Ю. Верховский.

⁵ Понт Эвксинский — Черное море; Трапезунд — современный турецкий Трабзон; Синоп остался Синопом; Византия — здесь: Константинополь. План Верховского действительно имел под собой практические основания — по этому маршруту курсировали корабли «Русского общества пароходства и торговли». Раз в две недели, по пятницам в 7 утра, из Поти отходил корабль так называемой «Анатолийской линии». В 10 утра той же пятницы он был в Батуме, в субботу в Ризе и Трапезунде, в воскресенье в Керасунде и Орду, в понедельник в Самсуне, во вторник в Синопе, в среду в Инеболи и утром четверга прибывал в Константинополь (см.: [55, с. 57]). Применительно к дате письма, путешественник мог рассчитывать на отправление 20 апреля, 4 или 18 мая, 1, 15 или 29 июня и т. д. Из-за неответа Иванова (который по семейным обстоятельствам вынужден был отбыть в Европу самостоятельно) или по другим причинам путешествие не состоялось. На следующий год у Верховского возник новый план, которым он делился с А.А. Блоком: «Здравствуйте. Дело первейшей важности. Начну прямо с самой сути. Приезжайте в Тифлис, чтобы оттуда ехать в Батум, оттуда — в Александрию, оттуда — в Неаполь и в Рим, а обратно — тем же путем, но вероятно — с заездом в Грецию. Дело в том, что батумский приятель мой Соболевский устраивает даровой проезд для меня — и для Вас — на всё это путешествие. Отказаться невозможно. Я написал своим просьбу о добытии денег — т. к. деньги всё же нужны — и жду ответа, который для меня должен решить дело. Вы же решайте с своей стороны — и отвечайте мне как можно скорее» и т. д. (письмо от 24 апреля 1913 г. [50, с. 800]).

⁶ Тирсофор, т. е. носящий тирс, — ритуальный жезл Диониса. Впервые Иванов был именован тирсофором в мадригале Брюсова «Вячеславу Иванову» («Когда впервые в годы блага...»): [43, с. <5>].

⁷ Контаминация двух хрестоматийных пушкинских строк — «На холмах Грузии лежит ночная мгла» и «Песен Грузии печальной».

⁸ Вероятно, фразеологизм, не зарегистрированный в качестве такового; встречается в ранней прозе Л. Леонова: «Каждому может она все, что будет, *задаром серебром* предсказать» [78, с. 42].

⁹ Почти наверняка к письму прилагалось письмо Верховского, ставшее его статьей «О символизме Баратынского» (№ 15 по нашей нумерации); вскоре оно было напечатано с подзаголовком «Письмо к Вячеславу Иванову по поводу его “Мыслей о символизме”» (Труды и дни. 1912. № 3. С. 1–9).

¹⁰ «Подобное излечивается подобным» (лат.); крылатое выражение, взятое центральным принципом гомеопатии. Ее изобретатель — Христиан Фридрих Самюэль Ганеман (1755–1843).

¹¹ Упомянутый выше журнал «Труды и дни» выходил под маркой московского книгоиздательства «Мусагет». Верховский благодарит за первый номер журнала за 1912 г., в котором напечатана статья Иванова «Мысли о символизме» (с. 3–10). Расширенным ответом на нее и служит прилагавшаяся к этому письму заметка Верховского.

¹² Письма В.К. Шварсалон к Верховскому мы не знаем. Под стихами, вероятно, подразумевается сделанная копия альбомного стихотворения, о которой просил Верховский в письме 14.

¹³ Последняя на тот момент известная нам просьба Верховского, адресованная Замятниной, относилась к 1911 г. (см. прим. 2 к п. 9).

17

10 февраля 1913. Тифлис

Вячеславу.

Милый, давно ли тебе я слал на север родимый
С юга далекого — плач тристий унылых моих?
Ныне в Петрополе я, а ты у священных развалин,
Духу родных твоему, воздух Италии пьешь¹.
Здесь же, средь тусклой зимы, наместо дружних объятий,
Встретили лаской меня новые песни твои².
Друг, благодарствуй — и ведай, что с песнями я и без песен
(Сам я пою ли, молчу ль) помню твоих и тебя.

Юрий Верховский

СПб., ночь на 16.I.913.
(Тифлис, ночь на 10.II.913).

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 23. Напечатано: [13, с. 420].

Конверт. П.ш.: Тифлис (10.2.13); Рим (2.3.13).

Вероятно, стихотворение, написанное в Петербурге, было отправлено только из Тифлиса (иначе трудно истолковать двойную дату).

На это письмо Иванов отвечал стихотворением «Милый, до-
вольно двух слов от тебя, чтоб опять содрогнулся...», датиро-
ванным 22 февраля / 7 марта 1913 г. (впервые напечатано: [68,
т. IV, с. 11–12]).

¹ Верховский приехал в Петербург не позднее 1 января 1913 г. (в этот день Л.А. Недоброво писала А.Д. Скалдину: «А написать я должна для того чтобы пригласить Вас к нам 3-го обедать; кроме Вас будут Верховский и Белецкий с женой, одной из самых милых и симпатичных женщин» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 6 об.)). 14 января 1912 г. он извинялся перед своим непосредственным начальником, деканом историко-филологического факультета курсов, за задержку: «Многоуважаемый Алексей Владимирович, я в письме просил жену увидеться с Вами, поговорить о моих здешних делах и обстоятельствах. Мне хочется самому с Вами о них побеседовать. Дело в том, что я никак не могу сейчас и вообще на этих днях выехать из Петербурга — по очень большой сложности моих дел — и вместе с тем не хотел бы манкируя, наносить ущерб Курсам. Не мог ли бы кто-нибудь из преподавателей воспользоваться без меня несколькими моими часами — с тем, чтобы я в свою очередь весною возместил эти часы и также освободил того, кто мне сделает одолжение? Хоть я и надеюсь пропустить немного, но все же был бы спокойнее, если б это устроилось. Об этом я написал и Федору Васильевичу, так же как и подробности моего положения. Но позвольте Вас, как декана, особенно просить помочь мне, если возможно. Что касается моих затруднений, то, прежде всего, у меня было много задач, когда я ехал сюда: подвинуть издание 1-го выпуска материалов по Боратынскому и Антологии Поэтов Пушкинской Поры; подготовить, что можно, для 2-го выпуска материалов, подвинуть кое-какие статьи и — собрание сочинений Дельвига; обеспечить себе возможность научной работы в Тифлисе; наконец — двинуть издание новой книги стихов. Все это — помимо всякого другого значения — должно дать мне *деньги*, а без них и жить мне трудно и даже выехать. — Но важность всего этого *по существу* все же на первом плане, а между тем в самое последнее время для меня в академии создался рад затруднений, в силу которых мне, сверх перечисленного, неожиданно приходится: 1) По листочку разобрать, проверить и привести в порядок все материалы по Боратынскому — Татевского, Казанского и Тамбовского семейных архивов (порядок их сильно пострадал в чужих руках).

2) Составить им опись для рукописного отделения библиотеки (куда они только что переведены). 3) Наконец — сделать отбор того, что для меня должно быть сфотографировано. А.А. Шахматов так добр ко мне, что, не решаясь посылать рукописи в Тифлис (о чем я думал вновь просить), хочет важнейшие — в большом количестве — отдать сфотографировать, чтобы я мог в Тифлисе работать по снимкам. Вы, конечно, согласитесь, что я не могу отказаться и должен для этого проделать немедленно всю работу по разборке, описи и наконец — выбору материалов. — Я должен очень извиниться перед факультетом в невольном промедлении, но надеюсь, что оно не будет слишком продолжительным (последним сроком считаю 20-е число) и также надеюсь, что предлагаемая мною комбинация взаимного замещения может быть осуществлена и облегчит положение. — Искренне Вам преданный Юрий Верховский» (РГБ. Ф. 160. К. 4. Ед. хр. 454/455. Л. 1–2 об.). Вернулся в Тифлис он в середине 20-х чисел января (см. в письме М.О. Гершензона к Вяч. Иванову от 26 января: «Он <Верховский> третьего дня был у нас, остановившись на день здесь проездом; он сильно запоздал в Тифлис и ехал туда со страхом и тоской, да и в Петербурге, как видно, он мало что сделал» [57, с. 59]. Иванов все это время оставался в Риме.

² Сборник Иванова «Нежная тайна» (СПб., 1912). Невзирая на представленную на титульном листе дату и вопреки сложившейся практике, книга вышла лишь в первую декаду следующего года (Книжная летопись. 1913. № 2. С. 11), так что первые отзывы о ней относятся к январю, ср., напр.: «Скалдин прислал нам из Петербурга “Нежную Тайну”, которая очень порадовала Ваших московских друзей... Эмилий Карлович позавидовал даже счастливым “Орам”!» (письмо В.Ф. Ахрамовича к Вяч. Иванову от 26 января 1913 г. // РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 64. Л. 4). В цитированном выше письме Гершензона от 26 января, в частности, говорится: «Милый Вячеслав Иванович, жена и я душевно благодарим Вас за книгу. Мне кажется, что эта — самая цельная, т. е. лучшая книга стихов; и в частности — в ней есть перлы. Восторженно отзывается о ней и Ю.Н. Верховский» [57, с. 59].

18

18–20 августа 1913. Бобровка Ржевского уезда
Тверской губ.

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Я помню, старый друг, заветные слова
Твоих стихов о смертной боли.
Так! Пережитая недавно ли, давно ли,
И в новой жизни всё жива
Та боль великая разлуки с жизнью прежней¹.
И правда: не было б страданья безнадежней
Воспоминание хранить — и не одно —
Смертей, что пережить в самом себе дано;
Но в боли той — воспоминанья —
Поверь — не смертного томленья одного,
А пережитого всего
Тобой в былую жизнь: улады и страданья.
И их ты не всегда ль равно благословишь,
Когда в душе твоей — бывшего тень и тишь?

Так думал я не раз в благом уединеньи,
Когда воспоминал иную жизнь мою;
И ныне двадцать лет, как я один — пою,
Пою минувшее, пускай полузабвенье
Порой знакомых черт не даст мне разглядеть
Под смутной дымкою своею;
Живым живя душою всею —
Былому верен я, бывое буду петь.

Так мы и все живем. С заботой повседневной
Порой о вечности гадаем про себя, —
В запечатленности душевной
То наслаждаясь, то скорбя;
И вдруг какой-нибудь житейский малый случай
Нежданно в душу западет —

И, душу зоркостью вдруг наделив могучей,
О прошлой жизни ей шепнет.
«Да, это, — скажем мы, — уж было раз когда-то». —
Как бытия того преданья хороши
Для оживающей души!
Прикосновением к нему душа богата.

Юрий Верховский.

P. S.

Мой друг, не раз я вспоминал
Давно — с улыбкой и любовью
Хвалу простому празднословью,
Тобой воспетую², — и ждал
Свидания на стогнах Рима
Премногословного друзей —
И шел с тобою в Колизей....
Рука судьбы неоспорима!
Ты там — я здесь. И через понт
Не мчусь я влагою живою....
Я был обрадован Москвою:
Передо мной предстал Бальмонт³.
Но я — с посланья об Эсхиле —
Все ждал — в обыденной тоске:
Его во всей великой силе
На русском слушать языке!⁴
И, поникая безотрадно,
Могу ли празднословить складно?
Тебя — все нет. Но есть молва:
Я жду — Москва тебя приветит;
И с ней — мой стих тебя да встретит —
Живого дружества слова —
Пушкой не болтовней вседневной,
А первой мыслью задушевной.

Ю.В.

Бобровка. 18–20. VIII. 913

СПб. Пет<роградская> ст<орона>, Александровский пр., д. № 3, кв. Каратыгина⁵.

РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23. Л. 6–7 об. Напечатано: [13, с. 421–422].

Конверт. П.ш.: Бобровка (22.8.1913); Москва (23.8.1913).

Стихотворение (без стихотворного постскриптума) было напечатано в журнале Ф. Сологуба и А. Чеботаревской «Дневники писателей» (1914. № 3/4. С. 4–5).

¹ Вероятно, имеется в виду фрагмент из посвященного Верховскому стихотворения Иванова «Послание на Кавказ» («Ты белый стих в обычай ввел отныне...»): «Я начал, помню, жить / В ночь лунную, в пещерах Колизея. / И долго жил той жизнью, живой / Впервые. Вновь потом я умер. Боль / Смертельная той смерти все жива... / Опять живу — и говорю с тобой».

² Из того же стихотворения: «А всех бесед с далекими живею / Мне кажется — простое празднословье: / Оно, как хмель, обманывает нас / И близостью разлуку нам являет».

³ В заметке о возвращении Бальмонта в Москву говорилось: «Константин Дмитриевич рассчитывает провести лето в подмосковном имении “Плесенском” вместе с семьей. Поэт уедет туда недели через две» [31, с. 6]. В газетной хронике от 31 июля 1913 г. сообщалось: «Поэт проводит лето в подмосковном имении и работает над маорийскими сказками» [33, с. 2]. В письме к В.Я. Брюсову от 21 августа, написанном из Плесенского, Бальмонт сообщал: «Я остаюсь здесь до 31-го, затем уезжаю на сентябрь к Елене <Е.К. Цветковской> (ст. Сходня, Никол. ж. д., д. Овчинникова). Это близко от Москвы» [86, с. 234]. В какой момент с ним встретился Верховский, мы не знаем.

⁴ Подразумевается стихотворное послание Иванова Верховскому «Милый, довольно двух слов от тебя, чтоб опять содрогнулся...» от 22 февраля / 7 марта 1913 г., где говорилось: «Так мной владеет Эсхила стоустого вызванный демон; / Голосом вторить живым нудит он пленный язык / Смолкнувшим древним глаголом, — и в ужасе сладостном сердце / С сердцем пророческим в лад, тесное, биться должно...». В прозаическом смысле это означало заключение контракта с М.В. Сабашниковым на перевод трагедий Эсхила и начало работы над ним. См.: [11, с. 497–522].

⁵ Вероятно, Верховский добавил петроградский адрес на случай задержки Иванова с ответом.

19

24 декабря 1913. Москва

Среду вечером буду у тебя.
Юрий.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 25.

Телеграмма. Среда в 1913 г. падала на Рождество (25 декабря), т. е. на следующий день.

20

Февраль 1914. Тифлис

ВЯЧЕСЛАВУ

Душою изобильной
Ведь ты и мне сродни;
Прочти же стих умильный,
Воспевший оны дни.

Ю.В. Тифлис, II. 914.

РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23. Л. 11. Напечатано: [13, с. 423].

Автограф на оттиске из журнала «Вестник Европы» (1913. № 12. С. 27) с текстом стихотворения Верховского «Летом» («Мне было так просто, так весело с ним...»).

21
Март 1914. Тифлис

ЕПИМЕТРОН

Вспомни: когда-то Жуковский для «гексаметрических» сказок
Смело, находчиво — «свой сказочный стих» изобрел¹;
Если же — даже не сказкам, а только всего эпиграммам
Несколько вольный порой дам я в стихе оборот, —
О, Аристарх², не хмурься, прости мне невольную вольность:
Остановить ли перо, давши свободу речам?
То вдруг в начале стиха пропадет ударенье куда-то;
То в середине его днем и с огнем не сыскать.
Знаю: цезур буколических (коим в двустиих — место ль?)³
Несколько даже найдешь: слышит то ухо мое.
Знаю еще прегрешение злое: (horribile dictu!⁴)
Германа строгий закон я зауряд преступал⁵.
Знаю — и эта вина не невиннее многих, пожалуй —
Синтаксис темен подчас, как у детей, у меня.
Знаю и много еще преступлений великих и малых,
Знаю — и все же тебе шлю эпиграммы мои:
Верю — меня бы простил, пожуривши, с Жуковским и Гете;
Строже ль маститых отцов будешь ко мне, Вячеслав?

Тифлис III. 914

РГБ. Ф. 218. К. 141. Ед. хр. 4.

Начертано на с. 135–136 оттиска цикла Верховского «Сельские эпиграммы» (Русская мысль. 1914. № 3. С. 126–136). На первой его странице — инскрипт: «Вячеслава Иванова, дорогого друга, перед началом Сельских Эпиграмм обнимает в прозе, а после конца — приветствует в стихах —

автор».

¹ Если Верховский, заключая в кавычки «гексаметрических» и «свой сказочный стих», хочет подчеркнуть цитатность этих выражений, он

апеллирует к специфическим знаниям адресата: опознать источник этих цитат не просто. «Гекзаметрическая сказка» — выражение Пушкина из письма к П.А. Плетневу около 11 июля 1831 г. (так он называет «Сражение с змеем»). Выражение «сказочный стих», вероятно, восходит к труду А.Х. Востокова «Опыт о русском стихосложении» (СПб., 1817), где на с. 146–147 содержится рассуждение о русском сказочном стихе.

² Очевидная аллюзия на «Моему Аристарху» Пушкина, подчеркнутая последующим изложением поэтического кредо.

³ Буколическая цезура расположена в дактилическом гекзаметре между концом четвертой и началом пятой стопы.

⁴ Страшно сказать (лат.).

⁵ Имеется в виду так называемый «мост Германа» — правило, заступающее в гекзаметре словораздел после четвертого трохея (см.: [9, с. 19]). Назван по имени немецкого филолога Готфрида Германа (1772–1848).

22

2 июля 1914. Санкт-Петербург

2.VII.914.

Вячеслав дорогой,

Я забыл записать твой деревенский адрес¹. Сообщи мне его, пожалуйста, как-нибудь или передай о том всенижайшую мою просьбу Марии Михайловне — вместе с поклоном.

NB: Только здесь в вагоне я разглядел, что листок со стихами Тютчева — хоть и верстанная — всего 2-я корректура, следовательно — мной не читан². — Ю.

Спасибо тебе за Прометея³ и за тебя. — Ю.В.

PS. Не оставить ли ариостовым октавам женскую рифму?⁴

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 26.

Открытка. П.ш.: СПб (3.7.14); Москва (3.7.14).

¹ Летом 1914 г. Иванов жил в усадьбе «Петровское» на Оке (ныне руинирована и поглощена г. Алексин Тульской области). Почтовый адрес: Станция Средняя Сызрань-Вяземской железной дороги. Имение Бер.

² О чем идет речь — неясно. Судя по квалифицированной библиографии ([98]), никаких приращений корпуса тютчевских текстов в 1914 г. не было.

³ Осенью 1914 г. драма Иванова «Прометей» была принята в четвертый сборник издательства «Сирин», о чем Р.В. Иванов-Разумник сообщал автору 7 октября 1914 г. (РГБ. Ф. 109. К. 25. Ед. хр. 15. Л. 4–4 об.). Из-за банкротства издательства книга не вышла, так что трагедия впервые была напечатана только в 1915 г. (Русская мысль. 1915. № 1. С. 1–37). Вероятно, Верховский прочел ее в рукописи или присутствовал на авторском чтении (факт которого, впрочем, нам неизвестен).

⁴ Верховский переводил «Неистового Роланда» Лудовико Ариосто; рукопись перевода была приложена к следующему письму (см.). План публикации его в издательстве Сабашниковых (ср. в письме М.О. Гершензона к Верховскому от 27 мая 1914 г.: «Дальнейшее пишу по уговору с Вяч., так как он все не соберется написать. Он говорил о Вас с Сабашниковым, и С. изъявил охотную готовность печатать Ваши переводы. Известен ли Вам характер его “Памятников мировой литературы”? Вероятно да; итак, выберите что-нибудь такое, что могло бы войти в эту серию, как том или два тома. Хрестоматия (переводная) из Виллона, Ронсара и пр. — можно; еще бы лучше — одно цельное произведение, Ариосто или подобное что-нибудь. Выберите и напишите нам, а остальное мы здесь устроим» (РГБ. Ф. 218. К. 1262. Ед. хр. 10. Л. 3 об.)) не воплотился. Переводы начальных октав (вероятно, все, что было сделано) были напечатаны только четверть века спустя: [101, с. 93–94] (вариант отличается от приведенного ниже). Женскую рифму оригинала Верховский не оставил.

23

19 июля 1914. Санкт-Петербург

ВЯЧЕСЛАВУ¹

О, вожатый мой! За тобою следом
Я вступал в обитель блаженной тени;
Дивной я внимал; пред ее ж улыбкой —
Взоры потупил.

Мне ли, мне ль она — улыбнулась нежно?
Оттого ль дерзаю в напеве робком
Помянуть молебно святое имя
Сладостной Сафо?²

Юрий Верховский

Лесной, ночь на 19.VII.914.

РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23. Л. 9. Напечатано: [13, с. 423–424].

На одном листе со стихотворением «Вячеславу Иванову» («Откликнись, друг! Услышать жаден я...»); см. № 24.

¹ Поэтический отклик на издание книги «Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же» ([27]). Книга вышла в свет во второй половине июня (см.: Книжная летопись. 1914. № 25. С. 1). На это стихотворение Иванов откликнулся письмом, черновик которого отложился в его архиве (см.: [16, с. 268]).

² В поэтическом наследии Верховского (систематизация и публикация которого представляется делом неблизкого будущего) упоминаний Сафо немного, в частности, в стихотворении «Эринна» («Знаешь, как сладостно, друг мой, в дождливый вечер зимою...»), посвященном Ахматовой ([49, с. 59–60]). Приведем его остававшееся в рукописи стихотворение:

САФО

М.А. Соколовой

Вот выходишь ты из прохладной сени
Горницы укромной — в палящий полдень, —
Солнце ярый лик обращает прямо
В милые очи.

И мгновенно взор твой тускнея тмится, —
Огненных и черных кругов круженье, —
Кровь встает к ланитам, как пламень жадный,
Дух захватило.

Так, когда тебя повстречаю, дева,
Я снести не в силах твое сиянье;
Глянешь — взор сомкну, голова кружится,
Никну слабея.

(РНБ. Ф. 150. Ед. хр. 312. Л. 1; М.А. Соколову опознать не можем.)

24

4 ноября 1914. Тифлис

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Откликнись, друг! Услышать жаден я
И уж заранее невольно торжествую
Пред тем, как воспоет годину боевую
 Душа звучащая твоя.
Мне памятны ее живые звуки
Во дни недавние бесстрашия и муки
Родных полунощных полков;
И ныне ли, когда их жребий не таков,
Когда венчает их величием победы
Судьба-звезда, какой не ведали и деды,
Не вырвется из пламенных оков
 Всерасторгающее слово?
Под обаянием великого былого
Я верю: на Руси не надобен певец
На вызов славных дел; но сладок он для славы —
И нам в биении созвучном всех сердец,
И братьям-воинам, когда вернутся, здравы,
На лоно мира, наконец.

Юрий Верховский. 4.XI.914. Тифлис.

РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23. Л. 8. Напечатано: [13, с. 424].

На одном листе со стихотворением «Вячеславу» («О, вожа-
тый мой! За тобою следом...»); см. № 23.

Напечатано: Русская Мысль. 1916. № 2. Отд. I. С. 1.

Комментарий к этому стихотворению и описание его места в поэтическом диалоге Верховского и Иванова см. в работе: [15].

25

6 ноября 1914. Тифлис

Тифлис, 6.XI.914.

Дорогой мой Вячеслав

Уезжал внезапно и спешно, вызванный по телеграфу, все дела должен был бросить и своих бросил у тещи¹. В Москву не пришлось и заглянуть. Тут — на половинном жалованье — пытаюсь работать, но без большого успеха. Посылаю тебе стихи и прозу, Роланда — все, что есть². Отзовись же. Что ваши военные?³ Приветы мои Вере Константиновне, Марии Михайловне, Лидии, Диме⁴.

Твой Ю.В.

РОЛАНД НЕИСТОВЫЙ.

1.

Дам, рыцарей, оружие, влюбленность,
И подвиги, и доблесть я пою —
Времен, когда, презревши отдаленность,
Стремили мавры за ладьей ладью
На Францию; вела их разъяренность
Владыки Аграманта, чтоб в бою
Смять Карла императора — и рьяно
Отмстить ему за смерть отца — Трояна.

2.

И о Роланде в песне расскажу я
Безвестное и прозе, и стихам:

Как от любви безумствовал, бушуя,
Еще недавно равный мудрецам, —
Все это я исполню, торжествуя,
Коль бедный разум сохраню я сам,
Уже едва ль оставленный мне тою,
Что не Роландом завладела — мною.

3.

Ираклия потомок благородный,
Краса и гордость века — Ипполит,
Прими сей труд, не пышный, но свободный;
Твой верный раб тебе его дарит.
Моя да будет воля не бесплодной:
Пусть долг великий песня возместит
Не до конца; но я богат лишь ею —
И все тебе несу, чем сам владею.

4.

Среди достойнейших — к тому герою
Хвалебной песнью скоро воззову,
Кого зовешь Руджером, чтя душою
В нем славных предков ветхого главы.
Его дела бряцать я лиру строю;
Склони же слух к благому торжеству —
И дум твоих — как думы ни высоки —
Да не смутят моих напевов строки.

5.

Роланд, пленен прекрасной Анжеликой,
Влача года во власти нежных чар,
Наполнил земли славою великой —
Индийцев, и мидийцев, и татар;
Вернулся на Закат с прекрасноликой —

И здесь у Пиренеев — первый дар —
Узрел он Карла меж соратных станов
Несметных полчищ франков, аллеманов⁵.

Юрий Верховский

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 27–28.

Сохранился черновик ответного письма Иванова, см.: [16, с. 270].

¹ Обстоятельства срочного вызова Верховского по месту службы нам неизвестны. О матери А.П. Верховской см. прим. 2 к п. 11.

² О какой прозе идет речь — неясно. См. также прим. 4 к п. 22.

³ Сергей Константинович и Константин Константинович Шварсалоны, призванные в действующую армию.

⁴ Впервые появляющийся в переписке Дмитрий Вячеславович Иванов.

⁵ О переводе «Неистового Роланда» см. прим. 4 к п. 22.

26

15 февраля 1915. Тифлис

Тифлис, ночь на 15.II.915.

Вячеслав мой дорогой, четвертый день я в Тифлисе и уже исполняю твое желание — пишу тебе о своих делах. Уж не знаю, будешь ли ты рад этому: во-первых, все о том же и о том же; во-вторых, жду, чтобы ты на письмо реагировал — если не ответом, то действием.

Дело — о стихах моих, т. е. о книге. Вовремя мне не пришла в голову комбинация — как мне кажется, возможная и могущая разрешить все затруднения, т. е. некоторую неловкость (все-таки — неловкость) переговоров с Сабашниковым по отношению к Киселеву (хоть и с его ведома и одобрения) — и пр.¹ Нельзя ли устроить, чтобы Сабашников субсидировал — Мусaget, хотя бы анонимно? Т. е. совершенно частным образом дал

денег на издание^{VIII} — с известным условием? Можно предполагать (хотя бы по тону его разговора со мной на эту тему), что он сочувствует изданию моей книги. А о положении с Мусагетом можно бы говорить прямо и откровенно. — Это одно. Что скажешь ты на это? А другое — я думаю, что Михаил Васильевич будет говорить с тобой обо мне и моей книге (тем больше думаю, что пока не получаю письма с его решением); и вот, если он так или иначе склонится на издание книги, я тебя очень прошу поддерживать идею двух томиков, выгодную для издателя и заманчивую для меня по известным тебе основаниям². Об этом я хотел сказать тебе в Москве — и забыл. Вот пока и все мои дела к тебе. А что до магистранства и до семинариев и т. п., — то дельное письмо об этом я написал Шахматову и крепко на него надеюсь³. Сперанскому и Айхенвальду (для курсов Полторацкой), а заодно и другу моему графу Де Ла Барту, потомку крестоносцев, я послал печатные программы своих курсов, читанных и читаемых⁴. Собираюсь им писать на днях, а еще — Михаилу Осиповичу⁵.

Хотел бы я после дельных двух страниц с тобой поприражничать, памятуя, что простое приражничанье «всех бесед с далекими живей»⁶; да проза моя слишком деловита, а стихов нет как нет. Марии Ивановне хочу написать полновзвучные строфы⁷. Кланяюсь ей и милому Балтрушайтису. Такая усталость меня тягчит — с московской беготни. — Сборника статей Владимира Францевича жду с нетерпением⁸ — и, м. б., попытаюсь о нем написать в Кавказском Слове⁹: здесь на него, говорят, направил свою полемику известный ему Н.А. Дубровский¹⁰; я не читал, но заранее недоволен. Был сегодня у знакомых — и получил весеннюю розу. Она здесь на столе. Здесь совсем весна, на курсы хожу без пальто. Днем притворял ставню, чтобы солнце не мешало писать. А еще здесь сыпной тиф¹¹. Впрочем, здешних дел серьезно описывать не умею. Лучше не говорить. Что Москва? Что вы все?

Заглавие книжечки, которую я увез: Григорий Воинов. Песни раненого солдата. Издание районного лазарета Хлебного пер. М.

^{VIII} Он говорил, что на стихах, какие он издал, не было означено фирмы Сабашниковых и пр. (*прим. Ю.Н. Верховского*).

1915¹². — Цена 5 коп. — Издали ее М.Н. Розанов и брат его, а я получил от жены его¹³. Следовательно, можно телефонировать (телеф. 2-91-29¹⁴) или достать через М.О. Гершензона.

Вчера был я у здешнего коллекционера Корганова и читал письмо А. Дюма о Кавказе со стихотворным переводом Даров Терека Лермонтова, неизданное¹⁵.

До свидания или до письма. Клянюсь Вере Константиновне и всем твоим — Вл. Фр.¹⁶ «и компри»¹⁷. Обнимаю тебя.

Юрий.

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 29–30 об.

¹ Верховский был рекомендован Ивановым М.В. Сабашникову как переводчик (см. прим. 4 к п. 22) — и в письме от 25 января 1915 г., накануне личного визита к нему, излагал подробнейший — на несколько страниц — план изданий Боккаччо и антологии французских лириков (РГБ. Ф. 261. К. 3. Ед. хр. 15. Л. 1–4 об.); см. также прим. 8 к п. 32. Но тем временем у него вызрел план передать для издания Сабашникову собственный сборник стихов, переговоры о котором давно велись с издательством «Мусагет». Упоминаемый здесь же Николай Павлович Киселев — секретарь «Мусагета». Познакомились они за полтора года до этого, о чем Киселев рассказывал их общему знакомому: «Отдыхать я ездил к Г.А. Верховскому, у которого встретился с хорошим поэтом и любезным человеком Юрием Верховским, который в настоящее время занят изданием архивных материалов, касающихся Баратынского, по поручению Академии. Мы много времени проводили вместе, и об одной его идее мне хочется Вам — пока конфиденциально — сообщить. Если найдете время, напишите, что Вы об этом думаете.

Он хотел бы иметь журнал, специально посвященный изучению русской литературы, особенно поэзии, XIX в.; журнал, который был бы для словесности тем же, чем “Старые годы” являются для искусства; где могли бы найти себе место и обширные исследования и издания текстов или целых архивов. Я припоминал Ваши разговоры со мною о том, что хорошо бы хоть по одной в год издавать книги, посвященные истории поэзии, в “Мусагете”: журнал навсегда обеспечил бы и Вас и других работников в этой области. Меня эта идея чрезвычайно увлекает и я готов поработать для ее осуществления. Мне кажется, что наше поистине “интернациональное” положение в научном и литературном

мире обеспечивает надолго материал, и обильный и интересный. При наличии такого журнала, строго и умело издаваемого, м. б. удастся даже Черногоубова расшевелить. Можно было бы устроить целый штаб для поисков старых архивов и документов — но только литературных, чем и отличаться от таких складочных мест, как “Р<усская> Старина” и “Р<усский> Архив”» (письмо Н.П. Киселева к Б.А. Садовскому от 30 июля 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 2–4). Примечательно, что к этому моменту тема издания сборника Верховского уже мелькала во внутримусажетовской переписке. Так, Э. Метнер, фактический владелец издательства, среди списка неотложных дел в письме к А. Белому от 11 января 1911 г. напоминал: «Еще одно недоразумение с Верховским, кот<орый> вообразил, что Мусажет обещал (?) напечатать его сборник стихов» [30, т. 2, с. 73]; ср. также в перечне обид в письме к тому же корреспонденту от 26–29 июня 1911 г.: «<...> если бы я следовал дальше тем обещаниям, которые Вы только по слабости воли раздавали направо и налево, то мы издали бы наверно сборник стихов Юрия Верховского <...>» [30, т. 2, с. 151]. Вероятно, об этом же идет речь в приводимых ниже реляциях Э.К. Метнера: «Верховскому пока ответить ничего нельзя. Думаю, что придется отклонить» (письмо к Н.П. Киселеву от 26/13 августа 1914 г. // РГБ. Ф. 128/III. К. 17. Ед. хр. 26. Л. 10); «Юрию Верховскому отказать по vis major <обстоятельствам непреодолимой силы>» (письмо к Н.П. Киселеву от 5/18 ноября 1914 г. // Там же. Л. 17 об.). Впрочем, позже риторика смягчилась (при том, что эта реплика явно относится к сборнику стихов): «Часть денег я вышлю отцу по телеграфу. Если сможете обернуть, издайте Верховского, но с Бородаевским трудно. Надо бы прочесть. Да и расходы все-таки велики!» (письмо к Н.П. Киселеву от 10 февраля 1915 г. (н.с.) // РГБ. Ф. 128/III. К. 17. Ед. хр. 28. Л. 3).

² Развитие этого сюжета (если оно и было) практически не документировано, за исключением короткой реплики в письме Верховского Гершензону от 12 апреля 1915 г.: «Относительно книги моей — т. е. денег на книгу — мелькнула у меня еще слабая надежда, но пока ничего не знаю. Тоже уже давно собираюсь писать Киселеву Николаю Петровичу. А сам живу по всем статьям одними ожиданиями» (РГБ. Ф. 746. К. 30. Ед. хр. 15. Л. 15). В 1917 г. под маркой «Мусажета» вышла книга: [49]. Второй том в печати так и не появился. Возможно, комбинация с Сабашниковым все-таки удалась, ср. в письме Верховского к Гершензону: «Косвенно с Мих.Вас. Сабашниковым связан для меня и вопрос о двух томиках моих стихов, уже бог весть с каких пор печатавшихся Мусажетом и подписанных мною до конца к печати. Я говорил о них с

М.Я. Лукиным» (письмо от 30 октября / 12 ноября 1918 г. // РГБ. Ф. 746. К. 30. Ед. хр. 15. Л. 27). Лукин Мстислав Яковлевич — заведующий редакцией издательства М. и С. Сабашниковых. Почему для Верховского было выгодно издание сборника стихов в двух томах (помимо экономических соображений), нам неизвестно.

³ Имеется в виду письмо от 14 февраля 1915 г.:

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

В Петрограде я не хотел еще раз беспокоить Вас своими делами, но теперь снова решаюсь говорить о них: с одной стороны — о моих московских планах; с другой — о магистрантских экзаменах.

На обратном пути я опять был в Москве. Из разговоров с целым рядом людей выяснились новые возможности. Позвольте мне поделиться с Вами некоторыми предположениями и просить, если возможно, Ваших содействий. Поиски места в учреждении, подобном музею Бахрушина, пока приходится оставить. Все — и материальные — надежды сосредоточились на получении семинариев. И постом решается дело.

Относительно Высших женских Курсов я определенно надеюсь на успех, и М.Н. Сперанский поддерживает меня в этой надежде. А рядом — он обещает мне свою поддержку и в Университете Шанявского. Обещают ее также А.Е. Грузинский и Ю.И. Айхенвальд. Сочувственно отнесся ко мне А.А. Кизеветтер, которого я видел впервые. Говорилось даже о возможности получить не только семинарии, но и лекции (многое открывается вследствие ухода П.Н. Сакулина). И вот — первая моя просьба к Вам: не найдете ли Вы возможным написать обо мне несколько слов А.А. Кизеветтеру, как декану историко-филологического факультета университета Шанявского? Это дало бы решительный ход моему делу — и определенно сделало бы возможным мое вождеденное переселение в Москву.

Еще новая возможность — курсы Полторацкой. Тут обнадеживают меня и Ю.И. Айхенвальд, и гр. Де Ла Барт, причем оба советуют предложить не только семинарии, но и лекции, как по русской, так и по западно-европейским литературам. Но и одними семинариями я, конечно, удовольствовался бы. Содействие обещал мне также Г.Г. Шпетт (философ, в этом году, впрочем, не читающий). Дело однако главным образом зависит от Дмитрия Николаевича Ушакова, декана факультета, которого я не знаю и с которым не говорил. И тут моя вторая просьба: м. б., Вы не отказали бы мне в одолжении написать также и Д.Н. Ушакову, для которого, как Вашего уче-

ника, рекомендация Ваша имела бы особое значение. Подробности моих планов, программы читанных мною курсов и т. п. может сообщить ему, если понадобится, Ю.И. Айхенвальд, которому я пошлю и мое *curriculum vitae*.

Неоценима была бы для меня возможность оставить Тифлис для Москвы. Это было бы важным поворотом моей жизни, — поэтому простите, если так прямо прибегаю к Вам и решаюсь обращаться к Вам со столькими просьбами. Исполнение их оказало бы мне великую поддержку и я был бы Вам навсегда признателен.

В частности и для подготовки к магистрантским экзаменам переезд в Москву имел бы огромное значение. Об этих экзаменах я говорил в Петрограде с Ф.А. Брауном, как деканом, затем с И.А. Шляпкиным, П.А. Лавровым и Д.К. Петровым. Что касается экзамена, который мне предстоит сдавать у Вас, то я хочу просить Ваших указаний относительно того, как мне работать. Пока я достал лекции по истории русского языка А.И. Соболевского и Ваши — и начинаю с первых, думая, что они дадут мне предварительную подготовку. Хотел бы Ваших советов и указаний и очень прошу не отказать мне в них — хотя бы со временем. Извините меня в том, что осаждаю Вас таким количеством просьб.

Искренно Вам преданный Ю. Верховский (СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 260. Л. 23–25).

⁴ Программы курсов Верховского, по крайней мере частично, напечатаны: [70, с. 80–89] (история греческой литературы, история римской литературы, история западно-европейской литературы, история французской литературы XV и XVI вв., специальный курс русской литературы Пушкинской эпохи). Писем Верховского к Николаю Васильевичу Сперанскому (1861–1921), Юлию Исаевичу Айхенвальду (1872–1928) и Фердинанду Григорьевичу де-ла-Барту (1870–1915), касающихся этого сюжета, мы не знаем. На Высших женских курсах, организованных Варварой Александровной Полторацкой (1845–1913) места для Верховского также не нашлось.

⁵ Гершензону. Это намерение исполнено не было. Много позже, 12 апреля 1915 г., Верховский писал Гершензону: «Дорогой и сердечно уважаемый Михаил Осипович, очень уже давно, с самого приезда собирался я писать к Вам письмо не деловое, а литературное и начал его несколько раз, но оно все не склеивалось по свойственной мне неспособности к письмоводству» (РГБ. Ф. 746. К. 30. Ед. хр. 15. Л. 12).

⁶ Из посвященного Верховскому стихотворения Иванова «Послание на Кавказ» (см. прим. 1 к п. 16). В 1915 г. у Эрна (о коем см. ниже)

вышли два сборника — «Время славянофильствует» и «Меч и крест. Статьи о современных событиях» (оба — М.).

⁷ Мария Ивановна Балтрушайтис (урожд. Оловянишникова; 1878–1948) — жена упомянутого далее Юргиса Казимировича Балтрушайтиса (1873–1944). Посвященных им стихов Верховского мы не знаем.

⁸ Философ Владимир Францевич Эрн (1882–1917) — тифлисский уроженец и (одно время) сослуживец Верховского по Высшим женским курсам (см.: [40, с. 5, 7–8]). Познакомились они в конце мая 1913 г., ср. в письме Эрна к жене от 31 мая: «Вчера познакомился с Ю. Верховским, поэтом, другом Вяч. Ивановича, который профессорствует на Курсах. Очень мил и симпатичен, хотя внешнеюстью напоминает Макса Волошина. Только глаза — ясные, голубые, хорошие, вроде Волжского что-то. Может быть, подружмся» ([52, с. 535]). 29 июля того же года Эрн писал Л.В. Ивановой: «С Верховским я виделся несколько раз. Он мне очень понравился. Бог даст подружмся с ним» (РГБ. Ф. 109. К. 40. Ед. хр. 2. Л. 8). Сохранился замечательный памятник этой состоявшейся дружбе — посвященный Эрну сонет «Кавказского слона заезжий слон...», совместно написанный Ивановым и Верховским (см.: [23, с. 255]).

⁹ Отзыв Верховского о книге Эрна нам неизвестен.

¹⁰ Профессор Тифлиских Высших женских курсов, позже декан историко-филологического факультета свежесозданного Бакинского университета Николай Александрович Дубровский.

¹¹ Тифлисская городская хроника начала февраля 1915 г. начинается с известий: «За последнее время во многих из городских лазаретов, среди больных и раненых воинов, стали обнаруживаться случаи заболевания сыпным тифом» и т. д. ([84, с. 2]).

¹² Григорий Павлович Воинов, автор единственной книги стихов, до сих пор не значился в летописях литературы. В оставшихся неизвестными «Материалах к библиографическому словарю русских писателей, вышедших из народа» Н.П. Рогожина о нем говорится: «Воинов Григорий — поэт-самоучка, кр-н Саратовской губ. Участник империалистической войны. В 1915 г. В. был ранен, эвакуирован в М. и помещен в районном лазарете Хлебного пер., персонал которого издал книгу его стихотворений» (РГБ. Ф. 683. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 13). Гораздо больше сведений содержится в его собственноручной автобиографии, отложившейся в собрании И.Н. Розанова: «Григорий Павлович Воинов родился в 1885 году в деревне Анно-Успенской Саратовской губернии Балашовского уезда. Родители его Павел Гаврилович и Ефросинья Кондратьевна — крепостные крестьяне бедного сословия. Грамоте начал учиться с семи лет при учительнице Варваре Алексеевой Формазо-

вой <?>, десяти лет кончил учение в начальном народном училище. В семье отца было четверо детей и старые отец с матерью. После все время был хлебопашцем. Семнадцати с половиной лет отец женил его не по его, а по своей воле, после чего взяли его на службу. После трехлетней службы вернувшись на родину, прожил три года. Был мобилизован и отправлен с 331-м Орским полком на Русско-Австрийскую границу, у Птичьей горы <?> был ранен в локтевую часть левой руки. В настоящее время семейство его три брата: взятые на войну два и один дома, отец, мать, жена и трое детей. Старший его сын не имеет левой руки, 8-летний учится в школе.

В школе любил больше всего стихотворения учить наизусть и закон Божий. Арифметикой отличался, но грамматику и диктовку ненавидел. Из поэтов любил больше всех Никитина и Кольцова, да это потому, что других совсем не встречал» (РГБ. Ф. 653. К. 47. Ед. хр. 14. Л. 5).

¹³ Филолог Матвей Никанорович Розанов (1858–1936). Его жена — Любовь Ивановна Розанова. Брат — знаменитый ученый и коллекционер Иван Никанорович Розанов (1874–1959). Об участии его в издании косвенным образом свидетельствует теплый инскрипт автора: «От благодарности раненого Григория Павловича Воинова Ивану Никаноровичу господину Розанову. 27 января 1915 г.» ([39, с. 146]). Явный интерес Иванова к безыскусной солдатской поэзии 1914–1915 гг. очевидным образом нуждается в филологической рефлексии, пример которой см.: [17, с. 10–11].

¹⁴ Телефон квартиры Н.М. и Л.И. Розановых по адресу «Новинский б-р, д. 103».

¹⁵ Василий Давидович Корганов (1865–1934) — пианист, историк музыки, коллекционер. См. о нем: [20, с. 202] (здесь он, впрочем, отчего-то назван Ввасилием (так!)). Имеется в виду письмо Дюма-отца к писателю Жозефу Мери (1798–1865) от 25 ноября 1858 г. Оно целиком напечатано в статье С.Н. Дурылина «Александр Дюма-отец и Россия» ([7, с. 551–553]). Публикация сопровождается примечанием: «Письмо Дюма к Мери печатается в русском переводе В.Д. Карганова <sic>, известного музыкального деятеля, недавно умершего, которому до 1923 г. принадлежал подлинник письма 5 1/2 страниц in quarto). Местонахождение этого подлинника в настоящее время неизвестно. Текст письма в переводе В.Д. Карганова и сделанные им примечания частично использованы в тексте нашей работы. Сообщены “Литературному Наследству” В.А. Мануйловым» ([7, с. 562]).

¹⁶ Эрну.

¹⁷ «В том числе» (фр.).

27

12 апреля 1915. Тифлис

Отсюда приходится уходить выручайте Юрий¹

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 31.

Телеграмма.

¹ Паническая телеграмма объяснена в следующем письме.

28

12 апреля 1915. Тифлис

Тифлис, ночь на 12.IV.915.

Долго не извещал я тебя, дорогой Вячеслав, о делах своих, а сегодня воззвал к тебе воплем по телеграфу. Дело в том, что мне теперь не только по-прежнему важно устроиться в Москве, но и не по-прежнему невозможно оставаться здесь, т. к. невозможные нынешние материальные условия предложены хозяйственным комитетом курсов и на будущий год. Если я их приму, то год будет не только тяжелее нынешнего, но и совершенно невыносим: 1) устроить своих в Петербурге, кое-как и очень дурно, я смог на одну зиму, а еще на год — не могу и не хочу; 2) Амбарданов — один из учредителей¹ — дал мне совет: или для добавочного заработка взяться здесь как следует за газетную работу, или — на этот год уехать, подыскав себе что-нибудь в Москве или в Пбге, — стало быть, если это и не прямой намек, то во всяком случае косвенное свидетельство того, что без моей кафедры считают возможным временно обойтись; 3) теперь я получаю понемногу, как прибавку, деньги, не выплаченные мне за лето (лето я прожил на чужой счет²), — а на будущий год и этой «прибавки» не будет; 4) если бы я и взялся за газетное писанье (можно ли на это рассчитывать?), — то единственное место — Кавказ-

ское Слово, а оно уж «на ладан дышит» и помимо того, я убедился, что ему глубоко не нужен. — И т. д., и т. д.

Словом — здесь оставаться мне немислимо. И даже лучше — так же плохо, но в Москве или Петербурге. На Петербург я рассчитывать не могу, хотя, конечно, и пишу туда обо всем об этом. Московские же мои дела ты знаешь. По крайней мере полагаю их тебе известными лучше моего. На Высших Женских Курсах — неудача; на курсах Полторацкой — неизвестность до осени, когда будет баллотировка; в университете Шанявского судьба моя еще должна решиться. О первых двух местах я получил известия от Сперанского и от Айхенвальда (которому в письме передал с опозданием твой привет); о третьем — пока не пишут мне ни слова³. На него — т. е. на Шанявского, теперь вся моя надежда и только отчасти на Полторацкую (Айхенвальд обнадеживает, думает, что на *minimum* могу рассчитывать) да еще — на Грузинского, т. е. на уроки в 8-м классе частной женской гимназии: он обещал меня вспомнить, ежели уроки откроются⁴. Я буду писать Михаилу Осиповичу и тебя прошу с ним о моих делах дружески потолковать⁵. Устройте меня у Шанявского! Агитируйте, чтобы в мою пользу была баллотировка у Полторацкой! Расположите ко мне Грузинского и все его гимназии! Напомните обо мне Сабашникову! Определите меня в какую-нибудь редакцию! Заставьте какое-нибудь издательство нанять меня! — Вот мои к вам вопли⁶.

Сабашников обещал мне написать о своем решении относительно переводов Боккаччо и пр. — и не пишет⁷. Не отвечает он и А.А. Веселовскому о книгах его отца, — а тот беспокоится и сообщает мне о предложениях другой фирмы и о своем недоумении⁸.

Касательно тифлиских дел моих и всего здешнего житья мне до сих пор — до последнего события, с коего начал письмо — нечего было сообщить тебе. Тянулась все та же серая нитка, все ту же натягиваясь. Дело идет кое-как и еле-еле. Как вообще, так и в частности на курсах. Здесь все дела ползут вяло. Что до лекций моих, то сколько-нибудь слушали мой курс римской литературы, которого мне и читать-то не следовало: ты можешь себе представить, что у меня выходит. Но теперь и это

слушают еле-еле, как и все. Что-нибудь мог бы я дать (по крайней мере, хотел бы) в курсе по французской литературе, а слушают его — две девицы, да к тому же дуры несносные и невежественные. Единственное утешение — семинарий или кружок по Боратынскому — неофициально, 3–4 слушательницы. Я тебе о нем говорил. Но утешение слабое, тем более, что выходит не то, что хочу. Вот и все. А помимо курсов — хоть шаром покати. Никого. И почти — ничего. Скука и хандра. Хандра такая, какая и на меня редко находит. И злоба. Злоба беспредметная и злоба на людей, которых видишь каждый день и которым до тебя дела нет. На тупость и самодовольство их. А сам тоже тупеешь. Самодовольства же, право, не много. Наоборот. Совсем наоборот. Еще хоть несколько стихшков написал — и то радовался. Да всего-то, в сущности, два номера — и то не знаю, годятся ли. Ждал все от тебя второго издания Сáфы⁹. Не пришло ли чего? Хотя бы две строчки стихотворных. Я почему-то надеялся еще писать. Не знаю как теперь. Ты бы меня подбодрил — и стихами, и прозой, чем хочешь. — Да, а что о книжке моей? Я тебе писал новый план. Переписал еще несколько пьес, какие, м. б., можно прибавить. Собираюсь прислать тебе. И о книжке Сабашников обещал мне ответить — и ни гу-гу¹⁰. Благополучен ли он? — Обнимаю тебя. Кланяюсь Вере Константиновне, Марии Михайловне и всем твоим. — Твой Юрий.

<Приписка на полях:> Да оно так и есть, знаю, что это «обще» (лучше писать некогда).

РГБ. Ф. 109. К. 14. Ед. хр. 51. Л. 32–34 об.

Конверт. П.ш.: Тифлис (14.4.15), Москва (19.4.15).

¹ Соломон Михайлович Амбарданов (ок. 1878 – после 1925), соучредитель и председатель хозяйственного комитета Курсов. Год его рождения, хотя и примерно, устанавливается благодаря экзотическому справочнику, где он записан как: «Амбарданов, Соломон Михайлович. 47 л. Тифлис, Саперная 22» [26, с. 7].

² Вычеркнуто: «в долг, как тебе известно, — и не расплачиваюсь».

³ См. прим. 4 к п. 26.

⁴ Филолог Александр Евгеньевич Грузинский (1858–1930), преподававший среди прочего в частной женской гимназии Е.Е. Констан. Этот план устройства Верховского успехом также не увенчался. См., кстати, реплику М.О. Гершензона ниже, в примечаниях к этому же письму.

⁵ Верховский писал Гершензону в этот же день, 12 апреля: «Теперь я начну с делового, т. е. с моих злосчастных обстоятельств тифлисско-московских. В Москве — Вы, верно, осведомлены — на Высш<их> Ж<енских> Курсах я потерпел неудачу (в этом году новых преподавателей вовсе не приглашают); на курсах Полторацкой моя кандидатура была поставлена, но выборы могут состояться только осенью; в университете Шанявского дело решится, вероятно, на днях: пока я не получаю никаких известий. — Между тем, здесь, в Тифлисе, все идет хуже и хуже — т. е. в отношении лично моих дел. Курсы недавно получили вожаемые права, но это не поправило их финансов. На днях составлена смета на будущий год — и настолько плачевная, что при всевозможных натяжках не обнимает всех действительно необходимых расходов — и едва ли не слабее прошлогодней. В результате — лекторам предложено вновь пойти навстречу курсам, как и в прошлом году. Для меня это невозможно фактически, тем более, что это означает даже не те же условия, а гораздо худшие: в этом году мне выплачивают летний долг; в этом году удалось устроить своих в Петербурге хоть сколько-нибудь сносно; сам я в Тифлисе на нынешнюю зиму смог устроиться исключительно дешево, а на будущий год этих случайных условий не будет; ничтожного постороннего заработка в газете — и того, вероятно, на будущий год не будет — и т. д., и т. д.» (РГБ. Ф. 746. К. 30. Ед. хр. 15. Л. 12–13 об.).

⁶ 25 апреля 1912 г. Гершензон писал Верховскому: «Получил Ваше письмо, милый Юрий Никандрович, но уже раньше знал о Вашей телеграмме и письме к Вяч. И. Мы тут много огорчились Вашими делами. Когда-нибудь расскажу Вам подробно. Коротко скажу теперь: и М.Н. Спер<анский>, и А.Н. Весел<овский> действовали как очень расположенные к Вам люди, и теперь сами очень огорчены неудачей, а для Спер<анского> эта неудача уже личный конфуз, удар по самолюбию. Но виноват именно он, и фатально: он принес заявление о Вас прямо на французское заседание, забыв (ведь вот рок) предварительно доложить его в секции, — даже не пришел на соответствующее заседание секции! Это мне рассказал уж А.Н. Весел<овский>».

Мы с Вяч. И. решили, что теперь надо искать Вам уроков в средних учебн<ых> зав<едениях>. Я настоятельно просил об этом и М.Н. Спер<анского>, и всех моих знакомых учителей словесности. Они

серьезно обещали. Говорил даже с Грузинским, — но он ответил, что ничего не может сделать (а мог бы); этот дяк, в приказах поседель, видно не желает Вас иметь в Москве, именно ради Женск<их> курсов — в будущем; потому что, поселившись здесь, Вы конечно попадете туда, не теперь, так в будущем году, — и это ему убыток. Будь Вы теперь здесь, — именно сейчас, — Вы устроились бы в гимназиях; а когда говоришь о человеке отсутствующем, которого приглашающий не знает и не видит пред собою, — дело плохо» (РГБ. Ф. 218. К. 1262. Ед. хр. 10. Л. 4–4 об.; упомянутый А.Н. Веселовский — Алексей Николаевич (1843–1918). Цитата из «Бориса Годунова» очевидна). Объединенные усилия принесли свои плоды: в 1915–1916 гг. Верховский преподавал русскую литературу в Мариинском Училище и женской гимназии в Москве и читал лекции в Народном Университете им. Шанявского (см. составленную им биографическую хронику: РГБ. Ф. 697. К. 3. Ед. хр. 36. Л. 23). Возможно, решающую роль сыграла здесь и протекция А.А. Шахматова — 7 декабря 1915 г. А.П. Верховская писала ему: «Приходила я затем, чтобы поблагодарить Вас и рассказать Вам о нашем положении. Осенью было критическое положение, но теперь несколько улучшилось. Юрий Никандрович получил уроки в женской частной гимназии и получает 75 руб. в месяц и так будет получать до лета. Я тоже зарабатываю теперь уроками 50 руб. в месяц. Мы надеемся, что как-нибудь продержимся эту зиму, а летом, конечно, будет трудно» (СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 259. Л. 3 об.).

⁷ См. прим. 1 к п. 26. О переводах Боккаччо см. прим. 8 к п. 32.

⁸ Библиограф и филолог Александр Александрович Веселовский (1880–1936). 20 сентября 1912 г. он писал М.В. Сабашникову: «По совету гр. Ф.Г. де ла Барт решаюсь обратиться к Вам с предложением: не согласитесь ли Вы купить у меня право на издание сочинения покойного отца моего, акад. А.Н. Веселовского, “Вилла Альберти”, второе издание которого вошло в собрание сочинений его, издававшееся Академией Наук, и совершенно разошлось» (РГБ. Ф. 261. К. 3. Ед. хр. 18. Л. 1). Сабашников, очевидно, отказавшись от этого предложения (ответных писем мы не знаем), запросил его о судьбе выполненного А.Н. Веселовским перевода «Декамерона»; тот отвечал: «К сожалению, не могу Вам предложить издание перевода “Декамерона”, т. к. я уже вошел в соглашение относительно него с книгоизд<ательством> “Мир”. Если Вы все-таки надумаете издавать “Вилла Альберта”, а условия мои Вам неподходящи, напишите Ваши, — может быть, удастся прийти к соглашению» (письмо от 6 ноября 1912 г. // Там же. Л. 4). Переписка, касающаяся этих двух сюжетов, продолжалась до 1915 г., но никакими издани-

ями под маркой Сабашниковых не увенчалась. Может быть, впрочем, речь шла о манускрипте, о котором 1 октября 1916 г. Верховский писал М.Я. Лукину, сотруднику издательства: «Проездом через Москву я виделся с М.О. Гершензоном, и он сообщил мне, что Михаил Васильевич не находит возможным издавать теперь трактат Джордано Бруно (“О причине, начале и едином”) со статьей А.Н. Веселовского и в переводе Анны Ал. Веселовской. Я хотел бы побывать у Вас в издательстве, но никак не мог уже успеть это сделать» (РГБ. Ф. 261. К. 3. Ед. хр. 14. Л. 1).

⁹ Первое издание переводов Иванова из Алкея и Сафо вышло в 1914 г. [27]. Второе — дополненное — вероятно, в 1915-м (с ним связан не до конца ясный книговедческий казус, изложение которого — дело будущего). В архиве издательства сохранились следы подготовки третьего: среди прочего выправленный наборный экземпляр (РГБ. Ф. 261. К. 10. Ед. хр. 4, см. также: Ед. хр. 5). Проект этот не осуществился. Подробности см. в современном издании: [28].

¹⁰ См. прим. 1 к п. 15.

29

26 июля / 8 августа 1915. Уусикирка

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Пускай мое ленивое перо,
Едва бродя по белизне страницы,
Твердит о том, что уж давно старо,
Бывалые разводит небылицы.

Иным не взять у них живой водицы,
Но для певца — всё благо, всё добро;
Меня влекут истлевшие царицы,
Владычицы Ронсара и Маро¹.

Весны приход, любовные тревоги
В их простоте, как повелели боги,
Они поют. И мой таков же вкус.

Я ль виноват, что изо всяких штилей
Без лишних слов и тягостных усилий
Лишь средний мне пожалован от муз?

Ю.В.

РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 23. Л. 4.

На одном листе со стихотворением «Я не люблю стихов, что
льнут к земле сами...» (напечатано: Русская мысль. 1916. № 10.
С. 115).

Конверт. П.ш.: Усукирко (8.7.1915); Москва (26.6.1915). Веро-
ятно, письмо было опущено в почтовый вагон и прибыло в Мо-
скву тем же днем (Финляндия жила по новому стилю).

¹ Верховский подразумевает роднящую черту в биографиях Пье-
ра де Ронсара и Клемана Маро — пребывание их при европейских дво-
рах (Ронсар подвизался при дворе Марии Стюарт, Маро состоял при
Маргарите Наваррской). Переводы Верховского из Маро напечатаны:
[101, с. 567–568].

30

18 июля 1916. Козлова Засака Тульского уезда Тульской губ.

Благословляю вас, дни тишины и света.
Мучительный вопрос не здесь ли ждет ответа?

Ю.В.

Козлова Засака
ночь 17–18.VII. 916

РГБ. Ф. 218. К. 141. Ед. хр. 5.

Начертано на отдельном оттиске стихотворения Верховско-
го «Ястреб» (Русская мысль. 1916. № 6. С. 1–4). Перед текстом:
«Вячеславу милому Юрий Верховский».

31

10 июля 1920. Петроград

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Друг мой, некогда мы упредили крылатою рифмой
Рифму живую с тобой — рифму лобзания друзей¹.
Позже мы часто делились мгновеньями звучных наитий,
Прямо устами к устам голос могли подавать.
Так. И все же глубоко отрадна сердечная память:
Некогда те же листы строки твои и мои
Отпечатали впервые². Тому годовщины двадцатой
Срок я заветный почтил; только — увы — без тебя.
Муза в то время молчала и, грустная, долго не смела
Очи с земли отвести, слез не роняя, она.
Ныне и слезной кручине напевы она обретаёт,
Слабой дрожащей рукой слабого друга ведя:
Многое нашей судьбине в годину великого гнева
Падает также на часть бодростью мышц одолеть.
Часто стоим мы на грани таинственной бездны, зажмурясь,
Или, вперяясь во мрак, внемлем падения гул.
Не удивляйся же ты, что дневник мой лирический ныне
Грустен: я давней любви память вручаю тебе.
Ныне, в годину, когда мы живем *Sub specie mortis*³:
Смертная ль память минет дара заветного, друг?

Ночь. 27.VI/10.VII.920.

Юрий Верховский.

Римский архив Иванова. Оп. 5. К. 2. Ед. хр. 3. Напечатано:
[23, с. 225].

¹ Намек на строки из первого обращенного к Верховскому стихотворения Иванова: «Почтовой рифмой упрежду / Живую рифму поцелуя».

² Верховский видит провиденциальный смысл в том, что и его и Иванова дебют состоялся в одном и том же журнале «Вестник Евро-

пы» в смежные годы: он напечатал три стихотворения в ноябрьском номере за 1899 г., а Иванов — единственное в сентябрьском за 1898-й.

³ С точки зрения смерти (лат.).

32

21 октября 1923. Петроград

8/21.IX. 923.

Петербург.

Кажется, в свое время я не переслал тебе этих стихов, дорогой Вячеслав. Они тебе посвящаются, потому что когда-то, давно, давно, когда я изобразил невскую русалку в духе не то Беклина, не то Маковского, ты заговорил о ней совсем иначе¹, а после я слишком много раз чувствовал Неву совсем по-другому — да, верно, и раньше отчасти.

Пишу мой стих, сидя у Скалдина, чтобы вместе с ним воспользоваться оказией². Свиделись мы только на днях после многих лет. Когда-то свидимся с тобой? Сил нет сказать, как этого хочу. Думал не раз о Баку и был бы один, так не думая решил бы, а так не могу: слишком осложнил свою жизнь (которая и сама по себе осложнилась) и связал себя. В житейском и деловом смысле я писал тебе. Может быть, не дошло. Если не говорил, скажи, пожалуйста, при случае в факультете о моих сожалениях и благодарности. Кланяйся дружески Серёже Давиденкову³. Ректорствует ли он до сих пор или бросил, как собирался?

Спасибо тебе за несколько строк — с З.Н. Шпитальниковой⁴. Она очень мила. Прозы ее пока не читал, хотя виделся с ней дважды: не принесла⁵. Она, конечно, здесь устроится, одна голова не бедна. Её со всеми романистами познакомлю, а помимо университетских — М. Лозинский⁶ и пр. А я-то из университета изгнан официально⁷. Перевожу Бокаччо *Ninfale Fiesolano*⁸. Сам стихи писал с весны, против обыкновения, а осень пока октавы заслоняют. Да и не одни октавы. Живу неважно во многих отношениях. Устал очень. Ты не знаешь, как ты оживил бы, а не разбудил меня. Не сплю, правда, но — именно вроде бессонницы моё самочувствие.

И говорить хотел бы не о себе, а о тебе и твоих. Но могу только спрашивать. Скажи, скажи, что же ты, и Лидия, и Дима? Им привет от сердца. О себе самом же обронил последние слова письма — о стихах. Я за них извиняюсь или в них вцепляюсь, и они одни ободряют меня. Это уже не почти — ведь так?

«Душа стесняется лирическим волнением,
Минутами...»⁹

Если бы только так, тогда всё хорошо. Не дай мне долго болеть — напиши, пришли <?>.

Обнимаю тебя крепко

Твой Юрий.

<Приписка:> Скалдину я радуюсь. Повесть его меня заворожала <?>, в поэме еще не вполне разобрался, в стихах много нового¹⁰. Послание к тебе, прослушанное после двух ночей чтения и разговоров, наполнилось многим¹¹. Прозы — романы — ещё не читает. Судя по чертежам, мудрено. Ты не отвечаешь мне на деловое, что я тебе писал, да и на прочее. Не стал ли бы ты переводить Платона? «Academia» очень этого хочет¹². Главное, однако <?> было разобрано давно. Вышедшее переведено из рук вон плохо: Жебелёв¹³. Ниже критики. Много, верно, можно и взять, и пере... взять в твои руки. Необходимо тебе войти в сношения. И о книгах учёных, и о статьях, и — о стихах. В последнем пункте колеблются сейчас — вообще. Но ты бы, думаю, сдвинул. Адрес: Александр Ал-дрович Кроленко. Литейный, 40. «Academia»¹⁴. Я — твой комиссионер <?>.

НЕВСКИЕ РУСАЛКИ

Вячеславу Иванову

Когда-то юною и ласковой нядой
Русалка нельская, поднявшись над волной,
Мой ранний робкий пыл нежданной наградой
Пленила, так мила под майскою луной.

Года прошли — и вот, полночью осенней,
В туманном мареве, в бессильном полусне,
В болезненной игре зеленоватых теней
Русалок хмурый сонм явился ясно мне.

О, напряженные, страдальческие лица!
Вон клоч полуседой к худой груди прилип.
И рвётся эта грудь в какой-то звук излиться,
И ищут руки струн. Но слышен только хрип.

И ныне страшно мне: вот только лёд застынет
Корою тонкою под первым снегом, вдруг —
Вдруг чёрная вода прорвется, и нахлынет —
И трупы поплывут утопленниц-старух.

Юрий Верховский

20.X/ 3.XI.922. Ночь.
Петербург.

Римский архив Иванова. Оп. 5. К. 2. Ед. хр. 3. Ответ на письмо Иванова от 5 августа 1923 г., переданное ему с З.В. Шпитальниковой (см.: [73, с. 359–360] (публ. А.В. Лаврова)).

¹ Другого стихотворения Верховского о невских русалках мы не знаем. Русалки и Арнольда Беклина и Константина Егоровича Маковского принадлежат к общеизвестным образцам живописи и поэтому в комментариях вряд ли нуждаются.

² Алексей Дмитриевич Скалдин (1889–1943). Какая была в эти дни оказия из Петербурга в Баку, мы не знаем. Занятно, что письмо Скалдина, которое явно было отправлено одновременно с этим, в ивановском архиве не сохранилось.

³ Сергей Николаевич Давиденков (1880–1961) — врач, ученый, младший брат упоминавшегося выше Н.Н. Давиденкова. В 1923 г. был ректором Бакинского университета, в котором работал Иванов.

⁴ Письмо Иванова от 5 августа 1923 г. начинается: «Прошу тебя приветить и поддержать советами одну из моих даровитых слушательниц, Шпитальникову, Зинаиду Владимировну. В Петербурге она будет, про-

должая университетский курс, заниматься историей западных литератур и историей искусства. У нее есть литературные опыты в прозе; она еще не определилась, но работать хочет и может. Близка с Алконостом (по родству)» [73, с. 359]. (*Близка к Алконосту*. — Подразумевается, что она состояла в родстве с С.М. Алянским, основателем и владельцем издательства «Алконост», но степень этого родства нам неизвестна). Зинаида Владимировна Шпитальникова (1901/1902–?) в ленинградских адресных книгах значится с титулом «преподаватель». В 1930-е гг. переводила А. Франса (в соавторстве с Н. Рыковой) и Л. Пиранделло (в соавторстве с Г.В. Рубцовой). Не она ли «консультант по литературе тов. Шпитальникова», проводившая в 1937 г. беседы с читателями в районной ленинградской библиотеке во время выставки «Жизнь и творчество А.С. Пушкина» [53, с. 58–59]?

⁵ Собственные беллетристические опыты Шпитальниковой нам неизвестны.

⁶ Поэт и переводчик Михаил Леонидович Лозинский (1886–1955). Романисты — здесь, вероятно, в значении «специалисты по романским языкам».

⁷ В автобиографии 1924 г. Верховский писал:

Состоит научным сотрудником Исследовательского Института при Университете и Института Истории Искусств.

Без определенной работы — с начала осени 1923 (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 69. Л. 3 об.).

⁸ Первоначально «Фьезоланские нимфы» переводились для издательства Сабашниковых. В процитированном выше письме Верховского к М.В. Сабашникову от 25 января 1915 г. писалось: «Не посетуйте на меня за невольное промедление. Мне хотелось составить возможно более обстоятельный план предполагаемых изданий сборника старых французских лириков и поэм Боккаччо. Между тем работа очень затруднена почти полной невозможностью достать некоторые книги. Популярное издание итальянских поэм Боккаччо, на которое я рассчитывал, оказалось невозможным сейчас приобрести и в Москве, и в Петрограде. Старое издание достал только на днях в библиотеке романо-германского семинара в университете, и то не все. <...> Относительно поэм Боккаччо дело мне представляется в таком виде. Первый период его деятельности — представлен несамостоятельной поэмой Филострато. Второй — “иносказанием в формах пасторали” (по Веселовскому) — Амето и Любовным видением, своего рода “божественной комедией” — то и другое в строфах дантовской терцины. Третий период — “выход к свободному творчеству” — попытки классического

эпоса Тезеида и идиллия Нимфы Фьезоле — “поэтическое сплочение античного и средневекового” — то и другое в форме октавы.

Оставив пока в стороне первый период, я считал бы желательным перевод обеих вещей второго, а если выбросить из них одну, то остановился бы, м. б., на Любовном Видении. Впрочем, колеблюсь, т. к. Амето как раз мне не удалось сейчас достать и возобновить в памяти.

Из третьего периода Тезеида важна исторически, но художественно несколько растянута и тяжела — загромождена воспоминаниями античности, мифологией, перечнями имен и т. п. Не знаю, можно ли было бы решиться на сокращения и — с другой стороны — не был ли бы тяжел перевод без сокращений, тем более, что поэма обнимает более трех тысяч октав. — Я остановился бы на прекрасной идиллии Нимфы Фьезоле.

Таким образом, в отношении Боккаччо мой план мог бы быть сведен к переводу Нимф Фьезоле и Любовного Видения» (РГБ. Ф. 261. К. 30. Ед. хр. 15. Л. 1–2). Перевод, вероятно, был готов к середине 1920-х гг. По крайней мере, в письме к И.А. Новикову от 2/15 ноября 1925 г. Верховский в перечислении череды неудач упоминает и: «Другой мой ресурс — перевод бокаччевской поэмы — постараюсь использовать почти без надежды» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 566. Л. 1 об.). В 1926 г., напутствуя М.А. Цявловского, Верховский просил: «Собираюсь писать Егору <Г.И. Чулкову>, не знаю, когда соберусь. При свидании скажите ему, пожалуйста: не будет ли он в “Круте”? Не спросит ли Тихонова о судьбе моего перевода Бокаччевских Нимф? Не напишет ли мне?» (письмо от 20 октября 1926 г. // РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 2 об.). Перевод был издан лишь в 1934 г.

⁹ Первая строка — цитата из стихотворения Пушкина «Осень» («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...»).

¹⁰ Из-за утраты основной части архива Скалдина нам не очень просто идентифицировать тексты, читанные им при этой встрече. Много лет спустя А.П. Остроумова-Лебедева припоминала в письме к Верховскому:

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: не можете ли Вы сообщить мне некоторые сведения о писателе Скалдине?

Когда-то давно у Верховских <sic>, в Вашем присутствии он читал отрывки из своего нового романа, сцены которого происходили на острове Ява.

Содержание его романа тогда меня очень заинтересовало и вспоминая старые годы, хочу в своих воспоминаниях в III томе упомянуть об этом.

Но беда в том, что я забыла правильное название его романа. Приблизительно оно звучало так: «Земля Каанам». Вот название этого романа я очень прошу Вас уточнить, а кроме того не можете ли Вы мне сообщить его имя и отчество и дальнейшую его судьбу (письмо от 1 октября 1946 г. // РГБ. Ф. 218. К. 1262. Ед. хр. 13. Л. 9–10).

При этом, конечно, у нас нет никакой уверенности, что речь идет именно об этом чтении. Сам Скалдин писал Иванову 1 декабря 1924 г. после следующей, уже московской встречи с Верховским: «Был на днях в Москве, читал Гершензонам и Верховскому свою новую прозу: “Рассказ о Господине Просто”, “Зоологический Лев”, читал стихи. Хвалить за доброту хвалили, но больше ругали за бездушные. Никак не мог взять в толк, в чем тут дело. Верховский, впрочем, больше молчал или говорил о себе: “Я, мол, такой, не могу этого понять”» [94, с. 128]. В анкете 1929 г. он перечисляет свои неопубликованные тексты: «Романы “Деревенская жизнь”, “Невероятная жизнь”, “Вечера у Мастера Ха”, ряд повестей и рассказов» [93, с. 422].

¹¹ Вероятно, речь идет о большом стихотворном цикле Скалдина, посвященном Иванову и датированном 9–12 июня 1923 г. [94, с. 120–126].

¹² Из запланированных пятнадцати томов «Полного собрания творений» Платона под маркой «Academia» вышло шесть: сперва (с 1922-м г. на титульном листе) вышел пятый, следом первый, тринадцатый и четырнадцатый (все — 1923 г.). См. об этом издании: [21, с. 299–301].

¹³ Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) — филолог-классик.

¹⁴ Подробно о положении в издательстве «Academia» Верховский писал Г.И. Чулкову 3 апреля 1923 г.: «Издательство Academia начинает издавать художественную литературу, т. е. беллетристическую прозу и стихи. Пока — небольшими книжками в 3–4–5 листов. Я отчасти связался с этим делом. Издатель, формально — председатель некоей коллегии, состав которой смутен и мне пока даже неизвестен, просил меня снестись с Вами и предложить Вам сотрудничество, ему лично дорогое. Не по<д>берете ли Вы книгу рассказов немедленно? Она могла бы пойти в первую очередь. Чтобы начать серию, издательству нужно книг пять. Состав серии предполагается разнообразный. На 4–5 книг прозы — одна книга стихов. Не исключаются и книжки сборные, нескольких авторов, маленькие альманахи. Была речь и о большом, литературном и историко-литературном (статьи и материалы); это пока откладывается, но не отменяется» (РГБ. Ф. 371. К. 2. Ед. хр. 70. Л. 7). Александр Александрович Кроленко (1889–1970) — книговед, директор издательства «Academia».

33

Март 1924. Петроград

Мне телеграфного ответа не прислав,
Ты друга истомил, мой милый Вячеслав¹.
Хоть благодетель ты, иначе — Бонифаций²,
Бояться начал я прямых мистификаций,
Какие — неужель — предательно таит
Узывчивая речь прелестных Зинаид³?
Какой, какой борьбе — когда б ты только ведал, —
Твой зов издалека меня всецело предал!
Мой дух колеблемый, томясь меж трёх дорог,
Судьбу впотьмах искал — и робость превозмог:
Навстречу дружному уловленному звуку,
Глухому, смурному, простёр я твёрдо руку —
И уронил её... Я обманулся? Нет?
Иль мне почудилось? И тот живой привет
В моей ночи глухой неслышен и неведом,
Безвольно созданный моим пугливым бредом?
Ужели мать-ночь уж больше не со мной
И лишь насмешливо ослаблен мир дневной,
Что по-чиновничьи — и кратко, и речисто —
Велит теперь пенять — хоть на телеграфиста?
Так все терзания презренные мои —
И ласковых надежд воздушные рои,
И нищенской тоски неистовые крики
На трезвом свете дня беспомощны и дики;
Решимость бодрая нимало не сулит
Иным увидеть мир насилий и обид...
И даже не слышать мне речи мусикийской
В ответ на клич души — на стих александрийский?

Юрий Верховский

Петербург
III.924.

Римский архив Иванова. Оп. 5. К. 2. Ед. хр. 3. Впервые напечатано: [23, с. 226].

¹ Послание, на которое ждал ответа Верховский (и которое, судя по этому тексту, было исполнено александрийским стихом), нам неизвестно.

² Вероятно, Верховский возводит имя Бонифаций к латинским корням «хороший» и «делать».

³ Единственная Зинаида, находящаяся в этот момент в близком окружении Иванова, — З.В. Шпитальникова (см. прим. 4 к п. 32).

**Список взаимных стихотворных посвящений,
оставшихся за пределами публикации**

Верховский — Иванову

Цикл «Гимны» [48, с. 35–40].

Раздел «Сонеты» [48, с. 71–110].

«Дафнис» («Как пышно зелены, как радостно цветущи...») [49, с. 65].

«В часы истомы творческого духа...». — Акростих. Текст неизвестен. Три первые строки взяты эпиграфом к ответному акростиху Иванова «*Consolatio ad sodalem*» («*Юродствовать перед суемудрым светом...*»).

Цикл «Весенние элегии». — 6 апреля – 15 июля 1920. — Римский архив Иванова. Оп. 5. К. 2. Ед. хр. 3. Напечатано: [23, с. 220–225].

Иванов — Верховскому

Выздоровление («*Верховский! Знал ли я, что ты...*») [69, т. 1, с. 148–149]. Автограф с датой 20 марта 1907 г.: РГБ. Ф. 109. К. 2. Ед. хр. 51. Л. 1.

«*Consolatio ad sodalem*» («*Юродствовать перед суемудрым светом...*») [69, т. 1, с. 149–150] (акростих). Ответ на стихотворение Верховского «В часы истомы творческого духа...».

Послание на Кавказ («*Ты белый стих в обычай ввел отныне...*») [66, с. 104–108]. Ответ на письмо № 14. По поводу этого стихотворения Иванов позже говорил: «Когда я долго не видался с Ю.Н. Верховским и, наконец, сажился писать ему письмо, то, чтобы сразу ввести его в круг моей жизни, описывал с утра до ночи последний день» [82, с. 22].

«Свидание» («*Не верь поэту! В октябре...*») [66, с. 101]. Хотя по содержанию и можно предположить связь текста с биографией Верховского («Еще роскошного Кавказа / Услышим новые хвалы...») и пр., у нас есть безусловное свидетельство об адресате этого

текста из автокомментариев к сборнику, записанных М.С. Альтманом: «“Свидание” посвящено Юрию Верховскому» [29, с. 74].

Юрию Верховскому («Милый, довольно двух слов от тебя, чтоб опять содрогнулся...»). — Рим 22 февраля / 7 марта 1913. Напечатано: [68, т. IV, с. 11–12]. Автографы: Римский архив Иванова. Оп. 1. К. 5. Тетр. 1. Л. 2–3 (список рукой М.М. Замятниной); РГБ. Ф. 109. К. 3. Ед. хр. 16. Ответ на письмо № 17.

Письмо из черноземной деревни («Я для раздолий черноземных...»). — Впервые: Альманах Гриф. 1903–1913. М., 1914. С. 74–75. Автограф с датой «25 августа 1913 г.»: РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 304. Л. 15.

«Другу поэту» («Молчал я, брат мой, долго; и теперь...»). — Впервые: Аполлон. 1914. № 10. С. 9. По автографу напечатано: [68, т. IV, с. 24] (без заглавия; с датой «19 ноября <1914>»). Автографы: ИРЛИ. Ф. 607. № 118. Л. 108 об.; Римский архив Иванова. Оп. 1. Картон 1. Папка 3. Л. 43; Там же. Оп. 1. К. 5. Тетр. 7. Л. 4. Ответ на письмо № 24.

«Помнишь ли, как небо было звездно?..» [68, т. IV, с. 39] (по автографу; с датой «26 мая <1915>»).

«Новодевичий монастырь» («Мечты ли власть иль тайный строй сердечный...»). — Впервые: Утро России. 1916. № 104. 4 апреля. С. 5 (под заглавием «Посещение могилы Скрябина в Новодевичьем монастыре»; без посвящения). Перепечатано: Музыка. 1916. № 254. 16 апреля. С. 244 (заглавие то же; без посвящения); Современные записки. № LXV. 1937. С. 164 (здесь впервые появляется заглавие «Новодевичий монастырь» и посвящение Верховскому); Oxford Slavonic papers. V. 5. 1954. P. 63; [67, с. 93–94] (в примечаниях сказано: «Написан сонет в Москве, в 1915 г.»: Там же. С. 203). Автограф (без даты, без заглавия, без посвящений; с разночтениями): РГБ. Ф. 109. К. 2. Ед. хр. 64. Л. 1. Другие автографы: Римский архив Иванова. Оп. 1. К. 1. Папка 4. Л. 68, 69; Там же. Оп. 1. К. 1. Папка 7. Л. 164; Там же. Оп. 1. К. 5. Тетр. 2. Л. 11.

«В римской лачуге моей, за стаканом *marino-asciutto*...». — 10 июля 1926 г. [64, с. 35].

«Ты жив ли, друг? Зачем во сне...» («Римский дневник 1944 года», 8 мая). — Впервые: [67, с. 141]. Автографы: Римский ар-

хив Иванова. Оп. 1. К. 2. Папка 4. Л. 156, 157; Там же. Оп. 1. К. 6. Папка 8. Л. 228.

Список литературы

Исследования

1. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2009. 284 с.
2. *Богомолов Н.* К литературной истории 1910 года // *L'anno 1910 in Russia* / a cura di Duccio Colombo e Caterina Graziadei. Salerno: Vereja Edizioni Salerno, 2012. Р. 51–62.
3. *Бугров Ю.А.* К уединенному долгу. Жизнь и творчество поэта Валериана Бородаевского. Курск: Курский гос. ун-т, 2006. 97 с.
4. Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2 / отв. ред. Н.Ю. Грякалова, А.Б. Шишкин. СПб.: РХГА, 2016. 509 с.
5. *Гаспаров М.Л.* Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 89–105.
6. *Глухова Е.В.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: к истории взаимоотношений // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 493–532.
7. *Дурылин С.Н.* Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Русская культура и Франция. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 31–32. Кн. II. С. 491–562.
8. *Звонова С.А.* Творчество Ю.Н. Верховского в историко-культурном контексте первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 225 с.
9. *Корчагин К.М.* Цезура в русском стихе XVIII — первой четверти XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 267 с.
10. *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1968. Вып. 209: Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. С. 326–339.
11. *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эсхил.* Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989. С. 497–522.
12. *Лавров А.В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура.

- Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 194–204.
13. *Лавров А.В.* Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 761 с.
 14. *Обатнин Г.В.* Еще раз о «помнить» и «вспомнить» у Вячеслава Иванова // *Окно из Европы: к 80-летию Ж. Нива* / сост. А.Е. Парнис, Г.В. Нефедьев, В.А. Скуратовский. М.: Три квадрата, 2017. 847 с.
 15. *Обатнин Г.В.* Еще раз о поэтическом отклике Вяч. Иванова на империалистическую войну (в печати).
 16. *Обатнин Г.В.* Из архивных разысканий о Вяч. Иванове // *Русская литература*. 2014. № 2. С. 264–281.
 17. *Обатнин Г.* «Исправленное и дополненное». Статьи о русской литературе. Хельсинки: University of Helsinki, 2022. 431 с.
 18. *Обатнин Г.В.* Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним // *Россия и Запад*. Сб. статей в честь 70-летия К.М. Азадовского / сост.: М. Безродный, Н. Богомолов, А. Лавров. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 345–402.
 19. *Обатнин Г.* Материалы к учению о рифме в башенной Академии стиха // *Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel* / ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitsky. [Berlin:] Peter Lang, 2020. P. 333–366.
 20. *Раку М.* Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 717 с.
 21. *Синельникова Е.Ф., Соболев В.С.* Петроградское философское общество и издательство «Academia» // *Вестник архивиста*. 2020. № 1. С. 293–305.
 22. *Соболев А.* Летейская библиотека. Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: в 2 т. М.: Труть, 2013. Т. II. 440 с.
 23. *Шишкин А.* Вяч. Иванов и сонет серебряного века // *Europa Orientalis*. 1999. Vol. XVIII, № 2. С. 221–270.
 24. *Шишкин А.Б.* Материалы к теме «Вяч. Иванов и пушкиноведение» // *Вячеслав Иванов. Исследования и материалы*. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 780–807.

Источники

25. - *С. Чествование К.Д. Бальмонта* // *Биржевые ведомости*. 1912. № 12832. 12 марта. Утр. вып. С. 4.

26. Адресная книжка коллекционеров денежных знаков и бон, выпущенных на территории бывшей Российской Империи / сост. А.М. Иольсон. М.: Уполномоченный по филателии и бонам в СССР, 1925. 37 с.
27. *Аллей и Сафо*. Собр. песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914. 222 с. [некоторые экземпляры под тем же титулом имеют 255 с.]
28. *Аллей и Сафо*. Собр. песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинника Вячеслава Иванова / науч. ред., сост., вступ. ст. и текстология К.Ю. Лаппо-Данилевского; коммент. С.А. Завьялова. 3-е изд., перераб. СПб.: Изд-во имени Н.И. Новикова, 2019. 396 с.
29. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подгот. В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; ст. и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 366 с.
30. *Андрей Белый. Эмилий Метнер*. Переписка. 1902–1915: в 2 т. Т. 2: 1910–1915 / публ. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 727 с.
31. [Б. а.] Беседа с поэтом // Русское слово. 1913. № 104. 7 мая. С. 6.
32. [Б. а.] В мире литературы и искусства // Современное слово. 1912. № 1495. 5 марта. С. 3–4.
33. [Б. а.] Дело К.Д. Бальмонта // Вечернее время. 1913. № 520. 31 июля. С. 2.
34. [Б. а.] Литературная летопись // Речь. 1912. № 63. 5 марта. С. 5.
35. [Б. а.] Юбилей К.Д. Бальмонта // Исторический вестник. 1912. № 4. С. 337–338.
36. *Байрон*. <Сочинения>: [в 3 т.]. / под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1904. Т. 1–3. (Библиотека великих писателей)
37. *Бальмонт К.Д.* Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. Л.: Сов. писатель, 1969. 709 с.
38. Библиография К.Д. Бальмонт: в 4 т. / сост. С.Н. Тяпков, А.Ю. Романов, О.В. Епишева; отв. ред. С.Н. Тяпков. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2007. Т. 2: Произведения о поэте и его творчестве, изданные на русском языке в России, СССР и Российской Федерации (1893–2007 гг.). 488 с.
39. Библиотека русской поэзии И.Н. Розанова: библиографическое описание / сост. В.В. Гольдберг, М.И. Кострова, К.А. Марцишевская. М.: Книга, 1975. 480 с.
40. *Благовидов Ф.В.* Отчеты о состоянии Тифлиских Высших Женских курсов за 1913–1914 и 1914–1915 учебные годы. Тифлис, 1915. 84 с.

41. Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7: Автобиография. 1915. Дневники. 1901–1921 / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова и К.И. Чуковского. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 543 с.
42. Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. М.: Наука. 1982. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3 / ред. И.С. Зильберштейн и Л.М. Розенблюм. С. 153–539.
43. Брюсов В. Stephanos. Венок. Стихи 1903–1905 года. М.: Скорпион, 1906. 180 с.
44. Валерий Брюсов и Петр Струве. Переписка. 1906–1916 / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. СПб.: Нестор-История, 2021. 615 с.
45. Верховский Ю. Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные. Пг.: Изд. А.С. Кагана, 1922. 118 с.
46. Верховский Ю. Е.А. Боратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1916. 152 с.
47. Верховский Ю.Н. Отчет о поездке летом 1908 года. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. [оттиск из: Известия Имп. Акад. наук. 1908. VI серия, № 16. С. 1202–1210.]
48. Верховский Ю. Разные стихотворения. М.: Скорпион, 1908. 116 с.
49. Верховский Ю. Стихотворения. М.: Мусaget, 1917. Т. 1. 246 с.
50. Верховский Ю. Струны / сост., подгот. текста, ст. и коммент. В. Калмыковой. М.: Водолей, 2008. 926 с.
51. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. 546 с.
52. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.И. Кейдана. М.: Кошелев, 1997. 745 с.
53. Воспоминания А.Г. Беркович (из истории блокадных библиотек) / публ. Н.С. Беляева // Петербургская библиотечная школа. 2002. № 3. С. 57–62.
54. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1911 год. М.: Городская тип., 1911. 872 с., 2627 стб. (разд. паг.)
55. Высочайше утвержденное русское общество пароходства и торговли. Агентства, флот. Пассажирские правила. Расписание рейсов пароходов. На 1912 г. [СПб.], [1912]. 472 с.
56. Гершензон М.О., Гершензон М.Б. Переписка. 1895–1924. М.: Трутен, 2018. 802 с.
57. Глухова Е. «Странное существо человек, загадочнее кошки»: переписка М.О. Гершензона с В.И. Ивановым (1909–1925) // Русско-итальянский

- архив VIII = Archivio russo-italiano VIII / a cura di Cristiano Diddi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Umanistici – Università di Salerno, 2011. P. 27–104. (Collana di Europa Orientalis)
58. Горнунг Л.В. А.И. Ходасевич // Ново-Басманная, 19 / сост. Н. Богомолов. М.: Худож. лит., 1990. С. 388–390.
 59. Давиденков Н. Воспоминания о годах учения в Смоленской мужской гимназии (1892–1897) / публ. В.А. Сухановой // Край Смоленский. 1997. № 10–12. С. 25–39.
 60. Е.П. Юбилейное торжество в честь К.Д. Бальмонта // Против течения. № 25. 17 марта 1912. С. 3–4.
 61. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 6: Переводы из Гомера. 733 с.
 62. Записки Неофилологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб.: Тип. А.Э. Винеке. 1914. Вып. VII. 86 с.
 63. Зиновьева-Аннибал Л.Д. Трагический зверинец. СПб.: Оры, 1907. 291 с.
 64. Иванов Вяч. Из неопубликованных стихов: дружеские послания. Из неопубликованных переводов. Dubia / публ. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 25–48. (Collana di Europa Orientalis)
 65. <Иванов Вяч.> Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией (1925–1941) / вступ. ст. Ф. Лесур, подгот. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко, коммент. С. Кульбюс и А. Шишкина // Символ. 2008. № 53/54. С. 460–630.
 66. Иванов Вяч. Нежная тайна. ЛЕПТА. СПб.: Оры, 1912. 119 с.
 67. Иванов Вяч. Свет вечерний. Оксфорд: Clarendon Press, 1962. 229 с.
 68. Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
 69. Иванов Вяч. Cor Ardens. М.: Скорпион, 1911. Т. 1. 234 с.
 70. Известия Тифлиских высших женских курсов. Программы лекций и другие сведения о преподавании предметов. Тифлис: Совет Тифлиских высших женских курсов. 1914. Кн. 1. Вып. 2. 131, 49 с. (разд. паг.)
 71. К истории разработки библиотечных классификаций в 1930-е годы. Сб. документов. Комментированное издание / авт.-сост. Н.В. Бекжанова, Д. Дракулич-Прийма, Д.М. Омельченко, С.В. Перекрест. СПб.: БАН, 2018. 253 с.

72. К семидесятипятилетию Николая Николаевича Давиденкова // Журнал технической физики. 1954. Т. XXIV. Вып. 3. С. 369–374.
73. Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. 462 с.
74. Кузмин М. Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 606 с.
75. Кузмин М. Дневник 1908–1915 / предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 861 с.
76. Кузмин М. Избранные произведения / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Лаврова, Р. Тименчика. Л.: Худож. лит., 1990. 573 с.
77. Кузмин М. Осенние озера. М.: Скорпион, 1912. 233 с.
78. Леонов Л. Деревянная королева. Бубновый валет. Валина кукла. Пг.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1923. 68 с.
79. Литературный сборник. СПб., 1908. [Издание описано в справочнике: Воронков А.И. Древняя Греция и Древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895–1959 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 197; экземпляры не разысканы].
80. Литовцев С. Праздник молодой русской поэзии // Речь. 1912. № 70. 12 марта. С. 3.
81. Лукницкий П.Н. Asimiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2: 1926–1927. Париж; М.: Русский путь, 1997. 372 с.
82. Мочалова О. Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах / сост., предисл. и коммент. А.А. Евстигнеевой. М.: Молодая гвардия, 2004. 299 с.
83. Недоброво Н. Милый голос. Избранные произведения / сост., примеч. и послесл. М. Кралина. Томск: Водолей. 2001. 351 с.
84. Оганджанов А.С. К вопросу о борьбе против распространения сыпного тифа // Тифлисский листок. 1915. № 28. 5 февраля. С. 2.
85. Переписка <В.Я. Брюсова> с Вячеславом Ивановым. 1903–1923 / предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов / ред. А.Н. Дубовиков и Н.А. Трифонов. С. 428–545.
86. Переписка <В.Я. Брюсова> с К.Д. Бальмонтом / вступ. ст. и подгот. текстов А.А. Нинова, коммент. А.А. Нинова и Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. М.: Наука, 1991. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Н.А. Трифонов. С. 30–239.
87. Переписка <В.Я. Брюсова> с С.А. Поляковым / вступ. ст. и коммент. Н.В. Котрелева, публ. Н.В. Котрелева, А.К. Кувановой и

- И.П. Якир // Литературное наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. Н.А. Трифонов. С. 5–136.
88. Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор / предисл. А.А. Кондюриной, публ. А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци и А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив III = Archivio russo-italiano III / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2001. С. 151–455. (Collana di Europa Orientalis)
89. Письма М.А. Гофмана к Б.А. Модзалевскому. Часть I (1904–1921) / публ. Т.И. Краснобородько, при участии В.Р. Гофмана // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 180–238.
90. Письма Ю.Н. Верховского к Ф. Сологубу и Ан.Н. Чеботаревской / публ. Т.В. Мисникевич // Русская литература. 2003. № 2. С. 121–140.
91. С.А. Рачинский и его школа. Сб. статей. Jordanville: Holy Trinity monastery, 1956. 84 с.
92. *Сердаковский А.В.* Невозможная миссия // Новый журнал. 1980. Кн. 141. С. 128–145.
93. *Скалдин А.Д.* Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Т.С. Царьковой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 525 с.
94. *Скалдин А.* Стихи и письма / подгот. текста, послесл. и коммент. В. Вотрина // Новый мир. 2014. № 5. С. 120–135.
95. Справочная книга по гор. Тифлису. Приложение к Кавказскому Календарю на 1913 год. Тифлис: Канцелярия наместника е. и. в. на Кавказе, 1912. 296 с.
96. Стихотворения Юрия Верховского из Римского архива Вячеслава Иванова / публ. А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 220–226.
97. *Троцкий С.В.* Воспоминания / публ. А.В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 41–88.
98. Ф.И. Тютчев. Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. 1818–1973 / сост. И.А. Королева, А.А. Николаев; под ред. К.В. Пигарева. М.: Книга, 1978. 263 с.
99. *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов. Характеры и суждения / подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 861 с.

100. Холера 1907, 1908, 1909 и 1910 гг. на водных путях Казанского округа путей сообщения и борьба с нею. Казань: Казанский округ путей сообщения, 1911. 139 с.
101. Хрестоматия по западноевропейской литературе. Литература эпохи Возрождения и XVII века / сост. Б.И. Пуришев. М.: Учпедгиз, 1937. 776 с.
102. Ю.Н. Верховский в газете «Свободная Пермь» / вступ. ст. и подгот. текста С.А. Звоновой и Т.Н. Фоминых // Филолог. 2005. № 7. С. 63–72.

References

1. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh. Dokumental'nye khroniki* [*Vyacheslav Ivanov in 1903–1907. Documentary Chronicles*]. Moscow, Izdatel'stvo Kulagina — Intrada Publ., 2009. 284 p. (In Russ.)
2. Bogomolov, N. “K literaturnoi istorii 1910 goda” [“To the Literary History of 1910”]. Colombo, Duccio, and Caterina Graziadei, editors. *L'anno 1910 in Russia*. Salerno, Vereja Edizioni Salerno, 2012, pp. 51–62. (In Russ.)
3. Bugrov, Iu.A. *K uedinennomu dolu. Zhizn' i tvorchestvo poeta Valeriana Borodaevskogo* [*To the Secluded Valley. The Life and Work of the Poet Valerian Borodaevsky*]. Kursk, Kurskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2006. 97 p. (In Russ.)
4. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov. Research and Materials*]. Issue 2, ex. ed. N.Yu. Gryakalova, A.B Shishkin. St. Petersburg, RKHGA Publ., 2016. 509 p. (In Russ.)
5. Gasparov, M.L. “Lektsii Viach. Ivanova o stikhe v Poeticheskoi Akademii 1909 g.” [“Ivanov's Lectures about Poems at the Poetry Academy in 1909”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 10, 1994, pp. 89–105. (In Russ.)
6. Glukhova, E.V. “Viacheslav Ivanov i Valerian Borodaevskii: k istorii vzaimootnoshenii” [“Vyacheslav Ivanov and Valerian Borodaevsky: on the History of Relations”]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov. Research and Materials*]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 493–532. (In Russ.)
7. Durylin, S.N. “Aleksandr Diuma-otets i Rossiia” [“Alexander Dumas-father and Russia”]. *Literaturnoe nasledstvo. Russkaia kul'tura i Frantsiia* [*Literary Legacy. Russian Culture and France*], vol. 31–32, book II. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1937, pp. 491–562. (In Russ.)
8. Zvonova, S.A. *Tvorchestvo Iu.N. Verkhovskogo v istoriko-kul'turnom kontekste pervoi treti XX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [*The Work of*

- Yu.N. Verkhovsky in the Historical and Cultural Context of the first third of the 20th Century: PhD Dissertation*]. Perm', 2006. 225 p. (In Russ.)
9. Korchagin, K.M. *Tsezura v russkom stikhe XVIII – pervoi chetverti XX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [*Caesura in the Russian Verse of the 18th – first quarter of the 20th Century: PhD Dissertation*]. Moscow, 2012. 267 p. (In Russ.)
10. Kotrelev, N.V. “Viach. Ivanov — professor Bakinskogo universiteta” [“Vyach. Ivanov — Professor of Baku University”]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Tartu State University], issue 209: Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. XI. Literaturovedenie [Works on Russian and Slavic philology. XI. Literary studies]. Tartu, Tartuskii Gosudarstvennyi universitet Publ., 1968, pp. 326–339. (In Russ.)
11. Kotrelev, N.V. “Viacheslav Ivanov v rabote nad perevodom Eskhila” [“Vyacheslav Ivanov in the Work on the Translation of Aeschylus”]. *Eskhil. Tragedii v perevode Viacheslava Ivanova* [Aeschylus. Tragedies Translated by Vyacheslav Ivanov]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 497–522. (In Russ.)
12. Lavrov, A.V. “Druzheskie poslaniia Viacheslava Ivanova i Iurii Verkhovskogo” [“Friendly Messages of Vyacheslav Ivanov and Yuri Verkhovsky”]. *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–11 sentiabria 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov — Petersburg — World Culture. Proceedings of the International Scientific Conference, September 9–11, 2002]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 194–204. (In Russ.)
13. Lavrov, A.V. *Simvolisty i drugie. Stat'i. Razyskaniia. Publikatsii* [Symbolists and Others. Articles. Searches. Publications]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 761 p. (In Russ.)
14. Obatnin, G.V. “Eshche raz o ‘pomnit’ i ‘vspomnit’ u Viacheslava Ivanova” [“Once again about the ‘Estate’ and ‘Remember’ by Vyacheslav Ivanov”]. *Okno iz Evropy: k 80-letiiu Zh. Niva* [Window from Europe: to the 80th Anniversary of Zh. Niva], comp. A.E. Parnis, G.V. Nefediev, V.L. Skuratovskii. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2017. 84 p. (In Russ.)
15. Obatnin, G.V. *Eshche raz o poeticheskom otklike Viach. Ivanova na imperialisticheskuiu voinu* [Once again about the Poetic Response of Vyach. Ivanov on the Imperialist War] (In print). (In Russ.)
16. Obatnin, G.V. “Iz arkhivnykh razyskanii o Viach. Ivanove” [“From Archival Searches about Vyach. Ivanov”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2014, pp. 264–281. (In Russ.)

17. Obatnin, G. *"Ispravlennoe i dopolnennoe". Stat'i o russkoi literature* ["Corrected and Supplemented". An Article about Russian Literature]. Helsinki, University of Helsinki Publ., 2022. 431 p. (In Russ.)
18. Obatnin, G.V. "Kiuvil'e, Ivanov i Bettina fon Arnim" ["Cuvillier, Ivanov and Bettina von Arnim"]. *Rossii i Zapad. Sbornik statei v chest' 70-letiiia K.M. Azadovskogo* [Russia and the West. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of K.M. Azadovsky], comp. M. Bezrodnyi, N. Bogomolov, A. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 345–402. (In Russ.)
19. Obatnin, G. "Materialy k ucheniiu o rifme v bashennoi Akademii stikha" ["Materials for the Teaching of Rhyme in the Tower Academy of Verse"]. Fleishman, Lazar, Bethea, David M., and Ilya Vinitsky, editors. *Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. [Berlin], Peter Lang, 2020, pp. 333–366. (In Russ.)
20. Raku, M. *Muzykal'naia klassika v mifotvorchestve sovetskoï epokhi* [Musical Classics in the Myth-making of the Soviet Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 717 p. (In Russ.)
21. Sinel'nikova, E.F., Sobolev, V.S. "Petrogradskoe filosofskoe obshchestvo i izdatel'stvo 'Academia.'" ["Petrograd Philosophical Society and Publishing House 'Academia.'"]. *Vestnik arkhivista*, no. 1, 2020, pp. 293–305. (In Russ.)
22. Sobolev, A. *Leteiskaia biblioteka. Ocherki i materily po istorii russkoi literatury XX veka: v 2 t.* [Library of Lethe. Essays and Materials on the History of Russian Literature of the 20th Century: in 2 vols.], vol. II. Moscow, Truten' Publ., 2013. 440 p. (In Russ.)
23. Shishkin, A. "Viach. Ivanov i sonet serebriannogo veka" ["Vyach. Ivanov and the Sonnet of the Silver Age"]. *Europa Orientalis*, vol. XVIII, no. 2, 1999, pp. 221–270. (In Russ.)
24. Shishkin, A.B. "Materialy k teme 'Viach. Ivanov i pushkinovedenie.'" ["Material for the Topic 'Vyach. Ivanov and Pushkin Studies.'"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 1, ex. ed. K.Iu. Lappo-Danilevskii, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 780–807. (In Russ.)